

Марина Комарова

Калинка-малинка для Кощея

© Комарова М. С., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1. Знакомство у реки

- Может, лучше поцелуешь, красавица? - хрипло спросил он, опалая кожу дыханием.

Так близко, так самоуверенно. Чуть потянешь - и можно коснуться губ. И...

Я с удовольствием залепила ему пощечину. Получилось так звонко и смачно, что аж сама порадовалась.

Он отпрянул, в глазах сверкнули лиловые молнии. А глаза-то ничего-о-о... Светло-серые, будто небо осенью, но не грозное, а просто затянутое тучами, за которыми прячется солнце.

Да и сам весь хорош, будто с картинки сошел. Статный, плечистый, ладный. И не важно, что одет в простые штаны и льняную рубаху, расшитую черными узорами. Кстати, странно. Кто вышивал-то? Одним черным цветом нехорошо ведь. Но красиво смотрится, в тон его волосам, как вороново крыло, что спускаются за спину. Черты лица красивые, резкие. Прямо хищный зверь, а не человек. На такого бы смотреть и смотреть. Только пахнет от него полынью и морозом ранней зимы.

Да и повадки... далеки от прекрасных.

- И поцелую, - хмыкнула я, вслушиваясь в плеск волн реки. Так-так, водяные вовсю подслушивают, потом сплетен не оберешься. - Только не тебя.

Эх, хорошо же денек начинался! Солнышко светило, птички пели, на улице тепло. Я подхватила корзинку с бельем - и на речку. Нечего накапливать, постирать да вывесить надо, чтобы потом дальше спокойно заниматься своими травами. Но нет. Все не так.

Свалился тут на голову. Сначала держался на почтительном расстоянии, а потом подошел, разговор завел. Дивиславом представился, сыном кузнеца. Говорил толково, складно. Я и заслушалась. Прямо аж удивление взяло: откуда бы сыну кузнеца так уметь? Тут иной сказитель так речи не сложит, а этот - прямо заслушаешься.

Вот и сказала:

- Слова у тебя - мед сладкий, таким торговать можно. Очередь соберется знатная.

А этот подлец возьми и целоваться полезь! Я настолько оторопела, что даже чудесническую силу не вложила в ладонь, так от души и вмазала. Просто, без эффекта.

Впрочем, Дивислав не особо смутился, удар ему вреда не причинил. И только на красиво очерченных губах появилась тень улыбки.

- Резвая, - только и сказал он.

И продолжил смотреть так, словно уже решил съесть с потрохами.

- Шустрый, - не смутилась я, складывая руки на груди. - Али раз умеешь сладко рассказывать, так и девицы все должны у ног лежать?

- Хотелось бы, - неожиданно весело сказал он.

И вроде даже потянулся ко мне, чтобы сгрести в охапку, но резко остановился. Прислушался. Я насторожилась. И впрямь за спиной что-то треснуло.

- Калина-а-а! Калина! - раздался звонкий крик Забавы.

Дивислав чуть нахмурился. Вечно так с этими молодцами. Как один на один, так герой. А как кто еще появится, так сразу в кусты.

- Калина!

Я выжидающе смотрела на него: ну, сокол ясный, что будешь делать?

Неожиданно солнце померкло, а где-то вдалеке загрохотал гром. Серые глаза Дивислава подернулись дымкой, зрачок на мгновение исчез, уступив светло-серой радужке. Я вздрогнула - вмиг дышать стало тяжело, а голова пошла кругом.

Он оказался совсем близко, стиснул в объятиях, не давая вырваться. Сердце замерло, словно и не знало как биться.

- Я еще вернусь, Калинка-малинка, - обжег он полынным дыханием. - Никуда от меня не денешься.

И, обернувшись черным вороном, взмыл в небеса.

Я аж шарахнулась назад. Но потом только покачала головой. Чего только не бывает. Появится, понимаешь, голову вскружит, а потом – раз! – и улетел. И так, скажу я вам, не только с нелюдями лесными. Обычные мужчины – тоже те еще... летуны.

– Калинка, ты меня вообще не слышишь, что ли? – возмущенно спросила Забава, к которой я так и не соизволила обернуться.

Вздохнув, я все же повернулась к подруге. Да уж. Забава, дочь Остромысла. Страшная женщина. Не внешне, но внутренне. Еще ни один молодец не сумел унести ноги от ее пылкого взгляда. А что? Душа-девица всяя Полозовичей, краса, надежда и прочее-прочее, если только у нее... хорошее настроение. Пышные косы, пышные формы, пышное, э, самомнение. При всем этом за близких готова ринуться в бой, дать больно, а потом невинно захлопать ресницами. А еще любит котиков, куда без оборотов пушистых. В общем, мед, а не девица. Главное, потреблять без перебора.

Забава покрутила кончик белокурой косы, а потом резко закинула ее за спину. Глянула на меня озорными голубыми глазами:

– С кем ты тут разговаривала? Мужчина был, своими ушами слышала. Где взяла?

– Сам пристал, – сказала я чистую правду, наклоняясь и беря корзину с бельем. – И умчался так быстро, что я и слова не успела сказать. А хотела с тобой познакомиться.

Забава тут же насупилась. Ей, вечно жаждущей отыскать единственного и неповторимого, катастрофически не везло в любовных делах.

– Издеваешься, – припечатала она. – Все я поняла. Никто меня не любит, никто не приголубит. Пойду-ка я...

– Э... нет, родная. Бери свою корзинку и пошли домой. А то у меня и так ничего не осталось от пирожков с малиной.

Забава не оценила моей искренней заботы о ее фигуре – презрительно фыркнула, легко взяла одной рукой корзинку и зашагала передо мной. Я только хмыкнула и последовала за ней. Ну а что? Покушать, знаете ли, это прекрасно, сама не без греха, но надо и про меру не забывать.

Забаву, кстати, мои нравоучения страшно злят. Подруга не забывает напоминать, что девушки, которые жр... едят и не толстеют, – ведьмы. Ну что ж... в этом есть зерно истины. Особенно учитывая, что моя мать – чудесница. А чудесница от ведьмы недалеко стоит; по сути, одно и есть. Только у нас, в Полозовичах, называется чуть иначе. Вот так и живем.

– Красивый хоть был? – спросила она, не оборачиваясь.

Я не сразу поняла, о чем речь. Но потом дошло. Красивый? Да. В Полозовичах у нас все больше светловолосые и светлоглазые. Ну, еще есть горцы заезжие с Ночных гор – те юркие и смуглые, вечно сверкают глазами темными и бездонными.

– Красивый, – подтвердила я. – И явно нездешний. Только... нахальный больно.

Забава все же обернулась. В ярко-голубых глазах мелькнул интерес.

– Ну-ка, рассказывай подробнее.

Я задумчиво смотрела под ноги. Дорога до речки от моего дома вся в ямах да ухабах: того и гляди споткнешься и упадешь в ворох листьев и хвойных иголок. Лес возле Ночных гор – всем на зависть лес. Нигде такого больше не сыщешь. Даже из самого стольного града Кьева все едут к нам. За древесиной, за ягодами, за советами лесных жителей... Но об этом позже.

– Статный и черноволосый. Одет вроде просто, сыном кузнеца представился. Только не превращаются сыновья кузнецов в воронов.

Забава протянула руку и сорвала с куста сочные ягоды, темно-красные такие, с кислинкой. Шеленика зовутся, местная, так сказать, достопримечательность. Варенье получается – пальчики оближешь. Чем, по сути, и будет заниматься Забава, когда вымажется в тягучем янтарно-красном ягодном соке.

– Смелая ты, Калинка, – неожиданно вздохнула она. – Я бы испугалась.

И так мечтательно посмотрела на небо, что мне во всей красе представился этот испуг. Да такой, что добрый молодец со скоростью белки забирается на дерево и прячется в раскидистой кроне.

- Вот в следующий раз я буду его за руку держать, - предложила я. - А ты подойдешь и это... испугаешься.

Подруга хихикнула. Но тут же посерьезнела и даже чуть нахмурилась.

- А что, думаешь, вернется?

Я пожалала плечами. Хотя последние слова Дивислава помнила очень хорошо. Да и стальную решимость в светло-серых глазах. Этот вернется, точно вернется. Такие от своего слова не отступаются. А касаясь страха... Часто в лесу встречаем то горцев, то дровосеков из соседних деревень, то купцов. Ну и нелюди ходят, это известное дело. Поэтому я ни капли и не удивилась, когда Дивислав обернулся вороном. И не особо испугалась, с моей-то силой не каждый осмелится сделать плохое. С виду хоть и не богатырка, да только не внешность главное.

- Вернется, - вслух сказала, осознав, что Забава подозрительно щурится.

- Ай, Кали-и-и-инка, - протянула она. - Вижу, пришелся тебе по душе.

Я сделала вид, что не понимаю, о чем она. Впрочем... Забава считала, что по душе мне каждый второй молодец, поэтому удивляться точно не пристало.

- Прибавь шагу, болтушка, - хмыкнула я.

Забава только фыркнула и прикрыла рот ладошкой, чтобы не расхохотаться в голос. Однако, заметив мой взгляд, спешно зашагала вперед. Правда, я сомневалась, что подруга искренне раскаялась в своем поведении.

К Полозовичам мы вышли где-то через полчаса.

Каково же было мое удивление, когда я поняла, что передохнуть после стирки, юркнув к себе, не получится. Возле дома собралась толпа. Все шумели, жестикулировали и явно не собирались расходиться.

- Та-а-ак, - протянула Забава, останавливаясь возле дуба, растущего неподалеку от моего забора. - А тут у нас весело. Вроде ж уходили, спокойно было. Или ты знаешь что-то, чего не знаю я, подруга?

- Ничего, - честно ответила я, считая собравшихся.

Человек под пятнадцать наберется, не меньше. Вот и сходила, постирала. Явились к чудеснице, опять какая неприятность приключилась. Вздохнув, я направилась к дому, кивком дав Забаве знак идти за мной. Разберемся, не в первый раз. Правда, жалко, что спокойно не пообедать, ведь шум же подняли - матушка дорогая. И вон топчется полозовчанский староста, Микула Радянинович - значит, и впрямь нечто важное. А еще, по-моему, кто-то плачет. Страшно, навзрыд так. Вот это уже совсем нехорошо.

- Да я и говорю - унес окаянный! - донесся мужской бас. - Сам видел!

- Да, было-было! - пискляво добавил старческий голос, принадлежавший дальней родственнице старосты. - И...

- А-а-а-а... Мой бедный-несчастный! Как бы-ы-ыть! - снова донесся плач.

- Ну-ка, тихо! - рявкнула я, и собравшийся люд вмиг притих.

Кажется, даже никто не заметил, как мы с Забавой приблизились. Потому что смотрели так, словно увидели восставших с погоста нежеланных родственников.

Я оценила ситуацию. Так, положение такое: в центре стоит рыдающая Елька с растрепанной косой, а ее по возможности пытаются утешить все сразу, но ни у кого толком не выходит.

- Ой, Калинушка, горе-то какое, - запричитала все та же родственница старосты, - страшное приключилось. Такое вышло, такое вышло...

- Не тараторь, - хмуро прервал ее Микула Радянинович.

Родственница (кстати, как ее зовут?) мигом захлопнула рот и кинулась к Ельке. Та старательно утирала слезы и тяжело вздыхала. Так, судя по ней, не так все и плохо. Следовательно, вызывать дружину из Кьева-града не будем. Уже легче.

Я протолкалась сквозь людей, используя корзину аки орудие расчищения пути, что, кстати, очень помогло, и остановилась возле Ельки.

- Так, слезы отставить! Быстро рассказывай, что произошло.

За спиной послышалось ворчание:

- Вот же выражается. А еще девица.

- Так дочь же богатыря, - возразили тут же.

Угу. Его самого, дочь Радомира Славного, одного из ближайших соратников князя киевского.

Поэтому и наследственность, так сказать, обязывает. И вообще...

- Свидетели произошедшего были? - громко спросила я, а потом прищурилась и внимательно поглядела на старосту. Тот покачал головой.

- Да какие свидетели?! - возмутилась родственница. - Елька рыдает, чудесница где-то бродит, беда идет, а...

- А ну-ка тихо! - подала голос Забава, и худосочная востроносая родственница старосты тут же умолкла.

Подруга подошла к ней и угрожающе нависла, как Богатырь-Утес над рыбацким домиком у берегов Туманной реки.

- Неясно, что ль? - миролюбиво поинтересовалась Забава, невинно взвешивая корзину с бельем в одной руке, словно примеривалась стукнуть не в меру болтливую тетку. - Чудесница только с Елиной поговорить хочет. Остальным тут не место.

Я с трудом сдержала усмешку. У Забавы тоже силушки не занимать, предки-то были выдающихся способностей. Староста только укоризненно посмотрел на меня. Я чуть пожала плечами, но отступаться не собиралась. Когда толпа стоит за спиной, до истины не доберешься. Когда пойму, в чем дело, - сама расскажу. А пока пусть лучше не мешают.

- Оставим их, - мрачно сказал Микула Радянинович.

Люди неохотно начали расходиться. Родственница и вовсе сверкнула темными глазищами, отчаянно расстроенная, что лишили возможности послушать, а потом растрепать сплетни по всем Полозовичам.

Но через достаточно короткое время мое подворье опустело.

Забава зорко смотрела вслед ушедшим, чтобы никому не пришло в голову задержаться вроде как случайно и чего подслушать. Все же хоть я и живу здесь с рождения, о том, как чудеса творю, никто почти не знает. Жаждают узнать, но не могут. На то и сила чудесная, втайне должна быть от чужих глаз. На результат посмотреть - это пожалуйста, а вот на процесс - запрещено.

Я подхватила шмыгавшую носом Ельку под локоть и повела в дом.

Дверь открылась сама, пропуская нас в прохладные сени. Тут же окутало запахом дерева, целебных трав и ягод. Тихонько скрипнули половицы под ногами, приветствуя меня нечеловеческим голосом:

- Здравствуй, хозяйюшка милая. С возвращением.

Я прошла в горницу, поманила за собой Ельку. Та уже почти успокоилась, правда, из светлых глаз так и не ушли страх и беспокойство.

- Садись за стол, - велела я. - И рассказывай.

А сама достала бутылку с настоем на травах и налила в глиняную чашку. Все же Елька - девица впечатлительная. Чего увидела - и сразу в крик. Поэтому, дабы сама успокоилась и больше рыдать не вздумала, пусть вот травок попьет. Все одно польза для организма, это я как лекарка говорю.

Поставила перед Елкой, которая явно немного робела в чужом доме, чашку.

- Пей.

Она поколебалась минутку, но все же выпила отвар. Сделала глубокий вдох. А потом так тихо-тихо сказала:

- Леля змей унес.

Я приподняла бровь и села напротив. Даже отодвинула в сторону стоявший в центре стола горшок с медом, чтобы лучше видеть ее лицо. Мед тут не просто так стоит: вечно домашние духи

прикидываются миленькими да бестелесными, но при этом норовят подкрепиться чем-то материальным. И желательнее повкуснее. Один без ума от сладостей, другому – вяленую рыбу подавай да пиво домашнее. А еще домовые, называется, никаких денег на них не хватит – кормить постоянно эту ораву.

– Какой змей? – спросила я, пытаюсь представить, как моего гибкого да ловкого Леля мог унести змей.

Воображение подсказывать отказалось. Все же Лель у нас добрый молодец, мечом владеет хорошенько. Да и завидный жених на все Полозовичи, девицы по нему так сохнут, долго глядят вослед и ночами вздыхают. А змеи – так это у нас не удивление.

Само название деревни от полозов происходит. Жил тут давным-давно Змеиный царь со своим змеиным народом. Как на земле, так и под землей. Владения его простирались аж до Ночных гор и уходили в пещеры. Где уж там граница тех владений проходила – никто не знает. Да и не узнает никогда. Одни лишь сказители ходят от деревни к деревне и рассказывают всякие холодающие кровь истории, что однажды царь вернется, потому что не простил он нашим богатырям много. Что именно – тоже неизвестно. То говорят, что виной всему красавица Золотава, дочь самого Солнца, то силач Золотко, брат ее, который изгнал в подземный мир змеиный народ, но при этом увел невесту у царя-полоза. Правда это или выдумка людская, кто же разберет. Да и не будет разбирать никто, ведь стоят себе преспокойно Полозовичи на окраине Къевской Роси, у леса да у Ночных гор. Народу здесь человек триста, все друг друга знают, если не лично, то наглядно точно.

Все сложно, в общем. Но полозов в наших краях много – обычных, не волшебных. К людям они выходят, но вреда не делают. Да и люди относятся с уважением, чешуйчатых не обижают.

Порой у нас говорят: «Змей унес». То бишь пошел далеко и надолго туда, куда можно было не ходить. Обычно, конечно, речь шла про хмельные гуляния, однако Лель – парень относительно серьезный, поэтому вряд ли среди бела дня он пошел бы с кем пить веселящие напитки и предаваться разным утехам.

– А теперь все сначала, Елька. А то я решу, что ты просто отнимаешь у меня время.

Елька посмотрела на меня с видом оскорбленной невинности. Кстати, а девица не так проста все же. И что только Лель нашел в ней? Бродила за ним молчаливо, так, что он, бедняга, через мой забор переползал, лишь бы только удрать от влюбленной девчонки. А вот в прошлом месяце объявили они всем Полозовичам, что теперь стали женихом и невестой. Радость Ельки было не описать словами. Крепость пала. Правда, немного не та. Лель отказывался называть причину, а Елька висела на нем почти все время, не давая нормально пообщаться. Конечно, со мной ей не тягаться. Опасалась, что уведу ненаглядного.

– Мы были на реке, – тихо сказала Елька. – Я шла с обедом, время уже подходило. Из чащи раздавались удары топоров. Он с лесорубами пошел за древесиной, – пояснила она, увидев мой удивленный взгляд.

Лель – гончар, все чашки и горшки в моем доме – его работа. А рубить деревья он хоть и может, только не любит это дело. Матушка Леля из лесных дев родом, они очень трепетно ко всему живому относятся. Поэтому чтоб он взял топор да в лес?

Однако Елька не обратила внимания на мое молчание.

– Подхожу я к поляне, никого из мужиков нет, только Лель остался, – продолжила она. – Улыбнулся так ласково и нежно... – Ее глаза подернулись мечтательной дымкой, но тут же девушка встрепенулась. – И пошел ко мне. Словечком не успели перемолвиться, как вдруг накрыла нас тень черная. Я подняла голову и потеряла голос от ужаса. Прямо на меня падал трехглавый змей. Да такой огромный, что закрывал всю поляну. Крылья шипастые, тело чешуйчатое, из пастей клыкастых пламя летело. Я позабыла от страха все, камнем будто стала – ни шевельнуться, ни выдохнуть.

Вот как. Крылатый змей да с тремя головами. Ну-ну, любопытно. Судя по реакции, дева и впрямь испугалась, только совсем не так, как следовало. Я вот тоже кое-кого боюсь, но при этом когда ты знаешь, какое оно, чудище, страх совсем не тот.

– А Лель кинулся мне на защиту, – тем временем продолжала Елька. – Только как от такого-то... А змей схватил его когтями страшнющими и ка-а-а-ак взмоет вверх!

Она закрыла лицо руками и тихонечко заскулила.

– Страшно-то как! И что делать?

Я постучала пальцами по столу. Звучит странно, только у нас всякое может быть. А о нелюдях и

явлениях странных положено докладывать чудеснице в первую очередь. И она уже говорит со старостой. Только хватило ли Ельке ума не порыдать у кого на плече, пока до меня добралась?

Заставив выпить без остатка успокаивающий напиток, я выпроводила девушку домой. При этом наложив на нее легкое заклятие, чтоб кошмары не виделись да разговаривать о случившемся не хотелось. А то мало ли...

Забава молча проводила ее взглядом, стараясь сдерживать истинные чувства. Какое-то время подруга тоже была влюблена в Леля, однако это скорее было: «все побежали, и я побежала». Влюбленность и очарование сошли на нет, а вот дружеские отношения остались. Только... Ельку Забава невзлюбила сразу и скрывать это не особо старалась.

- Такой пигалице и такой Лель! Приворожила же, как пить дать! Ну, подумай, Калина, чего он так? Бегал-бегал и тут согласился?

- Может, решил отдаться в цепкие ручки самой настойчивой? - хмыкала тогда я.

Все же Лель еще тот прохвост, до девиц охоч так, что словами не описать. Правда, расставаясь со своими любушками, поступал по чести. Никого не обижал и готов был отвечать за свои поступки.

Стоило только Ельке скрыться, я поманила Забаву.

- Пошли.

Забава фыркнула и вошла.

- Ну, что стряслось? - спросила тут же, едва оказавшись на пороге.

Я вкратце изложила историю Ельки. Забава только поморщилась и задумчиво заглянула в кадку с квашеной капустой, словно сейчас это было важнее всего.

- Рецепт поделишься, - невозмутимо сказала она. - А то со спасением мира поесть некогда. А у меня праздник на носу, гостям надо закусок предоставить.

Я сложила руки на груди. Нет, Забаву не изменить. Но в то же время у нее есть особенная чуйка на неприятности. Следовательно, раз она не прониклась рассказом Ельки, ничего страшного не случилось.

- А капуста-то хороша-а-а-а, - донесся сверху хриплый голос. - Чудо прям. Я вчера съел - так прям так хорошо стало, слов нет!

- Хороша, да, - пробасили ему в поддержку откуда-то справа. - Хотя неплохо бы ягод добавить - так кислее и вкус чувствуется лучше.

Я закатила глаза. Забава постаралась сделать вид, что ничего не слышала. Два прожорливых домовых, которые считают, что она человек свой, - это наказание.

- Совесть у вас есть? - ехидно осведомилась я.

- Нет, хозяйка! - хором ответили они.

Забава хлопнула меня по плечу.

- Твои Тишка и Мишка - это еще не беда. А вот мой Кузьма Мстиславович - серьезно. Старый, самоуверенный и всезнающий. И все время учит!

Хорошо хоть они ей на глаза не показывались. Все негоже щеголять не перед чудесницей или ворожкой. Потому, слава богам, обходились только разговорами.

Домовые захихикали. Мне же ничего не оставалось, кроме как кивнуть. Мои хоть молодые, достаточно гибкие в плане новшества и меня не в состоянии переспорить. А вот дядя Кузя - это серьезно.

- Ну и, - Забава резко посерьезнела, - что будешь делать с новостями?

А вот это хороший вопрос. Надо во всем разобраться. И Леля в беде не оставлю - друг детства, непутевый братишка названный.

- Кстати, - неожиданно подал голос Тишка. - Хозяйка, скажи на милость, что это возле твоего дома кругами всякие ходят? Выглядит как человек, а не человек. Зверем диким смотрит, а не зверь. Тьма впереди него дорожкой стелется, и слова нечеловеческие с губ слетают. Не знаешь, кто это, а?

Глава 2. Ночь с чужаком

Ночь выдалась тихая и жаркая. Я уснула почти сразу, едва голова коснулась подушки. Только шикнула на болтунов-домовых, которым только дай языками почесать. А то, что хозяйка за день по хозяйству накрутилась и набегалась, так это их не волнует. Правда, не буду скрывать: Тишка и Мишка – ребята понятливые. Если я говорю, что хочу спать, то ворчат совсем недолго и отправляются сторожить дом от всякой напасти, которая любит у нас гулять по ночам. Ведь жилище чудесницы – лакомый кусочек. Сила тут чародейская, земля волшебная, яблоня – и та принесена из садов тайного благодетеля, только не знает об этом никто из полозовчан.

А я знаю. И Тишка с Мишкой знают. Как и Васька. Но о нем, паразите, лучше без надобности не вспоминать, а то явится, даже если не звали. Такой уж характер, неугомонный да непоседливый.

Все звуки внезапно смолкли: ни шелеста листвы, ни шепота ветерка, ни щелчков и шуршанья ночных зверьков. И сама не могу пошевелиться, будто все тело сковало. Только не железом, а истомой сладкой. И дышать тяжелее стало, а во рту пересохло, будто от волнения. Я сбросила с себя покрывало, вдохнула полной грудью. И впрямь, что это такое? Воздух будто с огнем воедино сплелся и опалает с каждым вдохом.

– Ты не бойся меня, Калинка-малинка моя, – прошептал у самого уха голос, от которого сердце забилось пойманной пташкой в клетке злодея-разбойника. – Не обижу тебя. Только не могу прийти, как честный человек, а силы не ходить – нет. Пропадаю без тебя.

А потом вдруг уста обожгло так горячо, что я невольно охнула. Крепкие руки обвили стан и приподняли над кроватью. Я ойкнула и уперлась ладонями в грудь незнакомца. Только дурман желания закружил голову так, что захотелось самой потянуться к его губам и...

Я резко вскинула руку, и алый всполох озарил комнату.

– Ай! – совершенно искренне возмутились надо мной, не ожидая такой подставы.

Я упала на кровать, а ставни со стуком распахнулись. Только успела краем глаза заметить, что вылетела из комнаты какая-то птица. И тишина.

Села на постели, пригладила каштановые встрепанные волосы и покачала головой. Так-так, это тебе, Калинка, уже не приставания на улице. Быстро надо что-то с защитой дома делать.

С улицы вдруг донеслась мелодичная песня дудочки. Такая нежная и мягкая, совсем неземная. И в то же время холодная, словно каждый звук из льдинки сотворили. Я встала с кровати и подошла к окну. На ходу очертила вокруг себя круг силы, чтобы быть готовой. А то мало ли.

Прислушалась. Музыка стала громче и красивее, словно набирала силу, впитывая ночную тьму.

Эх, будь что будет. Не стоять же идолищем деревянным посреди своей хаты, в конце концов!

Я приблизилась к окну и осторожно выглянула. И обомлела. Внизу, прямо на траве, сидел, наигрывая на дудочке, Дивислав. Завораживающая мелодия заставляла сердце биться быстрее, а взгляд невозможно было отвести от красавца-музыканта. Пусть и чужого, непонятного, обладающего такой силой, что даже в дом чудесницы спокойно войти может.

Я оперлась руками о подоконник. Вот что с этим гостем незванным сделать? Огненный вихрь вызвать али пчелок с пасеки Микулы Радяниновича привлечь, чтобы пояснили, что врываться к девице ночью – нехорошо?

Мелодия стихла. Дивислав поднял глаза к звездам. На мгновение мое сердце замерло – до того красив и невероятен он сейчас был. Вот уж и правда интересно: откуда такой взялся? Ведь чужак, точно чужак. А ведет себя так, словно ничего и никого не боится.

– Вот говорят, что Луна-серебряница, – сказал он низким, пробирающим до костей голосом, – однажды поругалась со своим любимым Жар-Солнцем и ушла в вечную ночь. И как ни пытался Свет-богатырь Солнце ее вернуть, как ни слал драгоценные дары, только ничего не получалось. Уйдя от его горячих лучей, стала Луна-серебряница холодной и далекой, позабыла, что такое любовь, греющая сердце. А дары бывшего супруга и возлюбленного превратила в звезды. Так много их было, что усеяла она ими весь ночной небосвод. И каждый раз бегут они друг от друга – Луна и Солнце. Пытается догнать одну другую, только никак не может. Вот как думаешь, Калинка, что будет, если Жар-Солнце все же сумеет поймать ледяную возлюбленную?

«По рогам... точнее, по лучам получит, – подумала я. – Учудил же что-то, что Луна решила покинуть его?»

Но мысли не озвучила. Не все молодцы оценят подобную прямоту. А у этого надо еще выпытать,

чего он умеет и какими чарами пользуется, чтобы к невинным прекрасным девицам в дома проникать.

И не стала говорить, что это всего лишь сказка. И на самом деле Луна-серебряница не возлюбленная, а сестра Богатыря-Солнца. А Жар-Солнце – выдуманный в девичьих грезах златокудрый красавец. Только и всего.

- А что будет – потом узнаем, – хмыкнула я.

Дивислав лукаво на меня посмотрел:

- Сойдутся день и ночь в битве страшной? Или, может, в танце брачном?

Ишь, как сладко заливаешься. Прямо Соловушка-разбойник, прямо тот охальник, который в соседней деревне людей добрых с пути сводил в чащу лесную, а потом забирал ценности всякие. Только вот долго он так не протянул: поймали его и князю на суд увезли. Больше никто о Соловухе и не слышал, и поделом ему. Нечего у людей честных нажитое трудом отбирать.

Люди могут обидеться и дать в лоб. Больно.

Глаза Дивислава сияли серебром, лунным и чистым. Прямо как у Луны из его рассказа. Только вот зрачок внезапно вытянулся черным узким веретенцем, а черты лица заострились. И жутко стало, словно я увидела дикого зверя в человеческом обличье. Серебро взгляда вмиг померкло, уступив черной бездне, в которой никогда не отразится ни свет звезд, ни свет солнца.

- Что думаешь, Калинушка? – прозвучал хриплый низкий голос настолько близко, что я невольно вздрогнула.

Однако Дивислав не сдвинулся с места. Только молча сидел и смотрел на меня. Миг – внешность вернулась к прежней, просто красивый молодец. Хотя я прекрасно помнила, как этот молодец обернулся вороном. Следовательно, человеческий облик – просто обман. А каков он на самом деле – неведомо.

Но тут же я собрала волю в кулак. Расслабилась совсем что-то, нельзя так. Будто нелюдей никогда не видела. Ишь какая невидаль, подумаешь! Но все же не такой он, как те, что приходили ко мне раньше, ох... не такой.

- Да вот... – медленно начала я. – Думаю: ты всегда по ночам к девицам в гости заходишь? Особенно коли приглашения на то не было?

Уж лучше так, чем смущаться и о красоте его думать. Красота-то, конечно, дело хорошее, только в хозяйстве ее не применишь. Да и толку, когда ее носитель слишком нагл и явно не собирается раскаиваться в содеянном?

- Вообще-то нет, – неожиданно спокойно ответил Дивислав, и я с изумлением поняла – не шутит. – Но вот в такую ночь, как эта, сдержаться не смог. Каюсь, грешен. Но... когда бы ты еще вышла погулять, Калинка-малинка?

А вот панибратства не люблю. Где там моя сковородка? Ишь чего удумал! Сдержаться не мог он!

- Ну, коль несдержанный такой, то потом не жалуйся.

Мою руку охватила алая лоза силы, оплетая от кисти до плеча. Дивислав смотрел на это как замороженный. Только ни капельки страха в этих глазах не было – лишь восхищение. Хм, огня первородного то ли не знает, то ли не боится. Первое маловероятно, следовательно, второе.

- Хороша ты, чудесница Калинка, хороша, – улыбаясь уголками губ, сказал он.

А потом поднялся с земли, медленно и плавно, будто ни капельки мышцы не онемели да кости не заломило, пока сидел. Хотя сидел немало, хочешь или нет, а удобство то еще.

Подошел к окну, остановился в паре шагов. Посмотрел на меня спокойно и чуть лукаво. Словно чувствовал, что не противен и поэтому можно испытывать мое терпение. О том, что где-то в глубине души мне и самой хотелось, чтобы он побыл подольше, думать не стоит. Надо бы только разузнать, кто такой и чего желает? А еще слова Тишки и Мишки из головы не шли. Поэтому проверить все надо обязательно.

- Ну, в прошлый раз помнишь, чем все закончилось? – невинно уточнила я, намекая на пощечину и давая понять, что в этот раз может даже не пытаться меня поцеловать.

Дивислав только хмыкнул. Так-так, по глазам вижу, что все прекрасно помнит. Вон, даже ручки в карманы сложил с независимым видом.

- А красна девица должна уметь за себя постоять, - неожиданно выдал он. - Особенно если нет у нее того, кто защитит от охальников всяких.

- Вроде тебя?

- Вроде меня.

- Вот дочке своей и расскажешь, - не растерялась я.

Дивислав посмотрел на меня так, словно только что сделал какое-то крайне смелое предложение, а я возьми и согласись.

Алая лоза на моей руке больше не слепила пламенной силой и немножечко поблекла, горя мягким светом и рассеивая ночную тьму.

- А что... - начал было он.

- Кто ты такой? - ледяным тоном спросила я. - И почему ходишь рядом?

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но, заметив мой взгляд, чуть нахмурился. Почуял, все почуял. Вот и славно. Пусть говорит правду, а не ходит кругами.

- Живу я не близко и не далеко, Калинка моя, - заговорил Дивислав тем же низким голосом, от которого мне не по себе делалось. - Среди людей бываю, среди зверей тоже. Умереть не могу, а жить как хочется - не получается.

Складно как говорит. Только глаза - холодные-холодные, будто не любит вспоминать о своем роде, но ради меня почему-то согласился. Не ловушка ли тут?

И тут же поняла - не ловушка. Говорит искренне и правду, это уж чутье чудесницы подсказывает.

- Пока не могу открыться полностью, - продолжил он. - Но это будет недолго, вот увидишь.

Я задумчиво посмотрела на руку с лозой.

- А с чего взял, что захочу это видеть?

- Все хотят, - хмыкнул он. - А еще... хочешь знать, куда девался друг твой голубоглазый. Вот и узнаешь.

Я резко вскинула голову, пристально глядя на Дивислава. Сердце в груди застучало быстрее прежнего.

- А ты знаешь похитителя? И так просто мне назовешь его?

Он только молча смотрел на меня. А потом резко склонился, подцепил сильными пальцами за подбородок и шепнул, почти касаясь моих губ своими:

- Назову, Калина. Но не так просто. Дело у меня имеется к похитителю и разговор серьезный. Но об этом ты узнаешь позже.

Алая лоза метнулась к нему, окутала жаром огня, однако Дивислав не обратил никакого внимания, словно и не чувствовал вовсе. А тело окутала слабость, и не поймешь: от силы его нечеловеческой или чувства непонятного? Смешно и страшно одновременно.

- А как вернусь - женюсь на тебе, - шепнул он.

И я поняла, что не отступится от своего.

Утро выдалось ненастным. А после вчерашней ночи и выспаться толком не смогла. Все в голове перепуталось, и мысли шальные бродили. Сначала о Ельке с Лелем, потом о Дивиславе. От последнего сила шла темная и густая, такую тронь - захмелеешь тут же, мир в иных красках увидишь. А сбегать - это не по-моему, волков бояться - в лес не ходить. Ну ладно. Тут, допустим, не волк, но явно не человек.

На рассвете попробовала поворожить, только яблочко зачарованное по блюдцу кататься отказывалось, а вода, набранная из окутанного чарами колодца, была прозрачной и спокойной. Не желала показывать ни прошлого, ни будущего.

Поняв, что толку не будет, я прибрала в доме и разобрала травы. Собранные вчера разложила в пучки и перевязала нитью, после чего подвесила сушиться. А те, что уже можно было снимать, еще раз просмотрела и сложила в мешочки, а потом - в котомку с лекарскими приспособлениями. Это

добро всегда нужно, мало ли к кому хворь прилипнет.

За окном собирался дождь. Пока еще ни капельки с небес на землю не сорвалось, но тучи затянули небо так знатно, что оно стало серым-серым.

Я выглянула в окно и вздохнула. Наивно было надеяться, что останутся хоть какие-то признаки нахождения тут Дивислава. Ушел красиво, все следы убрал. Ух, нелюдь! Впрочем, мне печалиться особо нечего. Есть тот, кто может дать дельный совет.

Выйдя во двор, я еще раз осмотрелась. Нет, все как обычно.

Внутри кольнуло от легкого разочарования и жалости. М-да, Калина, чудесница из Полозовичей, а чего ты еще ожидала? Что у порога тебе даров оставили?

И, тряхнув головой, я быстро сбежала со ступенек. Обошла дом кругом – нет нигде того, кого ищу. Но ведь чую – тут он. И нет, не Дивислав, конечно. Но вот по манере нехорошо себя вести – словно его брат-близнец.

Я направилась к стоявшей за домом раскидистой яблоне. Остановилась и прислушалась. Вроде бы ничего, только шелест листвы на ветру. Но вот... щелк... клац... Ага, явно не ветви и не плоды. А просто кто-то нахально грызет сворованные с крыши фрукты, которые я нарезала и выложила на солнышко сушиться. В специально отведенное место, разумеется.

Подняв голову, я прищурилась. Звуки тут же стихли.

- Вася-а-а, - вкрадчиво произнесла я. - Васяточка-а-а-а.

В ответ – тишина. Только смешок ветра, мол, нашла кого звать. А потом настороженное чавканье, словно и хотелось бы съесть побыстрее, да не дадут. Отсюда вся глубина печали и страдания. Недоеденное лакомство – это такая же боль, как суровая хозяйка, пристально следящая за фигурой и не дающая поест вволю.

- Вася-а-а, - позвала я. - Я все равно знаю, что ты там. Выходи, лапушка моя.

Несколько секунд длилась тишина. А потом сверху раздалось глубокомысленное:

- А что мне за это будет?

Я сложила руки на груди и честно пообещала:

- Могу сказать, чего тебе за это не будет.

- Мне надо подумать, - важно сообщили оттуда. - А то я еще прошлый раз не позабыл.

- Да-а-а? - протянула я с нотками удивления, высматривая упрямого помощника. - И как? Все отросло уже?

- Нет, - многозначительно донеслось сверху. - Но я заявляю, что... А-а-а-а!

Последнее было вызвано красным шаром, вспыхнувшим прямо возле ветки, на которой расположился нахальный Василий.

Прямо к моим ногам тут же бухнулась увесистая тушка в перьях. Темно-серых таких, с серебристым отливом. Крупные лапы с когтями торчали в разные стороны, крылья распластались по земле.

- Аи-и-и-й, горемычный я! - простонал он прямо в землю, отчего голос прозвучал глухо и неразборчиво.

Потом выразительно дрыгнул лапами, видимо, пытаясь показать все бедствия своего положения.

- Помоги, дева красная, не оставь на погибель, тьфу! У тебя тут листья валяются, между прочим.

- Васенька, не придуривайся, - почти ласково сказала я. - Сегодня тут убиралась. А коль нашел чего, так метелку в клюв – и вперед!

Огромный филин Василий, мой неизменный помощник, давший клятву роду матери помогать в делах чудесницких, только тяжело вздохнул и сел. Сейчас он маскировался под обычную птицу, поэтому и размеру был маленького, как обычная лесная совушка. Однако я прекрасно знала, что истинная форма у него далеко не такая безобидная, как сейчас.

Вася пару раз моргнул круглыми желтыми глазищами и попытался принять как можно более невинный вид.

- Чего надоть, хозяйка?

Я погрозила пальцем и хмыкнула:

- Ты говор свой окраинный оставь. Все равно не поможет. И даже не думай, будто я не заметила, что ты все фрукты перетаскал.

Вася тут же страшно задумался, словно я спросила: что день завтрашний принесет? Пророчить он, кстати, умеет весьма недурно, чем и пользуется, оглоед несчастный. А полозовчанки и счастливы бежать к «птичке вещей», дабы судьбинушку свою узнать. А птичка, зараза, только и рада.

- Мне это было необходимо, - как ни в чем не бывало ответил Вася. Причем даже ни капельки не смутился. - Организм надо поддерживать в форме.

Я только покачала головой:

- Уж и не знаю теперь, кто из вас ест больше: ты или Тишка с Мишкой?

Вася задумчиво посмотрел на небо, почесал затылок крылом и выдал:

- Это смотря с какой стороны посмотреть.

Я закатила глаза, понимая, что разговор бесполезен.

- Так, ладно. Ты мне вот что скажи: кто тут возле моего дома бродит, пока я в отлучке?

Вася уставился перед собой в одну точку, словно там было нечто важное. Однако я некоторое время терпеливо ждала, так как порой, чтобы перестроиться с шутливого настроения на серьезное, моему филину необходимо время. Впрочем, «серьезное» - понятие расплывчатое. Серьезность Вася недолюбливал из личных соображений, все время мотивируя это тем, что от серьезности портится цвет лица. То бишь морды. На что получал от меня ответ: вашу морду, сударь, ничем не испортишь.

- Ну-у-у... - задумчиво протянул он. - Никого такого, отчего стоило бы бить тревогу, Калина. Хотя если еще разок заглянет и хранителя как следует не приветит, то и погонять будет правым делом.

Я насторожилась:

- Так-так, а кто ходит-то?

Не приветить хранителя - это, конечно, оплошность. Особенно такого, как Василий. И пусть заботиться он должен о духовном, но от материального никогда не откажется. Учитывая, что всеяден аки чудище заморское, угодить ему не так уж сложно. Главное, с пустыми руками не приходиться. А тут...

- Такой, - многозначительно выдал Вася и взмахнул крыльями, судя по всему, пытаясь показать то ли рост, то ли вес, то ли размер харизмы ходившего, - добрый молодец. Только явно не наш, и холодом, - филин выразительно щелкнул клювом, - могильным от него веет. Но чую, что зла делать никому не собирается, это ясно. А вот с воспитанием, конечно, проблемы. На меня посмотрел как на пустое место, а потом и вовсе на дудочке заиграл.

- Дудочке? - приподняла я бровь, вспоминая Дивислава, наигрывавшего чудную мелодию вчера.

- Ага, - кивнул Василий. - На тоненькой такой, из кости вырезанной. И стоило ему только заиграть, как я понял: лишний раз лучше не нарываться.

Это мне совсем не понравилось. Что это такое он наигрывает на своей костяной дудочке, что средь бела дня лучше сторониться? Или Василий попросту меня за нос водит?

Решив, что проверить лишним не будет, я быстро шагнула к филину и ухватила его за шиворот. Василий резко завопил про покушение на честь его (что неправда) и тело юное (что совсем неправда) и попытался отбиваться. Правда, толком ничего не вышло, потому что хватка у меня крепкая, а желание разобраться в происходящем - еще крепче.

- Ты меня за нос не води, - строго сказала ему. - Говори прямо.

Василий попытался изобразить жертву, но, в очередной раз поняв, что ничего не выйдет, только тяжело вздохнул:

- Пользуешься ты моей добротой, Калина. Вот как хочешь, так и пользуешься!

Я легонько встряхнула его. Все же держать на весу такую тушку - то еще испытание. Хотя я не жалею, ведра с водой из колодца таскаю ежедневно, но все же ведра ни в какое сравнение не

идут с настоящим весом хранителя.

- Ай-ай-ай! Прекрати! Сынок это Кощеев!

От неожиданности я выронила Васю на траву. Тот ойкнул, ударившись пятой точкой, и недобро посмотрел на меня.

- Порча имущества, между прочим. В Берестах Къевских записано указом великого князя, что за порчу имущества полагается...

- Тычок под ребра и парочка воспитательных работ за непотребные разговоры. И вообще, мое имущество - что хочу, то и делаю!

- То есть я имущество?

- Конечно!

Вася насупился, но возражать не стал. Все же знал, что я права. И уж коль одно сказал, то и далее надо договаривать. К тому же сынок Кощеев - это о-о-о... это о-го-го! Как его в наши места-то занесло? И если так все, то маскируется прекрасно. Я хоть и почувяла, что дело неладное, но вот определить не смогла. Эх, а могла бы подумать! В ворона же при мне обернулся! Да и ночью от него веяло таким... неживым. Вот делом надо было заниматься, а не заглядываться на очи прекрасные и лицо красивое.

- Короче, Кошеевич, он самый. На дом своим косым взглядом не смотрел. Обошел пару раз, наиграл мелодию чарующую, усмехнулся и растворился дымом черным. Я все перепроверил: никакой гадости не навел, только это...

Вася смущенно зашаркал лапой. Мне внезапно стало не по себе. Обычно мой нахальный хранитель не смущается. Что произошло?

- Только что? - осторожно уточнила я.

- Ну, это... - пробубнил Василий. - Заклятие любовное накинул.

Я потеряла дар речи. А потом... ночь, поцелуи, объятия. И на реке до этого. Сглотнула и сделала глубокий вдох. Так вот оно что! Ну Коще-е-е-ей! Ну явишься ты еще разок, гость ненаглядный, приголублю ухватом так, что мало не покажется!

Вася на всякий случай начал отползать в сторону. Кажется, выражение моего лица его совсем не радовало. И не зря.

- А ты-ы-ы, - прошипела я, - ты почему молчал?

Вася развел крыльями.

- Калинушка, сама подумай головой-то! Сначала вся эта толпа народу честного, потом девица в слезах, потом Забава с бельем и... Слушай, а у тебя уже возраст, хорошая моя, тебе замуж пора. Так почему бы не...

Я швырнула в него яблоком, но крылатый поганец сумел увернуться.

- Вот точно надо замуж! Будешь пилить тогда не только меня, но и мужа. А то я совсем скоро плохой стану. И тебя...

- Меня?! За Кощея?

- Ну а что? Завидный жених, между прочим! И крепкий! Выдержит многое, и опять - одна польза в хозяйстве!

Еще одно яблоко полетело в мерзкого филина и на этот раз достигло цели. Послышались брань и гневное щелканье клювом. После этого Василий гордо взмыл ввысь.

Я лишь молча проводила его взглядом. Да уж, скучно тут точно не будет. Осталось только выяснить, что делать дальше: спасти Леля или спастись самой?

Глава 3. Разговор с домовым

Васька, паразит, улетел так быстро, что я не успела задать главный вопрос. Однако расстраиваться все равно не стоит, сама разберусь. Поведя плечами и с тоской посмотрев на серое небо, поняла, что хорошей погоды ждать не стоит. Поэтому, следовательно, и поворожить нормально не получится. Не любят чары вот такого вот. Им солнечный или лунный свет нужен, но никак не хмарь, серое небо и крапывающий дождь.

Я задумчиво постукала пальцами по стволу яблони. Если б с Лелем и впрямь какая беда приключилась, то почувствовала бы. Все же не зря дружим много лет, а чудесница я не из последних. Уж другу-то сделала оберег что надо, чуть что не так – оповестило бы сразу. Но в то же время кто его знает... Ведь случиться могло всякое. А если не смерть или не тяжкая болезнь, то могу и не учуять. А еще и Елька. Врала, ой врала, краса-девица. То ли кто надоумил историю рассказать, то ли сама просто умом не блещет, а Лель решил по-тихому уйти от невестушки. Хотя... не в его это характере. И хоть не любит говорить слова горькие любушкам своим, но предпочитает правду, а не хитрость и молчание. Поэтому и Ельке бы все сказал... Разве что...

Я нахмурилась и направилась к дому. А вдруг не мог? Ох уж дела. Надо бы в дом к нему наведаться, там могли следы какие-то остаться. А то так можно пропустить что-то важное.

Залетев в хату, я погрозила пальцем домовым, громко сообщила, чтобы пирог до моего прихода не ели и всяких чужаков со светлыми очами и костяными дудочками не подпускали.

- Слушаемся, хозяйка! – хором сказали Тишка и Мишка.

Я только хмыкнула, заперла дверь и пошла к дому Леля. Домовые мои, конечно, безобразники еще те, но за вверенной территорией следят четко. Внутри точно никого не пустят без моего дозволения. Тут хоть можно быть спокойной. А то вот Василий с его желанием выдать меня замуж оплошал малость. Это у него не все время, но случается. Желание, в смысле. Особенно когда у самого начинается брачный сезон. Тогда Васька жаждет пристроить в ласковые нежные крылья (в моем случае руки) не только себя, но и меня. Ибо считает, что добрые дела надо делать с размахом, иначе это никакие не добрые дела, а так, легкая уступка.

На улице, змейкой вившейся к дому гончара-искусника Леля, оказалось пустынно. И хоть из кузни слышались удары молотов, а со дворов доносились крики и смех, все равно совсем не то, что в солнечные дни. Полозовчане, как и легендарный полоз, давший имя нашей деревне, не любили пасмурных дней.

Правда, и сейчас, стоило пройти мимо кого-то, как слышалось:

- Доброе утро, Калинушка. Светлого тебе денечка!

- Здрава будь, Калина!

- Не хворай, чудесница, и от нас хвори отгоняй!

Я всем кивала с улыбкой и возвращала добрые пожелания. Настроение немного поднялось, а то Василий умудрился его испоганить, хоть сразу этого и не заметила. Вот же нахал!

Подойдя к дому Леля, я остановилась у калитки. Так-так, живет он один давно уже, любит порядок. Дом у него и для работы, и для житья. Хоть девицы и заглядываются на красавца-гончара, да еще далеко не факт, что кто-то согласился б жить среди горшков, чашек, мисок, тарелок и прочей утвари. Лель все сделанное добро любовно расставляет по всем горницам. Часть продавал, часть дарил, часть переделывал – не любил, когда что-то было сделано нехорошо.

Я толкнула калитку рукой. Вмиг по дереву пробежал алый всполох, и калитка беззвучно отворилась. Ступив несколько шагов, я замерла, прислушиваясь и пытаюсь почувствовать – все ли в порядке? Хм, а тут как-никак ворожили. Чувствуется легкий-легкий такой холодок, как после заклятия. Только вот времени прошло прилично и не определить теперь, кто тут и что делал. Я нахмурилась, вглядываясь в тропку, ведущую ко входу в дом. Эге, да тут следы виднеются. Маленькие такие, изященькие. Женские, как пить дать. Не удивлюсь, если Ельке принадлежат – кажись, как раз по ее размерчику. Что она тут делала, если, по ее словам, носила еду Лелю в лес?

Я присела и взяла щепотку земли, медленно перетерла между пальцами. Так-так, а и впрямь есть что-то крупненькое, на землю совсем не похоже. Словно кто рассыпал соль. Только вот крупинки не снежно-белые, а с зеленоватым оттенком. Я поднесла ладонь к носу и понюхала. Что-то кисловато-свежее, с травами. Не удивлюсь, если варили зелье, а потом на солнце оставили, чары наложили, чтобы иссушило до порошка. Знахарки, которые не чураются подрабатывать приворотами, любят такое проделывать. Дешево и сердито, как говорится. Вреда тому, кого присушивают, особого не делает, а вот найти такой порошок может только чудесница. Простой человек запаха не

почувствует.

Неужто Елька опоила его присухой? Ой, дуреха. Лель же сам не простого рода. Пусть ворожить, как я, и не умеет, только все равно кое-что может. А матушка его уж при рождении позаботилась, чтобы к сыночку никакая гадость не липла. И даже если временно чары подействуют, то потом все равно восстановится прежнее состояние.

Лель, кстати, молодец. Абы кому этого не рассказывает. А присухой его опоить или приворот сделать уже не первый раз пытаются.

Только вот ничего из этого не выходит. И слава богам.

А в этот... Вдруг вышло?

Я приблизилась к двери дома. На мгновение замерла, потом приложила ухо. Со стороны, конечно, кто взглянет несведущий, всякое подумать можно, да только иначе дом не послушаешь. А в Полозовичах несведущих и нет, с чудесницами тут спорить не принято.

- Ну, - пробормотала я, - прости, хозяйюшка бревенчатый, что пришла незваная. Да только иначе никак, Лель твой запропал куда-то. А просто так его не найти.

Дом только тяжело скрипнул, словно на своем языке высказывался по поводу непутевого господина. Я приложила ладонь к двери; миг коже стало тепло-тепло, будто коснулась чего-то прогретого солнцем. А потом дверь тихонько тренькнула, будто петли приветствовали меня, и раскрылась.

Я ступила внутрь и сделала глубокий вдох. Запах трав и глины, немного - угля. И ничего съедобного, разумеется. Лель, когда зарабатывался, забывал и про сон и про еду. Поэтому домовый его часто ворчал, а потом повязывал передник, брал ложку и шел варить кашу, чтоб и самому поест, и накормить уработавшегося Леля.

На полу стояли горшки. Маленькие, средние и большие. С гладкими бочками, уже покрытыми глазурью, с грубыми и необработанными или с резными разными узорами. В центре находился стол, сплошь заставленный макитрами с плоскими крышками. Из одной, особенно пузатой, торчала расписанная золотом ложка. У других соседок такого «украшения» не было. При этом ото всех исходило слабое медовое сияние.

- А я и говорю, - внезапно важно сообщила макитра с ложкой. - О нас и позабудут! Хозяйчик должен был на рынок везти сегодня меня и Конопатого.

Из бока макитры вдруг появилась маленькая коричнево-золотистая ручка, схватила ложку и указала в сторону рыжеватого вытянутого горшка с мелкими пятнышками. Хм, вот и впрямь уж - конопатый.

- ...да только пропал пропадом! - важно и печально закончила речь она. - Поэтому и никак. Вот сидим и ждем своего часа.

Кто-то внизу всхлипнул. А потом дружно заревели всей компанией. Да так, что я чуть было дар речи не потеряла. Вот это да! Как-то до этого они при мне все стеснялись говорить. А тут то ли не заметили, то ли так тоскуют по Лелю, что уже и позабыли про осторожность. Оно ведь как... Каждая вещица, сделанная человеческим руками, имеет свой голос и мысли. Ведь творец вкладывает частичку души в каждое изделие. Вот она потом и оживает, изменив внешний облик, но сохранив самое лучшее, чем наделили.

И «хозяйчик»... Леля так называют, что ли, проказницы?

- А если он не вернется? - донесся тоненький голосок снизу, и я разглядела малюсенькую глиняную солонку. - А у меня нет пер... пер...

- Перечница твоя в печке стоит! - сварливо отрезала макитра. - Ничего ей не делается, осталось всего ничего - запечь!

- Обжечь! - возмущенно донеслось из печи.

- Это одно и то же, - не смутилась макитра. - И вообще...

- Ах вы, бесстыдницы! - пробасил кто-то с моей стороны и похлопал по руке.

О, а вот и домовый! Важный такой, седобородый, в красном кафтане, темных штанах и лаптях. На поясе висит множество ключей, что при каждом шажочке ударяются друг о друга и издают мелодичный звон.

Я улыбнулась:

- Здравствуй-здравствуй, Емельяныч, ты как?

Горшки вмиг смолкли, только солонка жалостно охнула. Кажется, до всех только дошло, что в доме появился кто-то чужой. Емельяныч неодобрительно посмотрел на глиняных болтушек.

- Да вот, Калинушка, как видишь. Глаз да глаз нужен. Ибо говорят без умолку. Хоть бы раз посмотрели да оглянулись как следует. Так нет же!

Я положила руку на плечо домового, пытаюсь успокоить. Хоть сама еле сдерживала улыбку.

- Ты не серчай на них, не со зла же. За хозяйчика переживают.

Домовой только покачал головой:

- Ох, хозяйчик. Задал нам задачку. Ты вот что, Калинушка, садись на лавку - нет в ногах правды.

Я не возражала и послушно устроилась на лавке. У Леля в доме чисто, только немножко одиноко. Все же нужна ему хозяйка. Правда, не приведи боги такую, как Елька. Эта еще неизвестно как себя поведет. Эх, чудесница, куда смотрела-то, что проглядела друга дорогого?

Впрочем, ответа нет, это я так. Одна надежда теперь на домового. Емельяныч, может, чего по делу подскажет. Он немного зануден, особенно после моих родненьких Тишки и Мишки, но это можно потерпеть. Очень уж грамотный мужичок.

- А вы что-то знаете? - осторожно спросила я.

Краем глаза заметила, что медовое сияние, окутывавшее глиняную посуду и утварь, хоть чуток и поблекло, но не исчезло. Чувствовалось, что все говорливые предметы наострили невидимые ушки и готовы внимать рассказу домового.

- Кое-что, вестимо, знаю, - степенно сказал Емельяныч и присел рядышком на лавку. - Да только разве ж он слушал? Вот говоришь ему: Лелюшка, нельзя так. Не ходи! Ага, только кивнет, покачает головой, сверкнет очами своими огромными и - фьють! - умчался, что и ветер не догонит. Сама же знаешь.

Я невольно хмыкнула. Да, он такой. Поэтому мы с ним неплохо друг друга дополняли. Успевала сдерживать его порывы, кхм, душевные. А тут... не уследила.

- И вот недавно, - начал домовый, - этак с пару недель назад, пришел к нам человек, Калина. Незнакомый, темный, со взглядом голодным и пустым. А на поясе его была костяная дудочка.

Услышав последнее, я насторожилась. Дудочка? Очень интересно. Прямо тут тебе паломничество бродячих сказителей и музыкантов. Но вот по описанию немного странно. Вроде бы и похож на Дивислава и в то же время... не совсем он. Пусть тьмой и веет от него, только взгляд вовсе не голодный и не пустой.

А еще внутри кольнуло, стало несколько неприятно. Наговаривают! И тут мысленно дала себе подзатыльник. Это еще что за мысли? Не знаю его совсем, а уж защищаю. Ну и ну, дожили.

- Представился Темнозаром, - тем временем продолжал Емельяныч, словно не видя моей задумчивости. - И вроде бы не со злом пришел, только все равно мы все переполошились. Не наш он, чужой.

Темнозар? Вот так имечко. Явно не из Полозовичей. Да и вряд ли в землях наших кому в голову придет так ребеночка назвать. Издалека пришел. Только вот откуда? Хороший вопрос.

- И чего же хотел? - осторожно уточнила я.

Емельяныч поковырял носком лаптя пол. Глубоко задумался, потом тяжело вздохнул.

- Вот, Калинушка, вовек бы не подумал, что такому могут понадобиться свадебные ковши-двоедушницы. Заказал Лелюшке, да сразу и заплатил, не стал ожидать выполнения работы.

Я ошарашенно уставилась на домового. Ничего себе! Ковши-двоедушницы обычно делают в полторы мужских ладони. Одна ручка соединяет два глубоких черпачка. На свадьбе молодые одновременно пьют медовое вино. Обряд старый, объединяет двоих в одно целое, делаю их семьей. Две души сливаются в одну, и их частичка превращается в милого духа-хранителя. Обычай мне нравился, как чудеснице. Не было в нем ничего такого, что бы отталкивало и наводило на нехорошие мысли. Мелочь... но суть в том, что обряд был исключительно нашим, полозовчанским. Поговаривали, что ранее молодоженам подавали две чарки, оббитые тоненькое золотистой змейкой, которую им дарил сам Змеиный царь. Но давно это было и правда ли - не узнаем, не догадаемся уже. Поэтому ковши-двоедушницу люди воспринимали куда лучше. Но зачем он чужаку-то?

- И Лель все сделал? - тихонько уточнила я.

Емельяныч покивал:

- А как же. Он же работает на совесть. Темнозар пришел, осмотрел изделие и в котомку спрятал. Похвалил работу, руки золотые мастера и был таков.

- А что не так-то было? - нахмурилась я, не улавливая связи между произошедшим и пропажей Леля.

Домовой тоскливо посмотрел на угрюмо молчащую утварь.

- Да изначально, Калинушка, вроде и ничего. Только после ухода Темнозара Елька прибежала, зашебетала всякое. И вот слушаю я, слушаю, а разобрать не могу ни слова. И голова идет кругом, а вокруг стоит запах сырой земли, будто оказался не в хате родной, а в подземном царстве. Сразу не придал этому значения, а потом как спохватился - поздно было. Увела она куда-то Лелюшку. И вот после этого он стал сам не свой. В глаза это не кидалось, только в отношении к девицам. Ни на кого не смотрит - только на нее.

А как я вопрос задам: «Нравится ли тебе Елька, Лелюшка?», так пожмет только плечами, уставится на свои руки, перемазанные глиной, и молчит. Понять я такого поведения никак не мог. Следил за ним, да только в дела сердечные лезть не рисковал. Молодые все же люди. К тому же нечего было сказать прямо, поэтому...

Макитра тяжело вздохнула, горшки тоненько завсхлипывали. А потом дружно принялись реветь. Емельяныч схватился за голову. Я растерянно оглянулась. Да уж, так, когда Лель вернется, то дом будет похож на хоромы кикиморы. Нельзя так.

- А ну-ка тихо! - строго сказала я и хлопнула в ладоши.

А потом медленно поднялась во весь рост.

Живая утварь в мгновение ока притихла. Показалось даже, что все изумленно посмотрели на меня практически неразличимыми глазками цвета глины.

- Леля я найду, - сказала я уверенно и спокойно. - Оберег его молчит, значит, беды большой не случилось. Поэтому нечего плакать и страдать. Отыщется ваш хозяйчик, обещаю.

Больше никто не проронил ни звука. Я быстро глянула на домового. Емельяныч сполз с лавки и взял меня за руку. Молча повел к выходу. Только на пороге поманил к себе так, что пришлось склониться.

- Коль Леля приведешь целым и невредимым, благословение от всего домовятства Полозовичей получишь, - тихо и серьезно сказал он.

О как. Такими обещаниями не разбрасываются. Поэтому прониклась я по полной. Крепко сжала руку домового и сказала:

- Спасибо за оказанное доверие. Не подведу.

Емельяныч тоже кивнул и вслед потом смотрел очень внимательно.

Я же покинула дом Леля в смутном беспокойстве. Зачем к нему приходил человек, похожий по описанию на Дивислава? Откуда такие вообще берутся-то?

Проходя мимо дома Ельки, чистого и не бедного, на мгновение замешкалась. Может, зайти? Поговорить еще разок? Ведь ясно же, что девица наврала мне с три короба. Вон и домовый подтвердил, что неладно все было. А с другой стороны, если она не дура, то будет осторожной. Беда-беда, да уж. Можно, конечно, пойти по не слишком праведному пути и применить чудеснические силы. По идее, ничего плохого не сделаю, это ведь не заклятие, а так... только подтолкнуть ее сказать правду.

Не успела я дальше ступить и шагу, как меня ухватили за руку, рот зажали ладонью и утанули за угол.

Внутри все похолодело, крик так и не сорвался с губ. Паника захлестнула с ног до головы, но я тут же поборолла ее. Возле сердца уже зажегся огонек, как вдруг на ухо шепнул знакомый голос:

- Не шуми, а то все веселье пропустишь. Слушай.

Меня резко развернули и прижали к стене. Я попыталась было взбрыкнуть, однако тут же сообразила, что сделано все не с целью потискать меня, а дать нужное направление. Правда,

способы Дивислава общаться с девушками все равно оставляют желать лучшего. Зачем так хватать прямо посреди улицы? Поманить, что ли, нельзя было? Хотя... в таком случае я бы тоже не подошла. Замкнутый круг, в общем, какой-то получается.

- А я ей и говорю, - тут же донесся звонкий голос Ельки. - Ты меня вообще слушаешь?

Прямо через стену. Ай да молодец. Чудны твои умения. Надо бы побольше узнать, что можешь, кроме как к девицам в дома проникать и мысли блудливые навевать. Ой, немного не то, кажется, саму не туда понесло.

Ельке что-то ответили, однако говорившего признать не удалось.

- Может, и догадается, - пробубнила Елька. - Только ворожка говорила, что ее дело верное. Никто не догадается. А Калина еще молодая больно, дура-девка.

«Это я-то дура?» - искренне возмутилась я про себя.

Правда, скорее уж, возмущение шло наполовину с удивлением. Ибо в своих умственных способностях я временами сомневалась, но на фоне Ельки уж точно дурочкой не была. А девчонка что-то и впрямь много о себе понимает.

- К тому же заплатила я сполна, - тем временем стрекотала Елька, - продала ожерелье то, что из жемчугов и серебра отец матери привез. Она все равно не носит, а мне в пользу.

Кто-то расхохотался. Противенько так, хрипло. Хм, перед кем эта пустоголовая так заливается-то?

- А ты вся и поверила?

- Поверила! - упрямо сказала Елька. - Ворожка Ириане помогла, Олесе помогла, Таисе помогла. А чем хуже?

- Что... всех к Лелю твоему приворожила?

На мгновение повисла тишина. То ли Елька такого вопроса не ожидала, то ли не могла ответить.

- А не так глупа, как кажется, - шепнул на ухо Дивислав. - Давно тут уже соловьем заливается, что скоро у нее все будет и сам староста Полозовичей в ножки поклонится.

Я чуть нахмурилась, вслушиваясь в беседу Ельки и неведомого мне человека. Даже не разобрать, кто там: мужчина или женщина! И это раздражало невероятно. Хм, а может, не это, а близость Дивислава, который как ни в чем не бывало стоял позади, почти касаясь моей спины, чуть шевелил дыханием волосы и не собирался отходить?

- Дура-девка не Калина, а ты! - прогремел незнакомец.

Кажется, все же мужчина. Только вот по голосу - явно немолодой. Да и говорит как-то странно, с придыханием и присвистыванием, словно тяжко ему дается человеческая речь.

- Ты хоть понимаешь, что сотворила?! Он же теперь тебе покою не даст, со свету сживет, горсткой пепла сделает да по ветру развеет! Ты же для него так, комашка! Переступит и не заметит!

Хм, кто у нас там такой умный выискался? Елька, конечно, дурында, только обижать моих полозовчан не дам. Ишь смелый какой.

- Так я же по совету ворожкиному... - пролепетала она.

- Вот теперь и сиди в хате. Ибо скоро и за тобой прилетят, - прошипел незнакомец. Да так, что по спине от ужаса мурашки пробежали.

Я невольно отшатнулась назад, но Дивислав тут же подхватил меня под руки.

- Тш-ш-ш, Калинка-малинка, куда собралась? - обжег он дыханием мою шею, и щеки запылали незванным румянцем. - Мы еще не поговорили с тобой.

Собралась было грубость сказать, но дверь Елькиного дома резко распахнулась.

- Забираю тебя, глупая девка! - громогласно прозвучал приговор. - Не ходить тебе по земле, пока не исправишь содеянного!

На пороге на мгновение показался смутный силуэт, растворился сизым дымом с черными прожилками и взмыл в небо. Позабыв, как дышать, я проводила его взглядом.

Это еще что за чудо-юдо такое? Меня окатило жаром, словно чьим злым взглядом, а потом все вмиг

исчезло.

Дивислав положил руку мне на плечо, однако я рванула вперед. Только быстро, алой искрой пустила вокруг себя обережную силу, чтобы защитила, если что.

- Куда ты?! - крикнул Дивислав.

Я отмахнулась, осмотрелась и влетела в дом.

- Елька, Елька! - позвала охрипшим голосом.

Но ни в просторных сенях, ни в добротной обставленной светелке девушки не было. Только брошены на столе вышивка да корзинка с нитками.

Алая искра вдруг потухла и осыпалась на пол блеклым пеплом.

- Совсем с головою не дружишь, чудесница, али про осторожность всякую позабыла? - неожиданно леденящим кровь голосом спросил Дивислав.

Я быстро обернулась, собираясь высказать все, что думаю. Однако, только глянув в жуткие светло-серые, почти мертвые, но полные неистового гнева глаза, прикусила язык. Тут перечить не стоит, а то придется убежать через окно с криком: «Васенька, спаси меня!»

- Сила моя меня хранит, - ровно сказала я, сама удивляясь тому, как спокойно это получилось. - А коль защитить хотел, то мог и первым пойти.

Воздух вокруг словно стал тяжелым и вязким, а глаза Дивислава страшно потемнели. Он медленно склонился ко мне, и показалось, что прошла вечность. Бледные губы дрогнули:

- Значит, первым?

Глава 4. Ворожка

- Конечно! - не смутилась я, хоть сама знатно струхнула.

Правда, задуматься об этом так и не удалось, потому что со двора вдруг донесся женский вскрик. Не успели мы с Дивиславом и переглянуться, как в светелку вбежала пожилая светловолосая женщина в льняном платье с ухватом наперевес.

Хотела было кинуться на нас, но, увидев меня, замерла у входа.

- Калина... как же? Что тут происходит?

Матушка Ельки, Алексина Волелюбовна, в отличие от дочки, женщина рассудительная и неглупая, но... немного порывистая. Это ж надо было за ухват сразу взяться. Впрочем, если она воров тут ожидала увидеть, то вполне логично, что собиралась устроить им страшное.

- Где Елька?

Алексина Волелюбовна уже начала было сердиться. Все же женщина, больше живущая сердцем, а не разумом, когда дело касается дочери... и хозяйства. Кстати, надо бы выведать, где она была, когда Елька рыдала у меня под дверью.

- Это мне хочется спросить, где вы ходите! - холодно сказала я, заставляя ее опешить. - Хорошо, что я с товарищем шла мимо, заметили, что у вас дверь распахнута. А Ельки и близко нет! Зовем - никак не дозовемся!

Дивислав кивнул с самым серьезным видом. Молодец, поддерживает мое представление. Главное, чтобы Алексина Волелюбовна не заинтересовалась, что это у меня за товарищ такой. А то не меньше Ельки поговорить любит. А я тут одна-одинешенька, многим жития это спокойного не дает. Все замуж пытаются пристроить. И как ни поясняешь, что спешка тут ни к чему, от судьбы все равно не уйду, - до дуба-дерева просто. Поэтому поздно сообразила, что сказала лишнего.

Впрочем, слава богам, Алексина Волелюбовна думала о дочери:

- Как нет? - искренне изумилась она. - Дома же оставалась. Я нарочно наказала ей нас с отцом дожидаться. В лавке помощь нужна, новый товар понавозили. Вдвоем не управимся.

Я несколько секунд поколебалась, говорить ли правду. По идее, надо бы. Да только ведь потом не успокоятся. Народ переполошится, паниковать вздумает. А не сказать, так все равно плохо будет.

- Я шел немного впереди, - неожиданно подал голос Дивислав. - И видел, как из вашего дома вылетело нечто странное, похоже на густой черный дым. Калина подросла попозже.

И тоном-то каким сказал! Аж нехорошо сделалось. Судя по всему, у Алексины Волелюбовны реакция была аналогичная, потому что она только охнула, а в глазах промелькнул страх.

Дальнейший разговор много времени не занял. По сути, наказав ей выпить успокаивающего отвара и наложив заклятие спокойствия, я сообщила, что поеду в город, искать ворожку, к которой наемни ходила Елька. Дивислав попытался было аккуратно выведать, не известно ли Волелюбовне еще что-то о дочкиных походах, но та лишь покачала головой. Ай да Елька! Значит, проворачивала все действие тайно от матушки! Точно дуреха.

Под конец беседы Дивислав осторожно взял меня под локоток и вывел из дому. Задумавшись, я даже не сразу сообразила, что мы идем практически под руку. Но когда попыталась высвободиться, то ничего не получилось - держал он на удивление крепко.

- Не сейчас, Калинушка, - прошептал, считай, одними губами. - Люди смотрят.

Допустим, про «люди» - это он, конечно, хватил, но вот Алексина Волелюбовна и впрямь смотрела нам вслед. И по-доброму или не очень, сказать я не могла.

- Улыбайся, - шепнул он. - Сделай хотя бы вид, что говоришь со мной о чем-то приятном.

- А не много ли ты себе позволяешь? - стараясь сохранять дружелюбие, прошипела я.

- Хотелось бы больше, - признался Дивислав.

При этом в интонации не было ни ожидаемой насмешки, ни ехидства. Он был искренен. И что самое интересное, даже немного смутился. Не то чтобы там покраснел или опустил взгляд, но посмотрел с таким непроницаемым лицом, что и впрямь стало ясно - ему немного не по себе.

Хм, вот уж чудно так чудно.

- И куда же мы идем? - спросила я, когда мы свернули с главной дорожки.

- Домой, - усмехнулся он. И, увидев мое немое возмущение, добавил: - К тебе.

- А я тебя разве приглашала? - почти ласково уточнила, невольно отметив, что путь он знает прекрасно.

Дивислав только притворно вздохнул:

- Нет, конечно. Все самому приходится. Не напросишься - не погостишь. Но вот поговорить о наших делах и впрямь стоит без лишних ушей.

Про уши он все-таки загнул. Тишка, Мишка, Васенька... Народу полный дом. Правда, при надобности могут прикинуться ветошью и по возможности не издавать лишних звуков.

- О наших - это о каких? - тут же поинтересовалась я.

Ибо колкости колкостями, а забывать о работе не стоит. Главное, чтобы опять не начал сказки рассказывать, про замужество и прочую чушь.

- О Горыныче, - внезапно спокойно сказал Дивислав, и я позабыла как дышать.

Ничего себе... Неужто его появление тут как-то связано с похищением Леля? Боги, если и впрямь поможет, то... Что? А, ладно, потом разберусь.

- А Горыныч что? - невинно уточнила я.

Дивислав только загадочно посмотрел на меня. И дальнейший путь до дома прошел в молчании, как я ни пыталась его разговорить. Только возле калитки он вдруг остановился, шумно выдохнул и сказал:

- Не мог он этого сделать. Не крал он твоего друга.

Я аж остановилась и недоуменно посмотрела на Дивислава. Правду говорит али шутить изволит? Хм, вроде бы и впрямь серьезен. Странно, очень странно. Змей Горыныч - вполне себе родственник Змеиною царя. Не то чтобы враг полозовчанам, да только в друзьях особо никогда не был. Возможно, Елька и вовсе неправду сказала? Не было никакого змея?

От таких мыслей и вовсе стало не по себе. Что ж это за такая жизнь пошла, что каждое слово под сомнение надо ставить?

- Откуда знаешь? - строго спросила я Дивислава.

Тот же задумчиво смотрел на крышу моего дома, чуть прищурившись, будто пытался оглядеть защитный контур. Неужто видит? Вряд ли, его моя матушка творила, а она была чудесницей далеко не из последних. Правда, Дивислав полон тайн и загадок. Может, умеет что такое, о чем и я не подозреваю.

- В доме расскажу, - спокойно повторил он. - Не стоит чужим слышать то, что для их ушей не предназначено.

Интересно, зачем ему так необходимо попасть в мое жилище? Ладно, пусть будет по-твоему, месяц ясный. Посмотрим, чего удумал.

- Идем тогда, - улыбнулась я и поманила за собой.

Дверь передо мной распахнулась сама. Юркнуть внутрь - дело секунды. Дивислав, кажется, что-то хотел сказать, но тут же раздался его удивленный возглас. Но я не обернулась, только прищурилась, глядя на нахально рассеявшегося на любимой дорожечке Ваську. Васька лопал ложкой мед прямо из горшка и вид имел неприлично счастливый. Кто не ест мед? Филин не ест мед? Ха! Это если нормальный филин! А если хранитель, которого в птичьем теле сотворили, то он может все съесть! Вас в том числе. Правда, потом сильно раскается. Но не факт, что вам станет легче.

Заметив меня, Василий спешно спрятал горшок за спину и попытался принять вид как можно более невинный. Дважды моргнул желтыми глазищами и щелкнул клювом.

- Что, Калинушка, пришла уже? - разве что соловьиной трелью не запел, хотя трель вышла так себе. - А я вот решил подождать тебя тут. Сама понимаешь, дождик вот-вот закапает, так я лучше тут. А то потом залечу мокрый, следов наделаю.

- Ты их и так уже наделал, - проворчала я.

- Хозяюшка, что с этим-то? - подал голос Тишка.

Я повернулась и хмыкнула. Двое дюжих молодцев преградили дорогу Дивиславу. Он только вопросительно приподнял бровь и посмотрел на меня. При этом по выражению лица было件яно, что оценил такую встречу. Ну так... что ж ты думал, голубь сизый, незнакомого мужчину и так просто одинокая дева домой поведет?

Мишка посмотрел на меня, сдул непокорный каштановый локон, серые глаза озорно блеснули.

- Так чего велишь, Калинушка?

- Не нравится он мне, - категорично заявил его близнец Тишка. - Я бы не пушал. Тьмой и холодом от него веет, а еще сыростью земли, будто провел там не один год. Хозяюшка, ты где такого отыскала?

Я сложила руки на груди, неотрывно глядя прямо в глаза Дивислава.

- Ну, отвечай, гость дорогой, - произнесла ровно и спокойно. - Рассказывай, с какими намерениями в дом к девице-чудеснице одинокой пожаловал, добрыми али злыми? Или, может, затеял чего, раз мои домовые тебя на пороге прямо остановили?

Дивислав осмотрел обоих молодцев, плечистых и ладных, на лицо приятных, с улыбками, как у самого Богатыря-Солнца. Вздумай Тишка с Мишкой по улице в человеческом обличье разгуливать, так все полозовчанки были бы их.

Поэтому Кощеев сын присвистнул и тихо спросил:

- Одинокой? С такими-то домовыми?

Васька за моей спиной издал непередаваемый звук, однако я тут же завела за спину одну руку и погрозила нахалу кулаком. Мало того что продукт переводит, так еще и хихикает. Мужская солидарность у него, понимаешь, проснулась. Ничего-ничего, так же быстро и уснет, когда без ужина останется.

- Язык у тебя ядовитый, наверное, от ума невеликого, - заметил Мишка. - Калинушка, можно его стукнуть?

- И мне? - тут же оживился Тишка.

Дивислав откровенно забавлялся, но соревноваться в остроловии с близнецами не спешил. Только смотрел на меня с чуточку кривой улыбкой. Мол, а ты, душа-красавица, чего хочешь? Выпроводишь или выслушаешь?

- Клятву дай, что не причинишь мне вреда, Дивислав, - сказала я, не замечая его улыбки (а хороша, ох, как хороша ж!). - И всем, кто здесь живет, тоже.

- Вот это я одобряю, - важно сообщил за спиной Василий, подозрительно чем-то чавкая. - Вот очень пра... пра... ням-ням-ням... о чем это я?

«Убью», - решила я.

Дивислав только грациозно пожал плечами. Мол, ты бы еще сплясать танец заставила.

- Хорошо, как хочешь, Калина-чудесница. Клянусь добрым намерением своим, что ни в мыслях, ни в делах не причиню зла ни тебе, ни домочадцам твоим.

- Родом клянись, - строго вдруг сказал Вася.

И ни намек на былую шутливость и несерьезность в его тоне не было. Только приказ, которого никто не может ослушаться.

Тишка и Мишка кивнули.

- Родом, - сказал один.

- Да, родом, - подтвердил второй.

В глазах Дивислава словно сверкнула молния, в хате вдруг стало невероятно холодно. Я поняла, что не могу отвести взор, а сердце пропустило удар.

- Клянусь, - хрипло сказал он, - родом своим Ко...

На улице грянул гром, последнее слово утонуло в грохоте. За окном хлынул страшный ливень, а в распахнутое окно ворвался леденящий ветер.

Дождь зарядил неслабый. словно небо рыдало от горькой обиды. Гром грохотал всюду, а ослепительные молнии сверкали так, что недолго и ослепнуть. Васька настороженно сидел у окна и поглядывал на расположившегося напротив меня гостя.

Клятву Дивислава домовые приняли, да и Васька подвоха не учуял. Поэтому я, положившись на своих домочадцев, не стала больше чинить преград и пустила гостя со спокойной душой.

Впрочем, моя сила тоже молчала – не чуяла от Дивислава ничего дурного. Поэтому решила, что хоть и не буду забывать про осторожность, но гостя уж привечу как полагается. Чаем ароматным с травами целебными и лепешками с домашним сыром. Конечно, молодцу оно надо чего и попитательнее, да только Тишка с Мишкой выметают все в доме на такой скорости, что ни на кого больше не остается. Вот и верь потом в то, что домовые есть создания бестелесные и до материального им никакой охоты нет! Да, конечно! Верьте им больше! Останетесь тогда вообще без запасов продовольственных!

Дивислав сжимал в руках пиалу и щурил глаза словно довольный кот. В домашней обстановке он выглядел так же странно и чуждо, как и вчера ночью, играя на костяной дудочке. Не человек ни разу. Кажется, даже физически это почувствовать можно. И вроде бы страшно должно быть, а как-то наоборот... Интерес вызывает просто жгучий. А еще... вот сидишь так рядом – смотреть приятно. Хоть и не красавец писанный, но и далеко не урод же. Притягателен, очень.

– Змея я давно знаю, – тем временем говорил Дивислав. – Живет возле... родного мне города. И как у вас, в Полозовичах, память о змеином народе сохранилась, так и у нас предки с ними тоже дружили.

Я подперла щеку кулаком и посмотрела на Дивислава. Он только улыбнулся уголками губ.

– Что, Калинушка, нравится меня разглядывать?

Нравится-то оно нравится. Только вот толку особого мне с этого нет. И речи, молодец, ведешь странные. Ни о каком другом городе, дружном со змеями, я слыхом не слыхивала. Но в то же время чувствую – не врет.

– А что это за город такой? – спросила, сделав вид, что не слышала последнего вопроса.

– Межанск, – и глазом не моргнув, сказал он. – Слышала о таком?

– Нет, – честно призналась я.

Название вроде бы не заморское. Надо же.

Дивислав поставил плошку на стол. В светло-серых глазах промелькнула искра недоверия. Я только развела руками. Ну, что есть, то есть.

– В общем, об этом потом, – вздохнув, продолжил он. – Так вот, с Горынычем общаться приходилось. Люди ему неинтересны. Сказки все это, что змей может человека съесть. Может, и есть где такие, только не этот.

– Не любит мяса? – хмыкнула я.

– Не любит проблем, – мрачно ответил Дивислав. – Да и сама понимаешь, повар из него неважный. А с человечинкой столько забот и хлопот – умяться же можно!

Шутка, конечно, сомнительная. Запомню, что чувство юмора у него есть, но немного не в ту сторону может свернуть. Ишь какой, смотрит на меня, ждет реакции. Фигушки, не дождешься. И не такое слышали.

– Ну-ну, а дальше? – подтолкнула я Дивислава к рассказу. – Коль змей твой не всеяден, то зачем людей крадет?

– Змей – мой друг, – ровно сказал он, и в хате вновь похолодало. Так, что я невольно потянулась за платком наплечным узорчатым, купленным на киевской ярмарке. – Говорю же, – продолжил Дивислав, – его змеиный облик не для устрашения людей предназначен. И вообще, Горыныч сейчас звездные карты составляет, не до людей ему.

Услышанное заставило позабыть о платке и во все глаза уставиться на собеседника. Дивислав только улыбнулся:

– А что ты думала, змеи – совсем варварский народ? А про мудрость их слышала когда-нибудь?

- Ну, ты это... не груби-то, - буркнула я, - говори дальше.

- А я и говорю, - ни капли не смутился Дивислав, - оклеветали его. Неправду сказала ваша Елька. Но так как мы у нее уже ничего не выведем, пойдем по другому пути.

Другой путь, он, конечно же, есть. Только вот не так прост он. Хорошо бы поговорить с ворожкой, к которой Елька бегала. Однако чтобы отыскать барышню, давшую Ельке приворотный порошок, нужно время.

- По какому же?

Васька тем временем взмахнул крыльями, сделал круг над нашими головами и нахально уселся мне на плечо. Я чуть покачнулась и недовольно глянула на хранителя. Что-то совсем обнаглел. Или решил так потренировать хозяйку? Так вроде не жалуюсь. Однако Василий даже не соизволил посмотреть в мою сторону. Взор желтых глазиц был направлен исключительно на Дивислава.

Тот тоже некоторое время смотрел на Ваську с откровенным любопытством. Но потом довольно вытянулся на стуле и сложил руки на груди.

- Доставай свое блюдечко, чудесница. С яблочком молодильным. Знаю я, как вызвать ворожку. Уж пока стоял возле дома Ельки, учуял кое-что.

Знает про мой чудеснический инвентарь, что ж. Это не очень хорошо, но в то же время не секрет уж точно. Хотя я бы предпочла, чтоб знало об этом поменьше чужих.

- А что, сможешь отсюда до незнакомки дотянуться? - уточнила я.

Дивислав кивнул. И настолько серьезным было выражение его лица, что я поверила - дотянется. Выхода нет, надо идти за блюдечком.

Гость тем временем ни капли не изменился в лице, словно и знал, что перечить не стану. Интересно, откуда он такой умный взялся? Знает обо мне куда больше, чем полозовчанине. Разберемся с ворожкой - и не выпущу, пока не расскажет все. Иметь за спиной такого... может, не врага, но и неясно, друга ли, я бы поостереглась.

Блюдце досталось мне от матери. А ей - от ее матери. И так передавалось по женской линии. Оно у нас, правда, размеров немалых, двумя ладонями не обхватишь - целое блюдо. Белое-белое, течение времени ему нипочем, выглядит как новое. Каемочка синяя с голубым, неведомо кто ее наносил, да только матушка рассказывала, что знатный чудесник был, многое умел. И нашей пра-пра-пра... в общем, не важно уже, но сделал он ей подарок от всего сердца, вот и по сей день он служит нам.

Я поставила блюдце перед Дивиславом. И пусть внешне он остался невозмутимым, от меня не ускользнуло, что в светло-серых глазах мелькнуло уважение напополам с удивлением. Так-то, знай наших.

- Яблоко давать? - спросила, но в то же время чувствовала, что это уже лишнее.

Он улыбнулся только уголком губ и покачал головой. Потом достал свою костяную дудочку, задумчиво огладил ее длинными пальцами. Хм, можно сказать, даже красивыми, если б не были чересчур худыми. Вот уж и впрямь - одни кости.

- Сядь, Калина, - тихо сказал он, не глядя на меня.

Ишь, как его блюдце заинтересовало. Ну ладно, посмотрим, что будет.

Я присела рядом так, чтобы было видно, что отразится в пространстве, окруженном сине-голубой каемочкой.

Дивислав поднес дудочку к губам. Полилась мелодия, тихая и спокойная. Показалось, что потянуло холодком, а воздух пропитался свежестью, которая бывает только после дождя.

Васька разве что в струнку не вытянулся. Нахал, хоть бы слетел с плеча, а то так все отдавит! Но хранитель явно считал, что никуда ему лететь не стоит, потому что и здесь хорошо. А как известно, от добра добра не ищут.

Мелодия становилась громче, в голову будто закрался туман. Звуки пробивались сквозь него с огромной неохотой. Голова пошла кругом.

Но тут по блюдцу пошла серебристая рябь.

«Чудно как, - подумала я, - звуком рисует настоящее. Ай, молодец. Такого я еще не видела».

Рябь исчезла, уступая место кромешной тьме. А потом и та медленно рассеялась, показывая аккуратную комнатку. Стол, стулья, лавка, очаг. Кругом травы. Разные, знакомые и неведомые. Кажется, даже ноздри защекотало от резкого растительного запаха.

Возле стола – темный силуэт. Хотя видно, что из окна идет дневной свет, силуэт словно из тьмы вылит от и до. И такой... явно женский. Только вот чарами какими-то опутан-закрыт, что не рассмотришь ничего.

– Ну-ну, – донесся вдруг низкий женский голос, – быстро ты. Хотя я даже заскучать успела.

Музыка прервалась.

Дивислав криво улыбнулся, будучи явно не в восторге от увиденного.

– Ну, ничего, уж как есть. Скажи-ка, милая, твоих ли рук дело – приворотный порошок?

Она рассмеялась, сухо так и неприятно. И в то же время горько. Васька впился мне когтями в плечо, весь туман мигом вылетел из головы. Я благодарно посмотрела на хранителя. Тот только моргнул, мол, всегда пожалуйста, обращайся, если что.

Дивислав в нашу сторону не смотрел. Все его внимание было направлено на скрытую тьмой женщину.

– Так я тебе и скажу, Кощеевич, – жестко ответила она. – У самого голова на плечах, вот и думай. А друг твой и вовсе позабыл про род свой честной и правила, так что поделом ему.

Кощеевич? Мы с Васькой переглянулись, я еле сдержала ухмылку. За спиной раздался двойной вздох – Тишка и Мишка тоже всю слушали наш разговор. Это как же? Кого в дом пустили и не увидели истинной сути? Ай-ай-ай.

Дивислав бросил на нас только мимолетный взгляд. Кажется, он был далеко не рад, что его так назвали, но только чуть поднял руку, давая мне понять, что объяснит все потом.

– А что эта девка глупая на пути попалась, так сама виновата. Наука ей будет за эгоизм и жадность. Все, не трожь меня больше! Увижу на своей земле – не пожалею!

Блюдце вдруг вспыхнуло ярким огнем. Я невольно вскрикнула и шарахнулась назад. Дивислав только мрачно посмотрел на горевшее пламя.

– Значит, вот как... – сказал он, словно сам себе.

Я было кинулась к чудеснической вещице, чтобы загасить пламя, но Дивислав перехватил мою руку.

– Стой. Сейчас лучше не трогать, оно проклято.

Внутри поднялось возмущение.

– Как это проклято? Да это же... Это...

Не успела я договорить, как увидела, что огонь погас и вместо блюдца осталась кучка пепла.

– Нет, это вообще никуда не годится... – начала было я.

Дивислав только хмыкнул:

– Пришел в гости к девице и вещь хорошую попортил?

Не то чтобы он раскаивался, но явно не собирался шутить и язвить, мол, подумаешь – ценность. Я глубоко вдохнула воздух, чувствуя, как почти ушла вся свежесть, зато появилась гарь. Да уж, теперь будем проветривать.

– Я, конечно, подозревал, что все плохо, – глухо произнес Дивислав, в задумчивости глядя на свою дудочку. – Но что настолько...

– Умеешь утешить, ничего не скажешь, – буркнула я.

– А что дальше-то будете делать? – подал голос Васька.

Дивислав только пожал плечами:

– А что тут делать? Тут путь один теперь – наведаться в Удавгород.

Глава 5. Сын Кощеев

Удавгород – это, конечно, хорошо. Вполне себе приличное место, получившее название от сказочного красавца-основателя, который давным-давно заложил могущественный град, женился на человеческой девушке и дал начало всему оборотному роду. Не зря, ох не зря наши края многие величают Змеиным местом. Если вот в Полозовичах, по сути, только легенды остались да предания... ну и полозы, живущие в оврагах и у камней, то в Удавгороде есть те, кто умеет оборачиваться змеем и даже в человеческой форме имеет глаза холодные и янтарные, словно мед, что разведен каплей яда.

Удавгород находится за лесом, добираться до него дня два надо. Можно пойти и по короткому пути, но я бы не рискнула. Мало кто сейчас по дорогам лесным бродит. Хотя... Я покосилась на Дивислава. Возможно, ему без разницы, как идти. Все же сын Кощеев, кто осмелится перейти дорожку? Да никто! Это ж каким надо быть дурнем, чтобы перечить сыну того...

– Что задумалась, Калинушка? – спросил Дивислав, сложив руки на груди и задумчиво глядя в окно.

Дело шло к вечеру, а дождь все так и не успокаивался. Да, что-то задержался у меня гость ненаглядный. И время летит как сумасшедшее. Прямо ужас какой-то. А работы непочатый край. Да и вопросов накопилась тьма-тьмушая. Только вот одно непонятно: как он так заморочил меня, что не вижу, как время летит? Ощущение, будто проваливаюсь в глубокий сон, а потом – раз! – очнулась.

Васька топтался рядом и всем видом показывал, что бедную совушку давным-давно пора кормить. А то она рухнет без чувств и будет очень громко страдать. (То, что бесчувственным зверям страдать не положено, он упорно не опровергал и при упоминании об этом начинал страдать еще больше.) Вот же ж... животное. И куда только в него столько помещается? Нет, с такими домочадцами мне замужество противопоказано. Ибо если муженек будет той же породы, что Васька, Мишка и Тишка, то можно сразу попрощаться со всем окружающим миром и больше никогда не отходить от горшков и очага. Так как прокормить всю эту ораву будет сложно.

– Да так, – буркнула я. – О своем, о девичьем.

Дивислав хмыкнул. Хм, кажется, «девичье» он не так растолковал совершенно. Вон, даже приосанился. Вообще, положи руку на сердце, он мне даже нравится. Еще не «о-боги-какой-мужчина», но уже «а-ничего-интересный-молодец». Во всяком случае, любопытство вызывает. Хотелось узнать о нем побольше, как для души, так и для дела. Угу, именно дела. То, что показалось в блюдечке, никак не настраивало на радужный лад.

– Рассказывай с самого начала, – велела я. – Кто нам тут показался, какое отношение имеет к Горынычу. Да, про себя тоже не забудь рассказать. Откуда пришел? И почему так много обо мне знаешь?

Дивислав повернулся ко мне. На красивых губах появилась улыбка. Чуть приподнял бровь. Ох, нахал. Явно же сейчас выберет только один из вопросов. Вот вечно так. Иметь дело с хитрецами – это те еще воз и тележка с неприятностями. Надо обладать огромным терпением и стойкостью, чтобы все это выдержать.

– Ты бы определилась, Калинушка. Что в первую очередь хочешь слышать: про ворожку и Горыныча или про меня с тобой?

Ну, что я говорила? Становится предсказуем. С одной стороны, это неплохо. С другой... можно заскучать. Так, о чем это я? И впрямь чары Кощеевы подействовали, раз в голове царит такой каламбур.

– Про тебя и меня и говорить особо нечего. Встретились на бережочке, попытался с поцелуями полезть да получил за это.

Дивислав неожиданно оказался на лавке рядом со мной.

– А то тебе не понравилось, – невинно сообщил он.

– Да, не понравилось, – ни капли не смутилась я. – Знаешь ли, не очень любо, когда незнакомый молодец лезет с непотребством всяким.

– Я не с непотребством, я с поцелуем! – возмутился Дивислав.

– Как вышел на меня?

Посмотрела на него строго и спокойно. Ну... уж нет. Нельзя поддаваться. А то так и сама не замечу, как уступлю. К тому же оно и лешему понятно, что заморочить он меня сумеет, а не я его. И хоть и

надо не давать себя в обиду, но и перегибать палку не стоит.

На некоторое время повисла тишина. О, дождь, кажется, прекратился. Почти не капает. И то славно, гостя дорогого смогу отправить домой. А то еще прикинется бедным и несчастным, скажет, что промокнет до ниточки.

- Расскажу я тебе все, - внезапно тихо сказал Дивислав. - Только не сразу.

Я скривилась. Хотелось сказать много и нехорошего, только слов оказалось столько, что и не выстроишь сразу. Вот откуда ты такой взялся, а?

- И сколько мне ждать? Знаешь ли, время не ждет.

- Как Леля твоего отыщем, - невозмутимо сказал Дивислав. - Ведь сама понимаешь, друг - это важнее всего. Тебе - Лель, мне - Горыныч. О какой свадьбе может идти речь, если головы не о том думают.

Я недоуменно уставилась на Дивислава. Сказанное никак не хотело укладываться. Или у меня просто что-то со слухом?

- Какая еще свадьба?

- Какая - тебе решать, - чуть пожал плечами Дивислав. - Обычно невеста выбирает что хочет. Мое дело уже будет это все воплотить.

- Да что... Да как... Да я тебя...

- А Васеньку пора кормить, - весело произнес мой хранитель, сосредоточенно ковыряя лапой стол.

Мы оба перевели на него взгляд. Дивислав хмыкнул:

- Корми чудовище. А то все силы потеряет.

Вася усиленно закивал, всем своим видом показывая, что согласен с гостем дорогим от и до. Однако мне в голову уже начали закрадываться мысли, что если пожарить ненасытную птичку, то еды в кладовке станет куда больше. Но тогда самой придется следить за безопасностью дома.

Вася, кажется, заподозрил неладное, потому что посмотрел на меня неодобрительно.

- Калинка, мне не нравится твой взгляд, - доверительно сообщил он. - Давай-ка без членовредительства. И уж коль на то пошло, то лучше тогда заняться Дивиславом. Мы с тобой друг друга давно знаем, а этого - почти ничего. А с чесночком да морковочкой он прекрасно пойдет!

Никогда не думала, что мой родной и любимый Васенька столь кровожаден и имеет такие невероятные вкусы.

- Я невкусный, - тут же подал голос Дивислав. - И вообще костлявый. Костлявость - это у нас наследственное.

Я поднялась с лавки.

- Так, костлявый мой, бери во-о-он то ведро в углу, а лучше два. И натаскай воды. Чтобы чем-то всех накормить, надо что-то приготовить. А мы весь день не пойми чем занимались.

Дивислав рассмеялся:

- А ты хозяйственная.

- Разговорчики!

...В общем, справились мы достаточно быстро. Дивислав оказался весьма ловок в домашнем быту, что меня, безусловно, порадовало. Не то чтобы как женщину, которая присматривает мужчину в мужья, но как чудесницу, которая не отказалась бы от помощи. Правда, уж совсем слукавлю, если скажу, что даже не задумалась о его словах про свадьбу. Ведь все же я не старушка, интерес к молодым имею. Да еще и к таким. Надо бы Забаве показать, послушать, что скажет. Она в этих делах разбирается получше меня.

Дивислав сидел напротив, ел горячую рассыпчатую гречневую кашу с мясом и маслом. Выглядел при этом не как страшный и загадочный сын Кощея, а как откровенно наслаждающийся ужином добрый молодец. Что ж, оно и неудивительно. Готовила я далеко не плохо. А еще и добавила свежих огурчиков с помидорами с собственного огорода да свежего хлеба с капелькой чудесницкой силы, приносящей здоровье.

Налопавшийся от пуза Василий развалился во все свое немалое тельце на сундуке, покрытом мягоньким одеялом, принял вид весьма элегический, покачивал лапой и напевал частушки. Фальшивил, не попадал в ритм и вызывал только тоску на душе.

Дивислав порой бросал в его сторону задумчивые взгляды. Впрочем, я тоже. Ибо хранитель вел себя неприлично спокойно.

- В Удавгороде годом раньше Горыныч поселился, - вдруг сказал Дивислав. - Все было в порядке, местные к нему неприязни не питали - сами ведь полузмеи.

Я замерла, даже не донеся ложки до рта.

- Место там тихое, - продолжал он, - пространство широкое. Знай себе выходи ночью и смотри на звезды. Что он и делал, ибо хоть и из Горынычей, а нрава кроткого и тихого. Я его частенько навещал, он все мне свои карты показывал. И так увлечен был делом, что вокруг никого и не замечал. Только вот...

Дивислав отставил тарелку. Взгляд серых глаз был задумчивым и каким-то чужим, будто не видел ничего вокруг. Я дышала тихо-тихо, чтобы не отвлечь и не спугнуть желания откровенничать дальше.

- Видимо, кому-то перешел дорожку, - вздохнул Дивислав. - Да только кому - ума не приложу.

- А эта... ворожка, - осторожно начала я. - Она кто?

Васька приоткрыл глаз и внимательно посмотрел на моего собеседника. Ага, морда в перьях. Прикидывается лапушкой, разгильдяем и непонятно кем, но в то же время зорко следит за всем происходящим.

Дивислав поморщился:

- Не ворожка она. Точнее, силой чудесной владеет, и совсем не малой, только вот не из местных. Это...

Повисла тишина. Ему явно не слишком хотелось отвечать, однако было ясно, что я так просто не отстану. И оно верно. А то зовет с собой в Удавгород, только вот сам не спешит рассказывать то, что потребуется во время путешествия. Нехорошо-о-о-о.

- А кто? - поинтересовалась я. - Знакомая добрая, которая ножку подставила?

Дивислав поморщился:

- Уж хорошо бы было. Лучше б такие знакомые были, чем родственники.

Я насторожилась. Родственники? Так-так, это уже интересно. Василий принял сидячее положение и чуть прищурился.

«Хороша птичка, - невольно отметила про себя. - Тело филина ему так же подходит, как мне - ящерицы».

- Родственники? - все же мягко уточнила я.

Дивислав вздохнул:

- Она самая. Родная сестра его, Счастлива-змея. Никогда они не мирили, ибо друг мой предпочитал мир с людьми и занятие, угодное душе, а Счастлива подавай только сеять колдовские чары и заманивать в них всех, кто дорожку перейдет.

Я молча его слушала. Верить ли всему сказанному? Не знаю. А не верить... Так вроде бы не лжет, это обычно видно.

- Так... - осторожно начала я, и Дивислав хмуро посмотрел на меня, - что именно они не поделили в последний раз? Или, думаешь, Счастлива хотела возвести напраслину на Горыныча?

- Вот это мне и предстоит сегодня выяснить, - медленно сказал Дивислав, явно думая о чем-то своем. - Конечно, в Удавгород нам все равно придется отправиться, но кое-что лес да ночь мне нашепчут.

Я подозрительно на него посмотрела:

- То есть ты придешь завтра утром?

За спиной раздался шепоток – Тишка с Мишкой что-то обсуждали.

– Утром? – искренне удивился Дивислав. – Нет, конечно! Я же останусь у тебя на всю ночь!

Ночь выдалась тихая и звездная. Вопреки пасмурному серому дню, так щедро проливавшему на землю струи дождя. Правда, вот прохладнее стало намного. Но это не беда, можно пережить. Лето все же на улице, не зима. А мне что снег, что зной. Знай только одевайся по погоде – и все дела. Зимой-то, конечно, есть определенные трудности, но я справляюсь. Всякая погодка в Полозовичах хороша. А кто ноет да плачет, тот сам себе злобный змей. Если находить кругом хорошее, то и живется на свете легче.

– Наглый он, наглый, – сказал Васька, стоило только Дивиславу выйти из дому.

Наглый, конечно. Ночевать он, видите ли, останется. Может, тогда еще и постельку мягко постелить да рядышком с собой уложить, чтобы кошмары не мучили? Однако, заметив выражение моего лица, Кощеевич только рассмеялся:

– Ай-ай-ай, Калинушка, какие мысли в голову тебе закрадываются! По глазам же вижу, что какое-то непотребство подумала. Нехорошо-о-о-о. А останусь я все равно – слишком далеко идти назад, а потом снова к тебе возвращаться. Только вот спать я не собираюсь, дел много...

Василий все это тоже слышал. Потому сразу принял стойку боевого филина, готового проломить гостю дорогому череп. Не со зла, но для профилактики. Васька, он у меня вообще не злой. Но беспорядок страшно не любит. Особенно если его организывает не сам Васька, а кто-то другой.

– Наглый, – задумчиво подтвердила я, накидывая шаль на плечи. Тоненькую такую, красивую. Лель, кстати, подарил в прошлом году.

Тяжко вздохнула, понимая, что пока не представляю, как разыскивать друга, и посмотрела в сторону приоткрытой двери. Дивислав предупредил:

– Ворожить буду. Песню полуночи и ветра наиграю. Что из этого получится – пока не знаю. Захочешь посмотреть – выгляни. Но близко ко мне не подходи, ибо мало ли что может случиться.

И так же любопытство грызло. Прямо как в детстве, когда мать строго-настроено велела отвернуться и не смотреть, потому что плетение некоторых чудеснических чар в слишком юном возрасте могло навредить.

Я была девочкой послушной, хоть и шептунной. Но когда со мной говорили серьезно, то слушалась беспрекословно и даже не думала перечить.

Васька взмахнул крыльями – кажется, хотел взлететь, но передумал. Лень в его случае была так же неистребима, как и постоянное желание есть. При этом нужно заметить, что совместно эти вещи, по идее, должны были его привести к полноте, однако... ничего подобного. В размерах хранитель даже не думал увеличиваться.

– Не полечу, – глубокомысленно изрек он. – Тоже у тебя останусь.

– Боишься замерзнуть? – подколола я, все никак не в состоянии заставить себя не смотреть на дверь.

Хватит уже прислушиваться, Калина. Все равно, кроме шума ветра да звуков, издаваемых ночными животными, ничего не слышно. Может, Дивислав и не будет творить никакой ворожбы, а так... пыль в глаза пустил?

Сердце вдруг застучало как бешеное, а кровь прилила к щекам. Э, нет. Не так. Чувствую, что не лгал мне. Чувствую, и все тут. Значит, надо просто подождать. Возможно, готовится долго или... просто не выходит что-то.

– Конечно, – покивал Василий. – А то потом тебе парить меня придется, вареньем кормить, спинку растирать, одеялком укутывать. Оно тебе надо?

– Ну вот не надо! – возмутилась я. – Совы таким образом не лечатся!

– Лечатся! – невозмутимо опроверг мое утверждение Васька. – Просто мы еще до такой методики не дошли...

– Ишь, какой умный, – буркнула я и замерла.

С улицы донеслась мелодия. Тихая и мягкая, звенящая, словно кто взял звездный свет, заморозил его, вырезал свирель, а потом заиграл на ней. Звонко, чисто, ясно и холодно. И точно уж кожа мурашками покрывается не от ночи прохладной. От каждого звука внутри что-то будто

сворачивается и замирает. А мелодия звенит и разлетается, чарует нездешним напевом.

Мы переглянулись с Васькой. Ладно, чем змей не шутит. Все равно стоять столбом у меня не получится. Да и хранитель отговаривать не кинулся. Только смотрит желтыми глазищами, как истукан возле храма. Древний и деревянный, вырезанный неведомо чьими руками.

Мелодия становилась громче, а голова вдруг пошла кругом. Неожиданно стало ясно, что слышу чей-то голос: такой сладкий, такой красивый. Но в то же время почувяла, что под всей этой сладостью таится угроза.

Сделав глубокий вдох, я сжала кулаки и шагнула к выходу. Осторожно посмотрела на улицу через проем.

Дивислав сидел на крыльце и наигрывал на дудочке мелодию. Вокруг разлилась непроницаемая тьма, словно сошла с ночного неба и потянулась тонкими бесформенными руками к Дивиславу. Окружила его кольцом, затрепетала возле ног, словно покорная служанка, готовая выполнять приказы любимого господина.

А он сам... Кажется, что человеческий облик медленно тает, звездная дымка окутывает с ног до головы. И продолжает играть. Так играет, что сердце ноет и плачет, стремясь к нему.

Я тряхнула головой, пытаюсь оттолкнуть наваждение, только куда там.

- Иди ко мне, Калина, - вдруг донесся его голос.

Я вздрогнула, от головы до ног пронеслась горячая волна.

«Как же так, - только и успела подумать, - ведь по-прежнему музыка звучит. Как сказать-то смог?»

Но сама, не понимая, что происходит, уже шагнула к нему.

Даже не обернулся. В голове запоздало промелькнула мысль, что просил же не подходить, а теперь сам зовет. Впрочем, какая разница... напев такой, что на месте не устоишь. И кто из нас первым нарушил установленное правило - уже не разобраться.

Я оказалась рядом с Дивиславом. Костяная дудочка парила в воздухе. Звуки, казалось, превращались в серебристо-звездное мерцание, легкой пылью оседающей на наши руки и лица. От волос Дивислава исходил запах полыни и меда. Губы почему-то пересохли, а дышать удавалось с трудом. Что же это такое? Просто ворожба Кощеева или же тут замешано другое? Почему не хочется думать о деле, о Счастье-змее, о пропавшем Леле, о невезучем Горыныче, а... Только глядеть на Дивислава, желать провести кончиками пальцев по его щеке, спуститься по скуле, коснуться губ...

Он улыбнулся, и чары немного схлынули.

- Не бойся, Калинушка, не обижу тебя, - шепнул он еле слышно.

А потом протянул руку, обвинил меня за талию и привлек к себе. И тут же будто огнем вспыхнула кровь, пронеслась по всему телу, грозя превратить меня в живой костер.

- Смотри, - прошептал Дивислав, прижимая к себе крепче. - Смотри и запоминай. Вдруг чего я не охвачу, так ты увидишь.

И коснулся век то ли гибкими красивыми пальцами, то ли музыкой колдовской, но исчезла ночь, обнимавшая все кругом, пропал мой дом, и не стало ни деревьев рядом, ни гор далеко.

Зато послышался веселый смех. Веселый и беззаботный, молодецкий такой смех. И вдруг появилось солнце, ударило по глазам так, что пришлось зажмуриться.

- Это сейчас их не видать, - заговорил грубоватый низкий голос. - Кто ж за звездами ночью-то наблюдает?

И рассмеялся тепло и добродушно.

«Если бы у меня был старший брат, то он мог бы так смеяться», - почему-то подумалось мне.

- А тебе бы все звезды, - кто-то ответил женским голосом, шипящим и бархатистым. - Лишь бы не заниматься домом, все на меня свалил.

Я вздрогнула. Такой же голос доносился из блюдца, показывавшего Счастью-змее.

Приоткрыв глаза, поняла, что вижу полутемную пещеру. Солнечные лучи сюда почти не

проникали. Однако все равно можно рассмотреть, что стены пещеры зеленоватые, как малахит. Пол удивительно гладкий и темный, будто нарочно полировали. У входа стоит стройный широкоплечий молодец в простой одежде и с копной каштановых волос. Сложил руки на груди и смотрит на собеседницу с легкой улыбкой. И говорит она ему, кажется, далеко не ласковые вещи, однако он словно готов в любую минуту поднять руку и отмахнуться от нее, как от назойливой мухи.

- Тебе все весело. Занимаешься непонятно чем, - снова заговорила она. - А почему мне одной думать про охрану наших земель?

- Потому что там и думать не о чем, - неожиданно раздраженно сказал Горыныч. - Защита у нас древняя и сильная, никто не посмеет нарушить. А с соседями живем дружно, так что еще надо?

Я нахмурилась. Соседи - это жители Удавгорода? Хотя все места, где живут потомки змеиноного народа, должны жить в мире с другими змеевичами. Тут ничего удивительного нет.

Собеседница Горыныча шагнула к нему, показываясь из пещерного полумрака.

Красавица. С тонкой талией, высокой грудью, плавной походкой. Только не с лебедушкой на реке ее можно сравнить, а со змеей, медленно ползущей по берегу. Кажется, при каждом шаге она немного пружинила ногами и извивалась всем телом. Лицом пригожа, с белоснежной кожей, огромными зелеными глазами, яркими алыми губами, точеным носом. Волнистые волосы, цветом как брусничный сок, спускались аж до бедер. А осанка какая, а взгляд! И похожа на Горыныча, и нет. Сестра, Дивислав сказал? А родители-то у них одни или как? Больно уж разные. Да и Счастлива вся прям королевна, во всяком случае, себя так держит. Недобрая королевна, хитрая, умная. Такая сладкими речами заговорит, вином-медом опойт, что и не почувствуешь яда на дне кубка, а утром уже поздно будет.

В руке Счастливы был посох, черный и старый. Вместо набалдашника - голова змеи с глазами-изумрудами. Она наступала на Горыныча.

- Непутевый братец, неужели ты думаешь, что сможешь сбежать к людям и позабыть обо всем?

Он неожиданно потерял вид рубахи-парня и нахмурился. Глаза у него тоже зеленые, но куда темнее, чем у Счастливы. И черты лица вдруг стали будто из камня вырезанными.

- А не много ли ты на себя берешь, сестрица милая? - вкрадчиво спросил он, и от ужаса у меня похолодели руки и ноги.

Вид обманчив, истинная суть обоих - холодная и страшная, чуждая нам.

- А как же не брать? - в тон ему ответила она. И снова сделала шаг.

Горыныч вдруг протянул руку и схватился за посох Счастливы. По тому вмиг пронеслась золотистая молния. Счастлива охнула и отпрянула.

Горыныч стукнул посохом о пол, пещера задрожала.

- Хочешь играть в королеву - играй. А меня не трожь - добром это не кончится! - почти прорычал он, сверкнув нечеловеческими очами.

Я невольно вздрогнула, перед глазами все смазалось, завертелось в безумном танце. Несколько мгновений будто ничего не происходило, а потом я почувствовала на талии сильную руку Дивислава, который поддерживал и не думал отпустить.

- М-да, - еле слышно выдохнул он. - Все куда сложнее, чем я думал.

Глава 6. Сборы в Удавгород

На ночь Дивислав все же остался у меня. После произошедшего он был хмур и неразговорчив. На попытки расшевелить его почти не реагировал. Однако моей настырности позавидовала бы Забава в момент обворожения очередного кандидата в мужа.

Пришлось усадить на лавку, тревожно и внимательно всматриваясь в лицо, взять за руку и старательно изображать обеспокоенную чудесницу. Впрочем, Дивислав изначально не особо проникся, будучи погруженным в собственные мысли. Поэтому пришлось усиленно потрясти его за руку и сесть поближе.

- Дивиславушка, - промурлыкала я, разве что не поглаживая по плечу. - Не молчи, коль печаль такая, поделись со мной печалью... Если, конечно, это печаль.

Он покосился на меня:

- Слушай, ты всегда такая?

Ну, уже хлеб. А то сидит весь в себе, страдает, как не знаю что. А так - вон даже в глазах огоньки вспыхнули. Одновременно лукавые, удивленные и страдальческие.

- Ты всегда такая, да? - зачем-то уточнил он.

- Ага, - кивнула я, - а бывает и хуже. Кстати, раз уж тут пытаешься мне что-то говорить про свадьбу, то вот есть возможность одуматься и убежать далеко-далеко.

Дивислав хотел было что-то сказать, но я невесомо приложила указательный палец к его губам.

- Но не ранее, чем отыщем Леля, - сказала строго. - Раз уж знаешь, чем можно помочь.

- А если не знаю? - невинно поинтересовался он, накрывая своей ладонью мою и легонечко сжимая.

При этом смотрел так, будто и впрямь ничего лишнего ему неизвестно и вообще он не сын Кощея, а мальчонка-зайчонка из лесочка. Ну нетушки, друг мой милый. Не обманешь.

Я с укоризной посмотрела на него и покачала головой. Дивислав понял, что обвести вокруг пальца не получится, и тихонько вздохнул. При этом даже не подумал выпустить мою руку.

«А я и не возражаю, - мелькнула мысль. - Пусть держит, коль нравится».

Хотя, конечно, на самом деле нравилось и мне. Прикосновения Дивислава были на удивление приятными и приносили необъяснимое чувство покоя. Возможно, правда, все дело в том, что после воровства и мне не по себе, и он не в восторге.

- Расскажи, - тихо попросила я и аккуратно сжала его ладонь в ответ.

Даже Вася затаился и не вставлял свой клюв в беседу. Тишка и Мишка ерзали туда-сюда, но голоса не подавали. Для постороннего человека оно и не слышно, но с ними живу не один год, поэтому прекрасно знаю, в какую сторону направились близнецы-домовые.

- Дело нехитрое, - мрачно сказал Дивислав.

И сразу стало ясно: «Все плохо». Конечно, Дивислава я не слишком хорошо знала, но чутье не обманешь. Да еще и тон такой, что мало не покажется.

- Счастлива и Горыныч - брат и сестра. Отец один, а матери разные. Детей вот и наделили такими характерами, что только внешне они похожи. А как речь зайдет о чем-то серьезном, так сразу драка. Ни Любим Горынович, ни Счастлива Горыновна общего языка найти никогда не могут.

- Любим? - эхом отозвалась я, удивившись имени.

Дивислав посмотрел на темный потолок моего дома.

- А то, - сказал как ни в чем не бывало. - Батюшка Горыныч - он, знаешь ли, романтик еще тот. Хотел, чтобы в доме царили любовь и счастье. Потому детям и дал такие имена. Только вот в итоге получилось все наоборот. Земли у них хоть и небольшие, но все же имеются. Счастлива ничего не интересно, кроме власти. А Горыныч - тот еще скоморох да мечтатель. Он никогда не мечтал о месте правителя. Но вот беда: отцу настолько надоело слушать их перепалки, что махнул он на все рукой и исчез. Осталось только письмо с наказом, что если за пять лет не разберутся между собой и землю в упадок приведут, то быть обоим изгнанными.

Я слушала молча. За окном стрекотали кузнечики. Надо бы спать ложиться, но... как ляжешь, когда

тут такое? И Дивислав сидит такой задумчивый-задумчивый. Надо как-то его взбодрить – видно, что разговоры о друге вгонят только в большую печаль. Поговорить бы о другом, только ведь нельзя – вопросов станет еще больше.

- А почему они править должны вместе? – все же поинтересовалась я.

- А дар один на двоих, – хмыкнул Дивислав. – Ведь управлять землями могут только те, в чьих жилах течет змеева кровь.

- Как? – ахнула я. – А если много потомков? Тут вон и двое сладить не могут. А коль будет четверо?

- Не-е-ет, – покачал головой Дивислав и наконец-то взглянул на меня. – В их роду бывает либо один ребенок, либо двое – не больше. До этого как-то мирно уживались. А вот у Счасты и Любима вечно что-то не так.

- А отречься ему можно?

Дивислав только тяжело вздохнул:

- Если бы. Вот поэтому они вечно и шипят друг на дружку. При этом похожи ж до ужаса. Одинаково не любят делать что-то одно и пытаются спихнуть друг на друга. Только вот Счастли последнее время лютая стала. Страшно возле нее находиться. Все время думаешь, что исподтишка устроит какую-то гадость.

Оно, конечно, если женщину довести, то и не такое может быть. Только вот надо бы выяснить: довели или все же с рождения такая была? А то ведь всякое может быть: и колдовство, и порча, и еще много чего интересного. А может... просто скверный характер.

Вздохнув, я сказала:

- Давай ложиться спать. Утро вечера мудренее.

- Да-а-а-а? И куда же ты меня уложишь?

...На лавку. На лавке он выспался прекрасно. Хотя, конечно, ворчал долго и со вкусом. Но я была непреклонна. И вообще... Калина из Полозовичей – простая бедная чудесница, которая не может позволить себе ни шикарного дома, ни чего еще. Ничего себе – все людям.

И как меня «малинкой» ни зови, подсластить и уговорить не удастся. И вообще: где это видано, чтобы почти незнакомый молодец оказался возле спальни девицы юной? (Ну ладно, не такой уж и юной, чай, не шестнадцатую весну встречаю, но все равно.)

А утром, позавтракав, взялись за сборы. Дивислав сообщил, что сбегает за кое-какими полезными вещичками и вернется. Дал понять, что вещички припрятаны где-то рядом. Посоветовал не ходить за ним. Ну и ради богов, мне тут дел по горло.

После того как он покинул дом, я молча стояла на крыльце и провожала его взглядом. У кромки леса Дивислав вдруг остановился, обернулся и послал мне воздушный поцелуй. Я улыбнулась, но тут же нахмурилась. А он, стервец, все заметил, хмыкнул довольно и припустил бегом в лес.

- Я все понял! – громко возвестил Васька прямо над ухом.

От неожиданности я подпрыгнула на месте. И как только подкрался?

- И что же ты понял? – поинтересовалась я, одновременно соображая, что брать с собой в дорогу.

- Будет любовь, – ехидно сообщил Васька и попытался издать звук, напоминающий поцелуй.

Правда, клювом это удалось сделать весьма скверно. Скорее уж получился какой-то подозрительный щелчок.

- Ага, – кивнула я. – Обязательно будет. Например, любовь к охоте. Вспомнишь хоть, как летать по лесу и ловить мышей, пока я буду отсутствовать.

- Чтоб я с тобой еще раз связался, – пробурчал Василий, оскорбленный в самых лучших порывах своей совьей души.

- Нечего умничать, – буркнула я, направляясь в дом.

Однако на пороге встали Тишка и Мишка. Оба суровые-суровые, белы ручки на груди сложены, глазки молнии мечут, губки поджаты. Прям боюсь-боюсь.

- Чем не угодила, домовятки? – поинтересовалась я.
- Ты серьезно собралась в город с ним? – поинтересовался Тишка.
- Совсем одна? – тут же добавил Мишка.
- Ну-у-у, – протянула я, – смотря что вы понимаете под «одной».

Братья недоуменно переглянулись. Такого ответа они явно не ожидали. И пока соображали, я юркнула внутрь. Вот еще, делись с ними всеми секретами девичьими. Ха!

Впрочем... у меня есть человек, с которым этими секретами делиться просто необходимо.

- Да ты что! – всплеснула Забава руками, позабыв про одежду, которую она усердно заталкивала в дорожную сумку. – Так и сказал?!

- Сказал, – подтвердила я, укладывая лепешки и вяленое мясо.

Так, что я еще хотела? Зелень? Ну ее. Этого добра везде полно. Главное, взять основное. Травы еще возьму лечебные, это вот точно в дороге пригодится. Возможно, Кошечевич может и без всего этого, а мы с Забавой девушки нежные и беззащитные. Ну... почти.

- Завидую белой завистью, – вздохнула Забава. Но тут же посмотрела на меня и расхохоталась. – Это ж кто тебя надоумил?

- Сама придумала, – не смутилась я. – Да и на рассвете, пока он забылся глубоким сном, успела сбегать к сосенке-елочке своей.

Дальше недоговорила, а Забава понимающе промолчала. У ели, что растет в полчасе ходьбы отсюда, похоронена матушка. Не принято чудесниц хоронить там же, где простых людей. Поэтому матушку по ее завещанию упокоили в лесу. Под исполинской елью. А рядом, под сосной-великаншей, лежит отец.

С кем советоваться, как не с родителями? И пусть рядом их нет, но слово верное сказать могут. Если подойти поближе, когда ночь не ушла, а утро в пути – тьма нехотя выпускает землю из своих объятий, а свет уже касается, – то возможно многое. Просто сделай шаг ближе, а то и ляг вовсе, прислушайся к земле, стань на миг одним целым. И задавай свой вопрос, и ничего не бойся.

Сила рода поможет, направит невидимой рукой на путь верный.

Вот я и сходила. Получила ответ в два голоса: иди, Калинка. Судьба твоя там и друг твой – тоже.

Оспаривать не стала. Только вышла из леса задумчивая и молчаливая. А когда к дому подошла, то увидела Дивислава. По глазам увидела, что он понял, куда ходила. Но вслух ничего не сказал, да и мне не до бесед было.

- Так и меня тебе тоже они... – тихо начала Забава.

Я принялась застегивать сумку:

- Не совсем, – призналась наконец-то. – Но ближе тебя и Леля у меня никого нет. К тому же ты бы меня не пустила одну, так?

Забава уперла руки в бока:

- А то! – грозно сказала она. – Но так бы нам пришлось повоевать! И вообще, может, там где в Удавгороде мой суженый бродит, а я тут буду сидеть, Ваську твоего кормить.

Со стороны донеслось хихиканье домовых. Они откровенно веселились, слушая наш разговор. Хорошо хоть Василия рядом не было, а то принялся бы страдать, что не ценят его тонкую натуру.

Я рассмеялась. Как же он умудрился прославиться на все Полозовичи! Вот же чудище ненасытное!

- Как тут у вас... весело.

На пороге появился Дивислав, задумчиво поглядывая то на меня, то на подругу. И пусть он старался сохранять невозмутимое выражение лица, я прекрасно чувствовала, что он не ожидал такого... подарочка.

- Ты уже управился? – проворковала я. – Познакомься, это моя лучшая подруга Забава. И она отправится с нами.

Глава 1. Предсказание

Месяц назад

- У нас неприятности, - возвестил Дивислав с таким видом, словно они предназначались исключительно мне одному.

Я оторвал взгляд от строк древнего свитка и задумчиво посмотрел на брата. Тот стоял возле двери с самым невинным видом и изо всех сил показывал, что обещанные неприятности - не его рук дело.

- И что... за неприятности? - поинтересовался я, не торопясь покинуть уютный ковер, на котором не грех было не только сидеть и изучать знания предков, но и предаться плотским утехам, а также прекрасно выспаться.

Младший тем временем заложил руки за спину и деловито разглядывал полки со смертоносными зельями. Мой вопрос, разумеется, слышал, но отвечать не спешил. Конечно, мы же Дивислав Кощеевич, младший сын и надежда всея Межанска, в отличие от старшего брата, отрекшегося от власти. Правда, будем откровенны, у меня мощи куда больше, да и возраст берет свое. Поэтому Дивислав порой хоть и вел себя как вздорный ребенок, но хамства или неуважения себе не позволял.

Не дождавшись ответа, я вновь вернулся к свитку. И снова тишина, но такая... чуток потрескивающая обидой. Ничего, пауза - хорошее дело. Если ее держит твой собеседник, то и тебе не повредит. Особенно если ты старый, занудный, замкнутый и нелюдимый. Во всяком случае, матушка именно так меня всегда и характеризовала.

- Темнозар, - позвал Дивислав, подходя ближе.

- Да? - отозвался я, медленно сворачивая свиток.

- Зануда ты, - буркнул он, усаживаясь рядом. - Хоть бы сделал вид, что тебе интересно.

Полынь. От Дивислава всегда пахнет полынью. В целом, конечно, неплохо. Куда печальнее, когда ты из рода Кощеева, а распространяешь кругом аромат роголиков с вареньем. Что ха-ха? Кому-то, может, ха-ха, а вот моему троюродному родственнику сплошная боль и печаль, так как все, вместо того чтобы бояться тебя и опускать очи, тянут носом воздух и мечтательно прикрывают глаза. А некоторые еще и облизываются.

- Мне неинтересно, - честно сказал я.

Дивислав тихонько вздохнул. Устроился поудобнее, заложил руки за голову и откинулся на стену.

- А зря. Матушка провидицу позвала.

Я поморщился. Что ж, весть так себе. И впрямь стоит полюбопытствовать, что происходит в родном доме. А то со своей работенкой и позабыл уже, как Межанск выглядит. Надо бы и впрямь выйти и осмотреться.

Повернув голову, в упор посмотрел на Дивислава. Ожидал увидеть вновь спрятанную усмешку и лукавство в глазах, однако он был абсолютно серьезен.

- Так плохо? - уточнил я.

Ну, провидица. Подумаешь. Она к нам периодически ходит, этак раз в год. Наговорит всякого и на землю отправляет, мол, идите туда. Там судьба ваша. А что Межанск - город между землей и подземельем, ее как-то мало волнует. Хотя тут даже название намекает. «Межанск» происходит от межи, границы, что проходит между тем и другим.

Дивислав промолчал. Но вот как-то красноречиво у него получилось. Я прямо-таки проникся. Ну а что? Когда тебя каждый раз пытаются приставить к девице и говорят, что следует подумать про род, продолжение одного и прочее-прочее, становится и впрямь тоскливо. Поэтому я и выбрал бессмертие, отказавшись от власти. Не то чтобы Дивислав может состариться и умереть, но все же есть способ с ним совладать. А со мной - нет. Пожертвовал ли я чем-то? Да. Но не об этом сейчас.

Дивислав тряхнул головой, убрал упавшие на лицо волосы.

- Не так страшна провидица, как матушка в желании поняичить внуков, - проворчал он.

Я пожал плечами. Ну что ж, так оно и есть. Она у нас пришла из стольного Кьева, дочь купца. С виду маленькая, худенькая, ветер подует - унесет, словно былинку. А характер такой, что как стукнет каблучком сапожка, как нахмурит соболиные брови, сверкнет синими глазами, так и отец

не рискует с ней связываться. Тем она его, Рада, купеческая дочь, кстати, и взяла. Год за ней ходил, раз за разом получая отказы. И уже когда разошелся не на шутку, украл непокорную девицу, оставив родителям сундук с золотом.

К его удивлению, Рада не кинулась на него с кулаками, а живо принялась наводить свои порядки в новом доме. А поведение свое пояснила просто:

- Ну, нравился ты мне, угу. Только откуда знать, какие у тебя намерения? Может, походишь да бросишь меня на потеху завистницам? А когда по-деловому пришел, так и замуж можно сходить. И вообще... чем у тебя тут прислуга занимается, а? Пол не сверкает, сокровища в кладовой запылились, летучие мыши под потолком повисли! Ну-ка быстро за уборку!

И надо сказать, чистота у нас в доме после этого царила всегда.

Матушка твердой рукой держит всех домочадцев, не давая никому спуску. При этом не сказать, что кто-то сильно возражал. Хозяйственные и бытовые дела – женские дела. Вот пусть ими и занимается. Правда, порой начиналось нечто невообразимое, и тогда приходилось туго всем.

- Там луна, случайно, к затмению не спешит? – проворчал я, прикидывая, чем нам может грозить приход провидицы.

Обычно, конечно, чушь, которую она изрекала с важным видом. Но ведь родичи старшие могут и проникнуться. И тогда нам с Дивиславом, того и гляди, придется покинуть родной дом и подняться наверх. Сказать начистоту, я это дело не люблю. Вся работа останавливается, потом приходится долго все приводить в порядок. И пусть некоторые говорят, что изучение подземного царства бесполезно, это не так. Чем больше мы будем знать о возможностях нашей второй вотчины, тем разумнее сможем управлять своими землями.

- Да кто его знает, Горыныча надо спросить, – вздохнул Дивислав. – Собственно, я за тобой и пришел. Лишка вот-вот появится.

Я поморщился. Лишка. Вот скажите мне на милость, с какой радости Лихо Одноглазое взялось пророчить?! Ответа нет. А вот взялось, и все! И ни у кого, кроме нас с Дивиславом, почему-то это не вызывает никаких вопросов!

Вздыхнув, я аккуратно сложил все свитки в уголке и поднялся. Пропадать, так вдвоем. Во всяком случае, сумею поддержать младшего, если он вдруг лишится чувств от «прекрасной» вести.

- Пошли. – Я кивнул на дверь.

Дивислав постарался избавиться от страдальческого вида, и даже вышло весьма неплохо. Правда, излучать радость ему все равно не удавалось.

Мы покинули библиотеку и направились в покои матушки, где она любила принимать гостей. Не личные покои, разумеется. А рассчитанные именно на то, чтобы оценили как следует наше богатство, вкус, изысканность (в доме Кощея, ага) и прочее-прочее. Ну и заодно чтобы поняли: вести себя надо прилично, заговоров не устраивать и семью нашу уважать.

Дивислав молча шел рядом, задумчивый и мрачный. Его Лишка невзлюбила больше меня. Почему? Не знаю. Скорее всего, из-за того, что еще до моего рождения она готовила мне предсказание чуть не на всю судьбушку горькую, после того как унаследую владения отца. А тут – раз! – наследник Дивислав. Хотя, сказать по правде, меня Лишка тоже не любила. Есть вот такая черта характера – не любить.

В покоях матушки было уютно. Светильники хорошо справлялись со своей работой, заливая все помещение мягким золотистым туманчиком. При этом он не мешал рассматривать окружающие предметы. Золото подчеркивало деревянную массивную мебель, плетенные руками мастериц ковры и тканые покрывала. Посуда, стоящая на полках, отсвечивала благородным каштаном и густой бронзой. Висящие на стенах портреты наших предков приобрели более внушительный вид.

Матушка сидела за столом и расшивала фиолетово-черными нитками отцовскую рубашку. Она у нас мастерица, каких поискать. В Кьеве многие рады были получить в подарок вышитую одежду от Рады, купеческой дочери. Только, выйдя замуж, она подарки дарить знакомым-друзьям перестала. Говорила, мол, родни целые палаты, всех не обшить.

- Что стали истуканами? – спросила она мягким, чуть хрипловатым голосом, не отрываясь от шитья. – Садитесь.

Не то чтобы кто-то из нас робел при виде матушки (хотя кому я вру?), но что-то такое было. Поэтому, не дожидаясь повторного приглашения, мы устроились на стульях рядом.

- Не вижу радости на ваших лицах, детки.

Дивислав закатил глаза, я закашлялся, но тут же нашелся:

- А можно будет умертвить провидицу и забрать себе на опыты?

Матушка поцокала языком и наконец-то посмотрела на меня невероятно яркими синими глазами:

- Ай-ай-ай. Темнозар, твое воспитание оставляет желать лучшего.

Я неотразимо улыбнулся и подвигал бровями. Мол, ну так как? Можно все-таки? Я ее не больно зарежу, честное слово.

Золотистый свет придавал необычный оттенок темным волосам матушки, заплетенным в косы и уложенным короной вокруг головы. Каждый раз что-то новенькое, это интересно. Надо будет получше изучить природу тумана. А то светильники сам делал, но вот с их наполнением помогали ученые мужи Богатыря-Солнца.

- Я бы помог, - мрачно добавил Дивислав.

- А ты вообще молчи, - рассмеялась матушка. - Уж коль согласился, то исполняй долг как следует. И вообще, я внуков хочу. Мальчика и девочку.

Брат что-то прошипел сквозь стиснутые зубы, а я быстро уставился в пол, изучая узор на ковре. Ибо узор - это очень важно. Особенно когда над твоей головой пролетает угроза женитьбы и обзаведения потомством.

В дверь постучали. Мы с Дивиславом переглянулись.

- Я открою, - вздохнул он.

- Нет, - покачала головой матушка, отложила шитье и поднялась. - Я приглашала, мне и встречать.

Мы не спорили.

Дверь отворилась.

- Здравствуй-здравствуй, Лиходея. Заходи.

Матушка поприветствовала гостью и посторонилась, давая возможность пройти.

В помещении словно пронеслась молния, и появился запах болота и земли. Один тяжелый шаг, потом второй, третий...

Я поднял глаза и взглянул на гостью. Пришла. Ну, теперь будет весело.

Дивислав явно разделял мое мнение, однако имел вид еще более далекий от радостного. Если меня присутствие Лишки немножко раздражало и забавляло, то вот для него это могло вылиться в настоящее испытание. Ведь с каждым разом мы все приближаемся к тому моменту, когда наступит роковое пророчество и Дивиславу назовут его суженую.

Конечно, с одной стороны, можно спросить: зачем так мучиться и выслушивать Лихо? Да еще и принимать слова на веру. Но вот... Все не так просто.

Во-первых, в землях людей бродят не совсем верные истории про Лихо Одноглазое. Среди них есть и такая: один глаз у него видит настоящее, а другой - будущее. Только вот хорошее изрекать у него никак не получалось (все же наследственность та еще), а плохое - запросто. Людям такой расклад, конечно, не понравился. Пошла тяжба. Сначала Лиху пришлось прикрыть один глаз, чтобы не было искушений сообщить кому-то о его грядущем. А язык-то чесался! Лишка хоть чуть-чуть да приоткрывала глазик и подсматривала, а уж смолчать никак не могла. В результате получала приличные тумачи, так как все сказанное всегда сбывалось. В итоге пришлось ей покинуть людские пределы и спуститься к нам.

Тут же ее дар заработал немного по-другому. Через раз получалось говорить и хорошие вещи. А учитывая, что от Кощея ничего не скроется, и прогнозы Лишки были не так уж страшны. Наше семейство могло видеть то, что она недоговаривала. Но так как сами мы к предвидению не расположены совершенно, приходится пользоваться услугами Лиха. К тому же... пару веков назад дражайший предок нынешней Лишки взял займы у нашего деда приличную сумму золотом. На покупку участка и дома в Межанске. Долг там приличный, до сих пор не отдали. Поэтому и услуги одноглазой провидицы шли в счет старого долга. Матушка посчитала, что слишком расточительно ждать долго, а вот постепенная отработка - это дело. Отец послушал-послушал и согласился. В конце концов, предложение было разумным. Мне оно даже нравилось бы, если б не приходилось

терпеть все выбрыки Лишки на себе. Ну и на Дивиславе, не без этого.

Лишка уважительно поклонилась. Хриплым голосом поприветствовала нас и матушку. Единственным глазом цепко и внимательно осмотрела помещение.

- Да будет в доме вашем процветание.

Да уж, людям бы странно такое услышать от Лиха. Только вот... то же люди, а это мы. И разница очевидна.

Лишка подняла руку и начертила в воздухе окружность. Колокольчики и бубенцы, пришитые к ее широкому рукаву, тихонько звякнули. Нежить подземная, а вырядилась-то как! Вот любит она перебор. Что в одежде, что в словах. Порою без слез и не взглянешь. А тут тебе платье, расшитое зелеными и красными нитками. Семь, а то и десять ниток крупных бус на шее, прикрывающих глубокий вырез - свой необъятный бюст она упорно полугоголяла при каждом приходе. Было даже подозрение, что хочет совратить кого-то из нас. Однако пока что это так и оставалось тайной.

Лишка поправила гребень, удерживавший серо-седые косы, невзначай коснулась расшитой всяческими деревянными оберегами, не больше монетки, кожаной полосы, скрывавшей «лихое» око.

- Проходи-проходи, - пригласила матушка. - Выбирай любое место.

Лишка только загадочно улыбнулась. Предлагать еду такой гостье принято не до ворожбы, а после. Такой обычай. Она задумчиво посмотрела на меня, потом на Дивислава. У брата был вид откровенно скучающий. И под взглядом Лишки он ни капли не смутился, а наоборот - дерзко посмотрел в глаза. Та усмехнулась и погрозила длинным изогнутым пальцем с крупным перстнем, закрывавшим всю нижнюю фалангу.

Потом прошла в дальний угол. Достала из холщовой сумки мешочек с травами и ароматные камни, потом циновку. Раскатала циновку и уселась на нее. Поправила широкую юбку с пестрым рисунком, позвенела бубенчиками и колокольчиками на рукавах.

Дивислав тихо выдохнул рядом. Я покосился на брата. Все это представление откровенно наводило на него скуку. Матушка вернулась на свое место, где сидела до нашего прихода, занимаясь шитьем. Подготовка - дело такое, вот когда лично каждому ворожить начнет, то тогда уж один на один придется.

Через некоторое время помещение заполнил аромат смолы и хвои. Сизый дым заполнил все пространство, свежая и острая нотка сушеных трав кружила голову.

- Прошу всех выйти и остаться одного младшего Кощея, - донесся хриплый голос Лишки.

Дивислав поморщился, словно раскусил лимон. Матушка без слов тихо поднялась и направилась к выходу. Обернулась, глянула на меня. Короткий кивок, дающий понять - иди же.

Я только пожал плечами и похлопал брата по руке.

- Разрешаю ее удавить, если что, - шепнул ему на ухо.

Дивислав не отреагировал, однако по глазам было ясно, что он серьезно задумался над этим предложением. Я еле сдержал улыбку и выскользнул вслед за матушкой. Коль уж сказано выйти, то придется подчиниться.

Однако стоило нам оказаться в коридоре, как она нахмурилась, потом прильнула к двери, будто хотела что-то услышать.

- Не нравится мне все это, - вдруг произнесла матушка, закусив нижнюю губу.

И хоть я сам пока ничего не чувствовал, волна тревоги, исходившая от нее, заставила насторожиться.

Не знаю, сколько времени мы так стояли. Однако в тот момент, когда я уже подумал, что пора бы и честь знать, голова вдруг немисливо закружилась. Сердце забухало набатом в висках, а воздуха стало не хватать. Я попытался взять контроль над происходящим, но перед глазами поплыло. Земля ушла из-под ног, все звуки исчезли. Какое-то время я находился в подвешенном состоянии, не в силах пошевелиться.

«Ну, Лишка, - подумал я, - узнаю, что используешь какие-то грибы-галлюциногены в своем предвидении, станешь не только одноглазой, но и одноухой».

Однажды просто довелось увидеть, что уши у Лишки чуть вытянуты и с очаровательным острым

кончиком. В детстве страшно хотелось за него подергать. Однако Лишка словно чуяла все мои кровожадные порывы и ловко уходила из зоны досягаемости моих загребуших ручонков.

Неожиданно стало холодно. Очень холодно, брр прям. И удалось разглядеть ледяные стены рядом. Я нахмурился. Ледяные? Нет, конечно, у нас есть места с мертвецким холодом, природа постаралась, так сказать, но вот чтоб лед? Занятно-занятно.

Я шумно выдохнул, с губ сорвался парок. Так-так, точно Лишка балуется. Надеру уши, только вернусь отсюда.

Развернулся, чтобы понять, где нахожусь, и вдруг увидел, будто через мутное окно, сидящую Лишку и рядом с ней Дивислава. Провидица склонилась, словно в поклоне, и хрипло шептала:

- Суженая твоя живет на земле, в местечке Полозовичи. Дочка она чудесницы и богатыря. Словом ласковым да делом бездумным ее не возьмешь. Придется подумать, придется очаровать. Но силы свои не зря потратишь, ибо достойнее пары не отыщешь ни в мире живых, ни в мире мертвых. Умна не по годам, хороша как весна. Глаза у нее зеленые, как пробивающаяся из-под земли трава после снежной зимы. Коса до пояса, цвета как каштановый орех, а кожа белая-белая, нежная и гладкая. Стан у нее стройный да крепкий, сама спелая да сочная, будто персик наливной. С такой не стыдно показаться ни среди своих, ни среди чужих. И дети у вас будут - загляденье.

Дивислав слушал ее напряженно, вон, аж пальцы сцепил. По лицу невозможно было ничего прочесть. Глаза остекленели, превратив его в неподвижную статую.

Складно Лишка говорит, но чувствуется какой-то подвох. Что-то явно прячет, скрывает. И голову свою склоняет все ниже и ниже, словно боится, что Дивислав сможет пошевелиться и заглянуть в то око, в которое лучше не смотреть.

- Почему мне кажется, что ты недоговариваешь? - тихо спросил он.

Умница, братик. Тоже все понял.

Я с удивлением осознал, что у самого пересохла от волнения губы и взмокли ладони. Так-так, кажется, включилась родственная связь. У нас в семье всегда так. Когда одного тревога берет, то и другие почувствуют.

Лишка молча смотрела на циновку. Словно там было нечто страшно интересное, что вот совсем нельзя пропустить. Явно говорить ничего не хотела, но иного не видела. Потом наконец-то вздохнула, протянула руку с длинными изогнутыми пальцами и принялась сосредоточенно собирать рассыпанные перед ней травы и смолистые камушки.

- Беду тебе принесет суженая твоя. Друг твой закадычный пропадет, и след его скроется из виду. И пока будешь со всем этим разбираться, рискуешь голову потерять.

- На плахе? - деловито поинтересовался Дивислав.

- От любви, - вкрадчиво сказала Лишка.

И мне показалось, что уж лучше бы на плахе, потому что Лишка подняла голову и посмотрела на Дивислава. Тот как-то побледнел и изменился в лице. Учтывая, что ерундой его не напугать, мне и самому стало не по себе.

У нас, семьи Кошечевой, вообще с любовью как-то не складывается. Брак по расчету - это пожалуйста. А вот светлое и прекрасное чувство - это как-то не по нашей части. Никто в принципе неспособен на любовь, но таки умеет вести хозяйство. Поэтому матушка с батюшкой и ужились. Она прежде всего тоже ценила практичный подход и сокровища в кладовых, нежели игру на дудочке и сладкие речи молодцев.

Лишка что-то еще говорила, но слова смешались, спутались, как нити шерстяной пряжи - ничего не разобрать. В ушах загудело, холод стал еще ощутимее.

На мое плечо вдруг легла чья-то рука.

- А ты что делаешь в моих пределах?

Так, предсказание ли это?

Я медленно обернулся. Перед глазами поплыла серебристая дымка; сказочный сладкий аромат, будто смешали ключевую воду и мед, коснулся обоняния.

Сквозь серебро сумел разглядеть женский силуэт в длинных одеждах. Смутный абрис лица, белоснежные косы, спускающиеся аж до земли. Только вот тела всего не разглядеть, потому что

сидит незнакомка за каким-то сооружением, отдаленно напоминающим ткацкий станок.

- Кто такой, спрашиваю? - грозно зазвенел ее голос.

Чужой, холодный, неземной. И сама, кажется, брови сурово сдвинула. Только вот перед глазами все вновь поплыло, а язык будто к глотке примерз. Я разозлился сам на себя, а еще пуще - на Лешку.

- Не серчай, красавица, мимо шел, - ответил незнакомке, прикрыл глаза и усилием воли попытался уничтожить предсказательский морок.

Боль пронзила виски, однако спустя несколько мгновений стало легче. Я медленно открыл глаза, и тут же щеку обожгла ладонь матушки.

- Сдурел совсем - нас так пугать, Темнозар?

Глава 2. Семейный совет

Голова сильно кружилась. Во рту стоял неприятный кислый привкус, будто съел пуд лимонов. Да уж, что-то однозначно не везет мне. То от работы оторвут, то Лишка придет, то откат получу.

Провидица, кстати, слава матушке, ушла восвояси. Пыталась задержаться, расспросить, что я видел. Однако очень быстро поняла, что в окружении недобро настроенных Кощеев лучше не задерживаться.

Поэтому даже не просила проводить. Улизнула так быстро, что я и приложить каким мелким проклятием не сумел. А жаль. Что-то сплошное расстройство, а не день.

К тому же лежать на постели и восстанавливать потерянные силы в плане моего дня не было. Тем не менее собственное здоровье резко сказало: «Ой, ква» и прикинулось неспособным даже на чтение рукописей на древнем языке. Буквицы нахально плыли перед глазами, а магические ключи отказывались подходить к нужным проклятиям. В общем, кругом беда.

- На, пей. - Матушка всунула мне в руки чашу с отваром. - Быстро на ноги поставит.

Отвар подозрительно булькал, словно его только-только сняли с огня, и имел какой-то странный темно-зеленый цвет. Пахло чем-то пряным и острым.

- Уж не настой ли мертвянки? - поинтересовался я.

Матушка широко улыбнулась:

- Он самый, милый.

Почему-то я даже не сомневался. Матушка - мастерица на все руки. А мертвянка... не то чтобы сильно опасная трава для нашего рода Кощеева, но... может иметь интересные последствия. Матушка, конечно, в курсе, сколько надо класть и как заваривать, чтобы восстановило силы, а не принесло синий окрас кожи, но... всегда надо быть начеку.

Я сделал глоток. На вкус, кстати, весьма приятно. Свеженько так, прохладненько, хоть сам отвар и кипит-бурлит. Несоответствие видимого и ощущаемого, надо же. Приду в себя, пошлю братца на землю и займусь изучением. Тут, оказывается, под носом такая вещь пропадает, а я и не в курсе!

- Из дома сегодня ни ногой, - заявила матушка, видимо, учуяв мой настрой. - Я сейчас пришлю Дивислава, присмотрит за тобой.

- Это оскорбление или попытка меня рассмешить? - поинтересовался я.

Ну, так. На всякий случай. Если надо, чтобы он задержал меня, то ничего не выйдет. Если же и впрямь присмотреть, там... стакан вина... воды подать, тарелочку с кушаньем принести, то я не против. Но против Дивислав. Заботливая нянюшка из него так себе, я вам скажу.

Но сейчас лучше не спорить, а то матушка принесет еще один отвар, в котором может оказаться куда больше мертвянки, чем надо.

- А что произошло-то? - вдогонку крикнул я, но ответом была только закрывающаяся дверь.

М-да уж. Кажется, пока ответа никто не знает. Боюсь, как бы на завтрашний день Межанск не облетела весть, что больше нет у нас провидицы и место, собственно, вакантно.

Спустя некоторое время ко мне пришел Дивислав. Весьма мрачный, недовольный жизнью и совсем не расположенный к беседам. Посмотрел так, словно я отобрал у него любимого коня.

Подвинул стул к кровати, сел на него. Глянул на меня задумчиво так, будто не видел вовсе.

- Выглядишь довольно сносно, - поведал отсутствующим тоном. - Как самочувствие?

Я ухмыльнулся. Какая забота. Еще чуть-чуть, и расчувствуюсь.

- Жить буду.

- Вот и чудесно, - кивнул брат. - Не знаю, сообщила ли тебе матушка, но ты отправляешься на землю со мной.

Я резко привстал и подался к Дивиславу.

- Это еще какого лешего?

Ответа не последовало. Братец смотрел куда-то в одну точку, при этом с таким видом, что интереснее в жизни никогда и ничего не находил. Вообще-то, зная, что он за словом в карман не ползет, мне стало как-то не по себе. Поэтому пришлось дернуть за рукав.

- Ау, краса и надежда всея рода нашего! Не молчи, скажи изнывающему родичу, что не так.

Дивислав нахмурился. Что характерно, на меня так и не перевел взгляда. Кажется, все серьезно. Я подсел ближе. Внезапно накатила такая слабость, что аж поморщился. Какая гадость, даже мертвянка не спасла. Впрочем, вероятно, я слишком много хочу; чтобы прям – раз! – и на ноги поставила.

- Лишка нагадала мне невесту. Красавицу, умницу, чудесницей силой наделенную. И все бы хорошо, только уточнила, что если один за ней пойду, то вместо свадьбы нашей семье тризну придется справлять.

- Всегда говорил, что твои методы ухаживания девушкам не нравятся, – пробормотал я. Покосился на никак не отреагировавшего Дивислава. – Тризну по тебе или по ней?

А что? Формулировка всегда важна, между прочим. И хоть, зная младшего, не особо поверил, что он будет страдать о чужой девице, но все же... Доводить людей до смерти – не наша задача. Нарочно никому не вредим.

- Очень остроумно, – наконец-то проворчал Дивислав. – Я тебе это припомню.

Так, уже лучше. Слушаем дальше, если потребуется, можно и стукнуть – тогда заговорит быстрее.

- А если детальнее? Или так и будешь страдать?

- Да нет деталей! – рявкнул Дивислав. – Сказала, что больше не видит, злые чары все закрыли.

- Угу, – мрачно отозвался я, – «жажда денег» называются.

Но шутка вышла сомнительной. Ибо Лишка такая, что коль гадость увидит, то утаивать не будет – расскажет в подробностях. А раз промолчала, то и сама не знает. Да уж, печально.

- А ты сам-то на что настроен? – решил уточнить.

Дивислав поднялся с кровати и, заложив руки за спину, принялся мерить комнату шагами. Вид при этом имел еще более мрачный, чем когда вошел ко мне.

- Долг перед родом мне все равно надо выполнить, – глухо проговорил он. – Хочу или нет. Значит, сидеть сложа руки все равно не получится. Еще тут, не успел ты очнуться, пришла весточка, что Горыныча давно не видели в наших краях.

Я опустил ноги на пол. Все равно лучше, чем лежать в постели и изображать из себя больного. Ну ладно, почти изображать. Однако сказанное про «очнуться» немного насторожило.

- Подожди, я сколько пробыл в беспомощности?

Дивислав наконец-то посмотрел на меня:

- Да с половину дня. Не помнишь ничего?

Я присвистнул. Ничего себе! Помню пощечину от матушки. А потом... потом ничего. Нехорошо-то как. Надо отловить Лишку, взять за горло и выяснить, куда она меня зашвырнула своей ворожкой. Припомнились и ледяная девица, и странный разговор.

- Не помню, – признался честно. – Если ты, конечно, про промежуток между провидением и нынешним моментом.

- И о нем тоже. А что ты увидел-то?

Пришлось вкратце пересказать. Дивиславу это радости никакой не принесло, скорее уж усугубило ситуацию. Да так, что в сердцах пнул мой любимый сундук.

Решив, что разгром моих покоев в дальнейшие планы никак не входит, я спросил:

- Когда отправляемся?

Дивислав вздохнул, потом раздраженно передернул плечами. Разговор ему не доставлял никакого удовольствия. Появилось даже странное подозрение, что в будущем нас ожидает ну о-о-очень веселое путешествие, большую часть которого Дивислав будет пытаться снять стресс, а я –

вытягивать его из разных переделок.

- Матушка сказала, зайдет к тебе попозже. Хочет с нами что-то обсудить. Искренне надеюсь, что хотя бы день в запасе у нас есть.

- Не тянет лететь на встречу к суженой? - невинно поинтересовался я.

И тут же пришлось пригнуться, потому что Дивислав зашвырнул чем-то тяжелым. Не увернись я, по голове прилетело бы здорово. Хм, свод Берест Къевских. Увесистый талмуд, так недолго и без черепа остаться. Кстати, откуда он у меня? Ох, хозяйственность моя врожденная, от матушки унаследованная. Не могу пройти мимо, если вижу что-то прекрасное. При этом совершенно не важно, что мне оно может не пригодиться.

Дивислав буркнул нечто вроде «скоро приду» и вышел из комнаты. Вот же ж неуравновешенное существо! Правда, неуравновешенным он бывает только в моей компании, остальные его прошибить не могут...

Сидеть сложа руки и ждать матушкиного явления не хотелось. К тому же самочувствие значительно улучшалось. Мертвянка все же вещь, скажу я вам. Понятия не имею только, почему люди предпочитают с ней не иметь никаких дел. Обучились бы варке правильного зелья, того и гляди, потом бы и жили в два раза больше, и детей рожали куда крепче.

Но на нет и суда нет. К тому же...

Я поднялся с постели. Голова все же закружилась. Переступил с ноги на ногу, сделал глубокий вдох. Так, вроде лучше. Прямо сейчас сделать шаг и растянуться на полу желаний нет. Чудесно, можно жить.

Неприятная слабость все же прокатилась по телу. Я поморщился. Пожалуй, время заглянуть на кухню. Возможно, и матушку там найду. Ее застать врасплох, конечно, сложно, но... есть варианты.

Однако выполнить задуманное не удалось. Не успел я пройти и несколько шагов, как мать предстала собственной персоной. При этом внушительно так предстала. Уперев руки в боки, нахмурив брови и мечя синие молнии из глаз. Мое самоуправство ей было явно не по душе.

- Рассказывай, сокол мой ясный, куда направился? - спросила она медовым голоском, да настолько ласково, что тут же захотелось вернуться в постель и не выпендриваться.

Однако, сдержав подлый порыв, я невозмутимо посмотрел на нее:

- Тебя искал.

- Угу.

Прозвучало как-то не очень убедительно, ну да ладно.

- Я серьезно, между прочим. Надо же знать, что делать с Дивиславом, чтобы не заплутал.

- Не заплутает, - отрезала матушка. - Я ему дам приворотное зелье, от него ни одна девица не устоит.

Я приподнял брови. Нет, конечно, метод проверенный, работает на ура, но нужна ли Дивиславу привороженная супруга?

- Может, не надо сразу так зелье? - все же предложил я. - А как же там любовь, светлые чувства, мотыльки в животе?

- Бабочки, - машинально поправила матушка. - Тьфу, Темнозар, не пори чушь. Бабочки в животе больше годятся для твоих экспериментов с умершими, но никак не для высокого да светлого.

Я пожал плечами:

- Ну, во всяком случае, я пытался. Заметь, защитить брата. Девуцу охмурить он сможет.

- Ой ли! - всплеснула она руками. - Вы оба прям охмурили целый полк, я не знаю уже, куда деваться от внуков!

- Внуки - это уже продукт охмурения, а не процесс!

- Короче. - Матушка положила мне руку на плечо. - Шутки шутками, но завтра ты отправляешься с Дивиславом. Приглядишь. Посмотришь, что да как. Заодно и подсобишь, если потребуется.

Возражать я не собирался. Но вдруг появилась дельная мысль. Есть одно хорошее местечко, где можно раздобыть нужную информацию. Заодно и сплетни послушать.

- Так что завтра...

- Послезавтра.

Матушка взглянула с удивлением, задавая немой вопрос – мол, почему?

- Дело есть.

И впрямь есть. Плюс неплохо бы выведать, что за девица мне привиделась в Лишкином гадании.

- Хорошо, – неожиданно покладисто согласилась она. Но тут же мстительно добавила: – Но без жены чтоб не возвращались!

Глава 3. Умрунская деревня

Умрунская деревня находится на окраине Межанска. И под землей. Чтобы до нее добраться, стоило прилично спуститься, преодолеть границу между срединным миром на меже и миром умерших.

Как Кощееву наследнику, мне вход открыт всегда, стоило только пожелать. Обычным людям там, конечно, делать нечего. Да и попросту не увидят ничего: ни просторных ходов, ни причудливых растений, ни каменных стен, от которых идет слабое золотистое свечение, ни пурпурных озер, из которых не стоит пить.

Ранее умруны были людьми. Но, перешагнув границу жизни, по каким-то причинам остались в деревеньке надолго. Кому оставаться, а кому истлеть и снова на землю возвращаться, решает Матушка Природа. Ей умруны что-то вроде слуг. Своеобразные, конечно, к их виду первоначально привыкнуть надо, но это ничего. Потом благородный синеватый оттенок кожи уже даже и не смущает.

Под землей умруны слушают. Да, именно слушают. Кто о чем говорит, какие вести разносятся по земле и под землей. Сюда стекаются все новости, здесь можно и пожить чем-то интересным.

Умруны, конечно, нахалы. Просто так ничего не расскажут, но уж я найду чем рассчитаться. Куда им, горемычным, сына Кощеева бедным сделать.

Нужная таверна находилась под корнями огромного старого дуба. Сколоченная из черных досок, с разрисованными красным ставнями, покатою крышей, усеянной черепичными шипами. Хищных летунов тут хватает, и каждый норовит загнестись на крыше. Оно-то ничего, но потом то крышу латай от мощных когтей, то мой ее, полностью заделанную отходами жизнедеятельности. Вот химеры, например. С виду приличная жуткая ночная тварь. А ведет себя словно голубь какой. В худшем понимании этого слова.

Дверь в таверну «Умряг» закрывалась с трудом, а открывалась и того хуже. Но мне поддалась. По глазам сразу ударила непроглядная тьма, но, ощутив, кто пожаловал, тут же хлопнула крыльями и смоталась в дальний угол.

- Э-ге-ге! - крикнул из-за стойки Кривсун. - Какая нечисть в наших краях!

Я довольно оскалился в приветственной улыбке и прошел по залитому красноватым светом помещению. Деревянные прямоугольные столы, грубо сделанные лавки, такая же стойка. На каждом столе - куриный череп, чтобы, прикоснувшись, можно было увидеть оранжевый огонек и вызвать шустрого подавальщика к себе.

Кривсун вышел из-за стойки, поправил внушительный живот, кое-как прикрытый мешковатым балахоном и фартуком поверх, и похлопал меня по плечу.

- Забыл ты что-то нас совсем.

Ручища у него тяжелая, от дружеского похлопывания и в коленках согнуться недолго. Но был готов, поэтому даже не шевельнулся.

- Не ври, на прошлой неделе заглядывал.

Кривсун усмехнулся. Зубы-то у него желто-серые, но все же остались. Улыбочка еще та. Глаз один сильно щурит, почти не раскрывает нормально. Второй вот ничего. Нос сломан неоднократно, челюсть кривовата. Лысина так и блестит на свету. Правда, около затылка есть небольшая дыра, но она ему уже не мешает. В жизни Кривсун был разбойником, потому жизнь вел крайне несправедливую и сгинул где-то в канаве от рук своих же поделщиков. После смерти побыл под землей, на исправительных работах по добыче золота и драгоценных камней подземельного народа, заодно кое-что заработал и переселился в умрунскую деревню. Больно уж хорошо слышал шепотки. Но не человеческие, а всяких нелюдей да существ, живущих подальше от городов.

Потому и сумел Кривсун и «Умряг» отстроить, и сделать его чуть ли не одной из важнейших точек, куда направлялись, чтобы получить свежие новости.

- Так что привело-то? - поинтересовался он.

Я оглядел помещение и кивнул на пустой стол у окна да в углу.

- Вели Маржичке принести хвельцы покрепче. Есть разговор.

Кривсун кивнул и направился на кухню, переваливаясь с ноги на ногу.

Я занял выбранное место. Хорошо, почти одни. Двое худющих упырей и задумчивый волколак не в

счет. Да и болтают без умолку, на нас даже не смотрят.

Скрипнула дверь, и в зал вплыла Маржичка. Пышная, ладная, с рыже-красной косой, бюстом на зависть всем худосочным умрункам вокруг.

- Ох, Темнозарушка, здравствуй-здравствуй, - поприветствовала она грудным низким голосом, от которого все внутри завибрировало. - Как я соскучилась по тебе, славный мой.

- Я тоже, Маржичка, - улыбнулся я, с удовольствием наблюдая за пышной красоткой и стараясь по максимуму деликатно смотреть в декольте. Ладно, не очень деликатно.

Она хмыкнула, отбросила косу за спину и поставила на стол высокую деревянную кружку, из которой валил кораллово-красный дымок и пахло сладко и запретно. Хвельца - напиток умрунов. Варят его из подземных ягод, настаивают у пурпурных озер, чтобы получше пропитался дурманом, и только потом пьют. Говорят, если живой выпьет, то получит какие-то способности по части общения с умершими. А такие, как я... Ничего не получают. Но больно нравится мне на вкус, что поделать. Да и бодрит отменно.

- Расскажи, где пропадал, - проворковала она и уселась рядом. Правда, не настолько близко, чтобы можно было дотронуться.

Маржичка сама из народа подземелий. Дочка зажиточного торговца кровавиками, закатниками и прочими камнями, которые тут добывают. Потому, если присмотреться, то можно разглядеть: глаза у нее красновато-карие, уши меньше и круглее человеческих, а на коже едва заметно сияет рубиновой вязью родовой узор.

Будучи на исправительных работах, Кривсун с ней и познакомился. Что там между ними случилось, и случилось ли вообще, - понятия не имею. Да только поехала Маржичка вместе с ним в умрунскую деревню. И харчевню содержат в порядке, она не простаивает без посетителей, и вести... кружат-летают черными вороньими перышками, ласкают слух охочих да любопытных... ну и, разумеется, в карман Маржички и Кривсуна приносят доход.

- Все по делам, - туманно ответил я. - Вот ледник себе славный сотворил. Там знаешь, сколько новых умрунов можно сохранить!

- Да ты словоблуд, - рассмеялась Маржичка. - А еще ведаешь, о чем поговорить с женщиной.

- Я долго учился, - проникновенно произнес я, не отрывая от нее взгляда.

Впрочем, дочь подземелья ни капли не смутилась. Да уж, после рожки Кривсуна я, поди, как-то больно смазлив. Поэтому только ухмыльнулся и взялся за изогнутую ручку кружки.

Кривсун подошел к нам, вытирая мозолистые ладони полотенцем. Сел напротив, внимательно посмотрел на меня. Оценил, что чары Маржички на меня действуют исключительно на предмет посмотреть, но не чего-то большего.

Поставил локоть на стол, подпер щеку кулаком и спросил:

- Чего знать желаешь, Темнозарушка? Уж не про невесту ли своего младшенького братца?

Лишка, пень ей в ухо, уже понесла по всем окраинам. Как только мне навстречу еще не выпрыгивают мелкие злыдни и не кричат: «Дивислав женится! Дивислав женится!» Нет, прочу одноглазую заразу, будет знать, как себя вести. Пусть пострадают моя выдержка и репутация, но прочу.

- И это тоже, хотя... Известно что-то интересное?

Не стоит отказываться от информации, которая может пригодиться в будущем. Я отхлебнул хвельцы, рот обожгло, по телу словно пронеслась молния. И вмиг соображать стал лучше и четче, будто убрали с глаз пелену.

- Сколько заплатишь, Темнозар? - промурлыкала Маржичка и коснулась моей руки, поглаживая ладонь кончиками пальцев.

- А что запросите? - невинно поинтересовался я.

Маржичка - та еще сорока подземная. Своих камней мало, страшно любит украшения. Что работы наших мастеров, что заморских. Так что с ней сложно не будет. А вот судя по тому, как вдохновенно задумался Кривсун, мне придется попотеть. Однако, заметив мой взгляд, он махнул рукой:

- Потом скажу. Слушай тогда... о Калине-чудеснице, дочери богатыря и чудесницы, ходит по земле слава всякая. Добрая и ладная, воспитанная, старших почитает. Худа никому не делает, деревню от

зла бережет.

Я приподнял бровь и снова хлебнул хвельцы. Ах, хороша.

- Вроде пока ничего плохого.

Маржичка и Кривсун переглянулись. Последний смахнул со стола невидимые пылинки и сказал:

- Это ты верно подметил. Только вот деревенька ее - Полозовичи. И откуда-то краса-девица Калина носит живую и мертвую воду.

Я поперхнулся и закашлялся. Маржичка ласково постучала меня по спине. Правда, сделала это от души - я чуть не задохнулся от боли из-за «нечаянно» впившихся острых ногтей. Зато вмиг все вернулось на свои места.

- Это что еще такое? - хрипло уточнил. - Источники воды остались только во владениях отца. Ранее еще у Змеинового царя были, но они ведь...

Я резко замолчал. Ну да, все мы прекрасно знаем, что Змеиный царь покинул эти места и ушел под землю. Не здесь, а где-то под Удавгородом. И поклялся больше никогда не возвращаться. Но... Полозовичи. Название как бы намекает, что змеи там или были, или есть.

Надо разобраться. Если эта Калина и впрямь имеет какую-то связь со Змеиным царем, то такую девицу упускать нельзя. Не женой станет, так хорошим соратником. Пусть у нашего рода и были порой, кхм, несогласия с ним, но это периодически. Потом все становилось на свои места, и ни одна зараза не смела оспаривать нашу власть.

В общем, надо самому озаботиться встречей с Калиной. А то Дивислав как-то больно уж мрачно настроен. Того и гляди перепугает девицу до чертиков.

- Что - не знаем, - пожал плечами Кривсун, - не доходят никакие шепотки из змеиных мест. Умеют хранить тайны, гады ползучие. Но вот я б не советовал тебе, Темнозар, расслабляться.

Я кивнул.

- Спасибо, учту.

- Ну а теперь... - Маржичка краем глаза глянула в мою чашку и тут же отстранилась с явным разочарованием - хвельца действовала на меня не так, как они планировали. - О чем ты хотел поговорить, Темнозар?

Я выдержал паузу, поглядывая то на одного, то на другого. Ожидал, что запросят цену повыше, но оба молчали. Что ж, с одной стороны, опасно узнать, чем надо расплачиваться, после того как услуга оказана. С другой... всегда можно сказать, что мы так не договаривались, не будь я старшим сыном Кощея.

- Есть интерес у меня, - сказал я, делая глоток и с прищуром глядя на Кривсуна. Чутье подсказывало, что в этом деле может помочь именно он. - Что за красавица, холодная да суровая, красивая, как зимняя пора, но также смертельна, сидит в серебряной пещере у ткацкого станка?

Перед взором вновь появилась красавица с белыми косами. И глаза, да. Сейчас только дошло, что они были серебряными. И ледяными-ледяными. Но в то же время на Снегурочку женщина не походила. Взрослая, знающая себе цену, не дающая никому поблажек.

Кривсун на секунду задумался. Ай, пройдоха. Знает ведь, точно знает. Но делает вид, что пытается вспомнить. Я допил хвельцу и с легким стуком поставил кружку на стол. Давай не молчи, друг мой. Все равно ж потом заломить такую цену, что мало не покажется.

Маржичка шустро подхватила кружку и ушла на кухню. То ли собралась поддерживать идеальный порядок, то ли сообразила, что надо нас оставить одних. Раз разговор пойдет про женщин, то мужчинам лучше поговорить на своем языке.

Взрыв хохота отвлек нас: упыри и оборотень всю гоготали над какой-то шуткой. Забавное веселье в умрунской харчевне. Впрочем, сами посетители не люди, так что имеют полное право.

- Безобразники, - беззлобно хмыкнул Кривсун. - Зато клиенты хорошие. Так, ладно. Слушай меня, Темнозар, коль спросил.

Если идти отсюда этак пару дней, то можно добраться до Горе-горы. Две вершины так и тонут в облаках, сияют снегом, слепят глаза. В народе гору еще зовут Двурогой или Пристанищем Ткачихи. И то, и то название отражает суть. Гора мертвая, подземельный народ ее не любит, это тебе и Маржичка подтвердит. Но все же забегают туда особо смелые да дерзкие, чтобы увести

сверкающие росой и всеми цветами радуги осколки ледяного кружева и полотна, которые делает Ткачиха.

Я нахмурился, стараясь не упустить ни слова. У Кривсуна порой просыпался талант непревзойденного рассказчика. Сам ли придумывал или пересказывал принесенное подземными шепотками – кто знает. Но неизменно было одно: он всегда говорил правду. Поэтому слушать нужно очень внимательно.

– В тех местах, – продолжил Кривсун, – местные жители знают, что раз в несколько лет Ткачихе становится скучно. И тогда она берет серебряный серп луны и выходит на охоту. Забирает только мужчин, оставляя женщин. При этом не поймешь, как именно решает, кто ей нужен. Зачаровывает, голову кружит и уводит в гору. Подозреваю, что Горе-горой нарекли Двурогую именно женщины. Шепчут, что многие пытались вернуть своих возлюбленных, да только никто не возвращался живым. Ткачиха оплетала всех ледяным кружевом и больше уже не выпускала.

– А зачем? – спросил я.

Нет, ну гадов всяких, конечно, хватает. Только вот, знаете ли, ни один из них ничего не делает просто так. А значит, и у Ткачихи есть причина забирать мужчин. Поди теперь догадайся зачем.

Честно говоря, мне совсем не нравилось, что в видении я встретился именно с ней. Вдруг какая гадость задумана судьбой? Не мне, так Дивиславу. Ухо надо держать остро и не расслабляться.

Кривсун пожал плечами:

– Горе-гора не прослушивается. Потому и не ведаем ничего. А я бы и сам не отказался. Все же такой кладезь-то!

– Можно хорошо заработать, да? – подколот я его.

– Угу, – кивнул он. – Кстати, про заработать. За информацию, добытую потом и кровью, я хочу...

– У умрунов нет крови, – заметил я.

Но Кривсун сделал вид, что туговат на ухо и ничего не расслышал. Впрочем, по тени, пробежавшей по его лицу, я понял, что все же глухотой он не страдает. Закон такой. Если ты помер, к примеру, лицом кривой, то в посмертии так и останешься. Болел чем – тоже все твое. Но вот если при жизни слышал прекрасно, видел зорко, а прыти было только позавидовать – никуда оно не денется.

– Привези мне из Полозовичей двоедушницу, Темнозар.

Я приподнял бровь:

– Двоедушницу? Ты решил отловить должников и соединить их с моим батюшкой, что ли?

Должников батюшка на дух не переносил. Тем, кто по действительно серьезной причине не мог вовремя выплатить долг, беды не делал – ждал. Но вот тех, кто не хотел или ленился...

Кривсун посмотрел на меня с укоризной:

– Все-то тебе шутить. Предмет это такой, полозовичанские умельцы делают. Но ничего больше не скажу, сам узнаешь, что это, – сам и принесешь. И не смотри так – не себе прошу.

Я пожал плечами, ничего не обещая. По крайней мере, по времени. Кто его знает, вдруг уже все производство свернули, пока мы тут беседовали.

– А как добраться до Горе-горы, не говорили, часом? – уточнил на всякий случай.

Нет, а чего время терять? Вдруг тут все скажут, тогда и дважды ходить не надо будет.

Кривсун вздохнул, снова протер чистый стол. Ага, понял. Как раз та картина, когда есть вопрос, есть возможность заработать, но ответа нет. Вот и страдает, бедняга.

– Это уж не по моей части, Темнозар. То есть кое-что я знаю, врать не буду. Но есть причина... короче, всего рассказать не могу.

– Тоже мне информатор, – фыркнул я.

Кривсун снова тяжело вздохнул. Хм, странно. Кто бы ему ни запретил говорить, явно был не из слабых. Это уже интересно.

Уточнить ничего не успел. Дверь «Умряга» протяжно скрипнула. В зале вдруг сделалось очень

холодно. Кривсун медленно поднялся и хмуро посмотрел в сторону входа. Тьма расплзлась вокруг, гася всякий свет.

- Кто пожаловал в мою харчевню? - спросил он степенно и с затаенной угрозой.

В ответ - тишина. Только повисло напряжение, липкой паутиной расплзаясь по всей харчевне.

Все затаили дыхание. А потом серебристым росчерком что-то мелькнуло в воздухе. Я уклонился, услышал, как заскрипели по дереву мощные когти. Раздался жуткий вой, в нескольких шагах проявился серый зверь. Высотой в холке мне до груди, густая шерсть покрывает все тело. Оскаленная пасть, маленькие ушки прижаты к черепу, в глазах - жажда крови. Отдаленно напоминает волка, только какого-то больно туманного. Словно кто-то посмотрел на настоящего волка, повторил его облик, вдохнул жизнь, но не справился с пропорциями и деталями.

Впрочем, я позволил себе разглядывать его пару мгновений, ибо тварь завyla и снова кинулась на меня. По телу молнией пролетела сила, наотмашь ударила, вырвав из глотки зверя обиженный щенячий скулеж.

Позади раздались крики и глухие удары.

- Только не в моей харчевне! - возмущенно заорал Кривсун, успевший уже вооружиться тяжелой палицей и раздающий смачные тумаки рвавшимся к его горлу недоволкам.

Маржичка тем временем из-за стойки швыряла горшками в тварей. А особо бойких могла и «погладить» вмиг отросшими загнутыми когтями. Подземельный народ, кроме человеческого, имел еще и другой облик, который обычно старался не показывать.

Недоволк вновь кинулся на меня. Я отпрыгнул, вскинул руку, но не удержал равновесия и покачнулся. Острые зубы впились в руку. Глаза недоволка остекленели, новый удар силы отшвырнул его к стене.

За спиной раздался рев волколака. Обернувшись, увидел, как он колотит недоброжелателя об стол. Упыри тоже не зедали и лупили недоволков дубинками. Хм, хорошая подмога. Я как-то про них забыл. И тут же поморщился.

Неповоротливый после вчерашнего, я не сумел вовремя отпрянуть. Рука теперь ныла. Не больно, конечно, терпеть можно. Но все равно мало приятного. Пришлось еще припустить заклятием очищения от скверны. (Да, мы, Кощеи, можем не только ее наводить, но и убирать.) Спустя некоторое время в зале посветлело. Крылатая тьма, которая тут встречала гостей, забила под крышу и недовольно ворчала.

- Ну надо же... - недовольно пробурчал Кривсун, опершись на палицу и мрачно глядя на расprostертого под ногами недоволка. - В моей харчевне - и такое. Это ж так посетители ходить не будут!

Маржичка тяжело вздохнула, покачала головой:

- Это ж сколько теперь прибираться! Ох, окаянные! Все полы перемыть, полки оттереть, столы, стулья... Ну, я их!

- Да уж, работы у вас теперь по горло, - мрачно отметил я и присел возле недоволка.

Попытался разглядеть, но всю тушу окутало странным волокнистым туманом. Нахмурился и прикрыл глаза. Истинное зрение обо жгло внутреннюю сторону век, и я чуть не зашипел от боли. Расслабился, давно им не пользовался.

На полу лежал человек. Сгорбленный, оборванный, немолодой. И, судя по всему, давно уже потерявший жизнь. Кокон чар, окутывавший его с ног до головы, отталкивал, заставляя брезгливо морщиться. Нехорошие чары, страшные. Из таких обычный человек не выпутается.

Рядом кто-то прокашлялся. Я открыл глаза и повернул голову. Возле меня сидел волколак и принохивался.

- Не умрунские чары, - сказал он. - Ты видишь то же, что и я?

Зрение у волколаков не в пример лучше, чем у многих. Могут они побольше нас, имея звериный дар. А потому и истинная суть вещей от них не скрывается.

Я молча кивнул, искоса разглядывая собеседника. Внушительный такой волчара, левое ухо разорвано, шрамы на морде. Но желтые, почти янтарные глаза смотрели задумчиво и чуть отстраненно.

«Неглуп», – определил я.

– Откуда бы? – задал вопрос, не особо надеясь на ответ.

Истинное зрение свернулось, давая понять, что не желает участвовать во всем этом безобразии.

– Не сверху, – протянул волколак. – Они там таким не балуются. Человеческие чудесники да колдовки по-другому работают.

Вижу, что по-другому. Только вот от этого не легче. Надо бы хоть пробу плоти взять да дома попробовать разобраться.

– Нет, ну в моей харчевне, а! – бурчал рядом Кривсун. – Загадили, как хотели! Это ж кому в голову пришло такую свору выпустить?

– Да не свора это, – мрачно возразил я.

Рука снова заняла, я поморщился. Так, пора уже уходить, и без того задержался. Очень надеюсь, что не сработает добрый умрунский обычай: покойники помирают да восстают снова.

Я протянул руку, которую тут же обволокло тьмой, а ногти вытянулись, превратившись в цепкие когти. Отсек кусочек плоти недоволка, завернул в поданное Маржичкой полотно и сунул в карман. Подумал и на всякий случай припорошил заклятием заморозки. Так уж точно сохраннее будет.

– Ну, спасибо за прием, – отрешенно сказал и поднялся на ноги.

– Да и мы пойдем. – Волколак огляделся в поисках своих товарищей.

Однако тех как ветром сдуло. Ну и верно, нечего тут сидеть: того и гляди еще кого нелегкая принесет.

– Идите уж, – буркнул Кривсун. – Мне тут теперь работы по горло. Маржичка, где у нас телега? Сейчас выгружать будем!

– Идем, – хмыкнул волколак и подмигнул мне.

Я покачал головой, но задерживаться не стал. Не хватало еще, чтобы припахали к уборке. Это дело во имя чужого блага я как-то не очень одобряю.

Но стоило только сделать шаг за порог, как воздух исчез из легких, виски страшно сдавило, а перед глазами все заполонила непроглядная тьма.

Глава 4. У подножия Двурогой

А потом вдруг резко все прекратилось. Я чуть пошатнулся и огляделся. Так, кажется, в «Умряге» было еще ничего, там хотя бы не так холодно. А тут... под ногами белый камень с серыми ветвистыми прожилками. Стены гладкие и... холодные, так и веет морозным днем, который вдруг явился среди жаркой осени. С потолка свисали подобные горному хрусталу капли и шипы, грозящие в любую минуту упасть на голову. Мне это совсем не понравилось, однако спрятаться было негде.

По полу, если его так можно было назвать, пополз серебристый туман.

«Говорила мне мама, – подумал я, – иди на землю, помогай братику искать невесту. Но нет же... дела! А теперь не просто дела, теперь котомка с неприятностями, знаете ли».

Туман пугливым зверьком замер у моих ног, вытянулся стрункой, осторожно коснулся носка сапога. Замер, словно раздумывая, что делать и нравлюсь я ему или нет.

Холод стал как-то убедительнее... Я переступил с ноги на ногу, шикнул на туман. Тот оскорбился и отпрянул. Сам не понимаю, почему стою тут как отрок перед встречей со старшей дочерью соседей, которая вернулась из города и стала настоящей красавицей.

Закралось нехорошее подозрение, что сюда меня перетянули. И я даже догадывался кто. Правда, пока не знал, каким способом. Что ж, ради этого, пожалуй, стоит тут задержаться.

– Ну, выйди, хозяйюшка, – обратился я в пустоту. – Покажи, какова ты есть. А то как-то неприлично гостью стоять на пороге.

Меня что-то ударило под колени сзади. Я, не удержавшись, рухнул в возникшее из ниоткуда кресло тончайшей работы. Будто мастер взял тонкие веточки неведомого мне белого дерева, сплел между собой причудливым узором и залил лунным серебром.

Передо мной оказался стол, на котором замерцала звездная пыль, обращаясь во всевозможные яства. Только вот напоминали они зеленовато-белые агаты: неживые, неправильные. Словно кто-то взял и додумался из громадного камня нарезать фрукты и овощи.

Высокими свечками взметнулись вытянутые кувшины, прозрачные, стеклянные. И через стекло сияло-переливалось золотом и ярким рубином вино.

– Угощайся, гость мой долгожданный, – прозвучал женский голос.

Такой же, как и эти фрукты, холодный и прозрачный. Но в то же время чарующе сладкий.

– В одиночку пить да есть, хозяйюшка, – дурной тон, – заметил я. – Знаешь ли, не воспитывали меня так. Так что уж сделай милость, покажись пред ясны очи.

Ни пить, ни есть я тут, разумеется, не собирался. К тому же ноющая рука здорово отвлекала от всяких лишних желаний. В том числе заслушаться прекрасным голосом.

Не успел я как следует даже разглядеть, что передо мной находится, как вдруг на глаза легли прохладные ладони. Разум задурманил аромат летней ночи, ледяного ручья и скошенной травы. Я тут же вздрогнул. Что за чушь? Откуда в этом ледяном склепе такие запахи?

– Ну, так можешь не в одиночку, молодец славный, – рассмеялась она мне на ухо.

И пусть тихо и звонко, но по спине пробежали мурашки. Голос-то у тебя недобрый, красавица. Даже мне, из Кошечьева рода, не по себе делается. А от ладоней в тело прямо вливается холод.

– Вот и чудненько, – сказал я, виду не подав, что хотелось бы сломать хрупкую ручку, только бы не прикасалась больше. – Только что ж ты, хозяйюшка, очи мне ладошками закрываешь? Стесняешься показаться-то?

Она снова рассмеялась. Прохладные губы скользнули по шее. Я невольно сделал рваный вдох, а потом змеей вывернулся из ее рук. И встретился взглядом...

Хозяйка горы, Ткачиха. Черты лица впору назвать острыми, что клинки. Глаза – серебряный лед. Губы тонкие, тронутые улыбкой. Но улыбкой этой можно разрезать надвое. Совсем не такая, как в видении. Там была величественная красавица, пусть и суровая. Тут же... Чудовище холодное. Разве что косы роскошные, молочно-белые, так и струятся вниз.

Платье, украшенное драгоценными камнями, прозрачными да серыми, больше напоминает доспехи воительницы зимы, чем женский наряд. А меховая накидка и не мех вовсе – снег на

вершине горы, который никогда не видит солнца из-за свинцовых туч.

Она смотрела прямо, будто что-то пыталась прочесть в моих глазах. Нагло так смотрела, была уверена, что я никуда не денусь.

- Ну как? - проворковала она. - Нравлюсь ли я тебе? Скажешь ли, что я хороша, а? Останешься со мной, молодец?

Сдурела, что ль?

Но вслух, разумеется, этого не сказал. Ибо кто ее знает, еще разобидится и сделает что-то нехорошее. А я и так еще не слишком бодр да шустер. Поэтому, пустив тонкую нить силы, быстро и аккуратно прошупывал все стены на предмет выхода. Вряд ли это каменный мешок. Магия плохо работает в замкнутых местах. Конечно, чары там могут скапливаться, но... действуют все равно в разы слабее, чем могли бы.

- А тебя как звать-то? - спросил с глупой улыбкой, стараясь смотреть как можно влюбленнее.

По идее, раз она уводит мужчин, то не силком же!

- Что тебе в имени моем? - ухмыльнулась она.

А зубки-то - что у тех бедняг, обращенных в волков. Такими прихватит ласково ушко, останешься без ушка вообще.

- В имени - много, - невинно заверил я. - Вот с матушкой хочу посоветоваться. Стоит ли мне брать в жены вас али рановато еще? Молод я еще, наверное...

Жизни не знаю, что с женой молодой делать - ума не приложу.

Ткачиха рассмеялась. Да уж, забавляется, зараза. Кажется, посчитала, что забрел к ней красивый, но глупый молодец. Что ж, мне того и надо. Нечего производить на врага благоприятное впечатление, а то он еще, поди, осторожничать начнет и ожидать подвоха.

А тем временем вдруг потянуло потусторонним ветерком. Ага, есть проход! Я еле сдержал улыбку. Ткачиха хоть и обратила внимание, но еще не сообразила, что привело к такой радости.

- Мы и без матушки обойдемся, - проворковала она и вдруг оказалась очень близко.

Только вот кроме холода - ничего. Ни запаха желанного женского тела, ни пушистых волос, ни страсти. Ледышка с жуткими глазами и зубами. Как на такую только молодцы ведутся? Эх, чары...

Сверкнули серебряные когти, но в лицо Ткачихе ринулся черный туман. Она зарычала и заметалась в поисках ускользнувшей добычи.

- Извини, милая, не могу задерживаться. Матушка зовет, - попрощался я, послав воздушный поцелуй, и скрылся в проходе.

В ответ донесся разгневанный рык, но напущенного мной тумана ей хватит надолго. Скрывает он Кошечевы следы так, что искать несколько дней будешь.

Только вот выход оказался не в пещерный коридор, как я наивно полагал, а... По глазам вдруг ударила яркая вспышка. Зажмурился, земля из-под ног исчезла, и я на огромной скорости полетел вниз.

«Не суйся в воду, не зная броду», - философски подумал я, понимая, что сглупил.

Сильный удар, от которого захотелось взвыть, дал понять, что на место я прибыл. Запах травы, хвои и мокрой земли. Так, чудесно.

Я открыл глаза и попытался определить, куда меня занесло. Ночь, лес, тишина. Я медленно сел, ощупал себя на предмет серьезных повреждений. Нет, все в порядке, только синякам быть да голова раскалывается. Но это ничего, пройдет.

Кошечевский организм - вещь в быту очень прочная и полезная. Учитывая нашу близость к мертвому миру и постоянное обновление энергии, мы и живем дольше, и хворями разными страдаем редко. А если уж чего и получим, так это не беда, быстро заживает.

Только вот надо бы еще понять, где я. Я поднялся, стараясь не совершать резких движений. По виду лес как лес, ничего подозрительного не чувствую. Задрав голову, увидел полную луну, щедро освещающую острые верхушки елей и землю, укрытую опавшей листвой. В темноте у меня зрение лучше человеческого, что есть, то есть. Но все равно не отказался бы от дневного света.

Огляделся. Так, стоять все равно нет смысла. Подать бы своим весточку, только вот сам же не знаю, где нахожусь. А растратить всю силу – неразумно. Вдруг придется еще от кого-то ноги делать или по морде давать (это по обстоятельствам)? Да и вряд ли я далеко улечу от Ткачихи, значит, не лишним будет предположить, что лес этот где-то возле Горе-горы. А если тут она потрудилась волшебной силой, то тем более надо силу беречь.

Сплета пальцы и затаив дыхание, снова пустил в ход истинное зрение. Перед глазами тут же заискрило так, будто решил посмотреть на реку под яркими лучами солнца. И тут же чуть справа и прямо-прямо-прямо потянулась теплая алая ниточка, стремящаяся к огромному костру. И если рукой прикоснуться, то сразу станет хорошо и уютно. И никакой тебе гадкой волшебной силы и чар. Так бьются людские сердца и горят очаги в домах.

Я тряхнул головой. Понял, неподалеку деревенька. До нее бы добраться без приключений, и тогда уже можно подумать, как вернуться к своим. Интересно, сколько я тут прохлаждаюсь? Вдруг у Ткачихи время как-то иначе течет?

В общем, пока я шагал по лесной тропинке, мысли были и вовсе невеселые. Не то чтобы я считал себя виноватым, что вляпался в неприятности, но осадок, конечно, оставался. Мог и подумать все же. Если в умрунской деревушке никогда ничего не случалось, то это не значит, что не случится.

По левую руку бежала узенькая речушка. Тихонько журчала, блестела в свете луны, шептала голосами водяниц какие-то местные сказки. Если прислушаться, то и не так на душе погано. Лес и лес, вон водяницы уже выпрыгнули на бережок, хихикают и плещутся в свое удовольствие. Старая ель перебирает игольчатыми лапами и вздыхает. Лесовик с ворчанием выбирается из-под них и пересчитывает коричневые шляпки грибов – хозяйство-то немалое, за таким глаз да глаз нужен.

Тишина для человеческого уха, гомон и смех – для таких, как я. Хороший лес, интересный...

Где-то впереди, в нескольких шагах от меня, скрипнули сухие ветки, будто кто-то наступил на них неуклюжими лапами. Я замер, вслушиваясь. Медведь? Если так, то договоримся. Я ему не охотник, чтобы опасаться.

Из-за деревьев показалась внушительная фигура, выше меня на две головы. Преградила дорогу. Да так еще, что луна светила ей в затылок. Я нахмурился. Так, что сейчас будет?

На всякий случай прикинул, что лучше: оставить позади, сделав быстро ноги, или все же припугнуть. Все же деталей не разглядеть, словно чарами какими-то сокрыто. Еще догадайся, с какими намерениями тут возле меня стоит.

– Бог в помощь, – хрипло сказала фигура.

Голос я неожиданно узнал и прищурился. Так-так, вот уж чего не ожидал. Хотя удивляться нечему. Если я тут оказался, то почему бы не быть и ему?

– Какой именно? – уточнил. – Не любит он, знаешь ли, нашего брата.

Волколак – тот самый, из «Умряга», – мотнул головой и развел лапами.

– Да любой. Хоть какой бы отозвался! А то блуждаю тут уж несколько часов, поди, совсем со счета сбился. Попал сюда – солнце стояло высоко в небе. И вроде бы на нюх никогда не жаловался, а кружу тут как кутенок слепой.

Волколак сделал пару шагов в сторону, и лунный свет упал на его морду. Да, он. Точно он. И ухо вот рваное, и глаза желтющие, и оскал. Только сейчас и впрямь видно, что крайне озабочен созданным положением. Что ж, я его понимал, но все же спросил:

– Ты как тут оказался?

Волколак почесал ухо лапой со здоровенными когтями.

– Думаешь, я знаю? Шагнул за тобой, только и помню. А потом как закружило, как завертело. И опомниться не успел, как впечатался мордой в землю, так потом не знаю сколько чхал, пока выбил всю траву да иголки. – Слово в подтверждение, он почесал лапой нос. – Так о чем это я?

– Про землю, – подсказал я и покосился на выползшую из воды водяницу.

Хорошенькая такая. Тоненькая, худенькая, полупрозрачная. Глаза не живые и не мертвые, кажется, что водовороты кружат в них, не останавливаясь.

Она тихонько хихикнула, подперла голову кулачком. Голубовато-серебряные волосы рассыпались по плечам и спине, переливаясь мягким сиянием. Водяница внимательно смотрела на нас, однако ничего не говорила. Подслушивание мне совершенно не понравилось. Но с другой стороны...

подслушивание – это когда тайно. А тут вот смотрит нахально, таится даже не собирается.

– Чего вышла, водяная? – будто подслушав мои мысли, поинтересовался волколак.

– Послушать да посмотреть, – ни капли не смутилась она. – Гости у нас тут бывают нечасто, а вы, видно, совсем неместные. Хотя хорошие.

– Я бы не торопился с такой характеристикой, – пробормотал я и приблизился к водянице. Та даже не подумала отпрянуть, все так же рассматривала меня с огромным интересом. Хотя чего ей тут бояться? Река – ее дом. И еще не факт, что где-то поблизости не прячется милый дедушка с увесистым камнем, готовый в любую минуту запустить его в голову того, кто посмеет хоть пальцем тронуть дражайшую внучку.

– И как? – спросил волколак и тоже подошел.

Я присел напротив девушки, разглядывая полупрозрачное личико. Она, явно наслаждаясь моим интересом, плеснула маленькой ручкой по воде.

– Хорошо. А то Ткачиха как разгуляется, так тут хоть с тоски вой. Всех знакомых рыбаков да дровосеков пораспугивает. Да и серп ее кровь людскую любит... – последнее она сказала с плохо спрятанной тоской. – А вы вот... вы почти от подножия Горе-горы. И раз оттуда идете целехоньки, значит, Ткачиха ничего вам не смогла сделать.

«Не смогла, но очень старалась», – подумал я.

– Ткачиха? – ничего не понял волколак. – Это кто такая? Мне тут даже никакой селянки с лукошком не встретилось, не то что ремесленницы!

– Это особая ремесленница, – мрачно заметил я.

Водяница изумленно распахнула глаза. Даже показалось, что можно разглядеть каждую ресничку, будто из нанизанных водяных капель.

– Вы Ткачиху не знаете?

– Так сама же сказала, что мы издали, – резонно возразил я.

Водяница прижала руки к щекам:

– Но ведь про нее везде знают!

Волколак покосился на меня, но я дал знак, что потом расскажу. Что-то беседа мне не нравилась больше и больше. То ли голову специально морочит, то ли глупа до ужаса.

– Ты нам скажи лучше, до деревни долго идти?

Я знал, что не так уж и долго. Только вот если тут чарами какими заморочено, то лучше бы узнать сразу. Даже если правду не скажет, хоть что-то узнаем. Однако водяница, вопреки подозрениям, только вздохнула:

– Вот так всегда. Только встретишь красивых молодцев, так сразу им в деревню надо.

Волколак издал какой-то маловразумительный звук. Да уж, и впрямь одичала водяничка-то. Я на красивого молодца еще туда-сюда, хотя первым парнем на Межанске никогда не был, но лохматое зубастое чудище рядом со мной?

– Вы идите прямо и прямо. – Она махнула рукой в нужном направлении. – А как наткнетесь на синюю сосну, так поворачивайте направо и снова прямо. Там и придете к деревне.

– Синюю? – уточнил я.

– Ну да, – пожалала плечами водяница. – Когда-то прежний хозяин Горе-горы, которого зачаровала Ткачиха, ходил к нам сюда. У сосны все с девушкой из деревни встречался. Ну и миловались они там, как это у людей бывает. А чтоб его желанная место встречи находила быстро, он сосну особыми чарами окутал и придал ее иголкам синеватый цвет.

– Поняли, – кивнул я.

Волколак за моей спиной только фыркнул. Ну да, их брат обычно на такие нежности не идет. Еще чего, это все человеческие штучки.

Водяница улыбнулась.

- Чем нам тебя отблагодарить? - поинтересовался я.

Лжи в ее словах не чувствовалось. И пусть помощь была маленькой, но от чистой души. Водяница засмушалась, захлопала ресницами, волосы вспыхнули переливающимися огнями. И стала вдруг так хороша, что я аж залюбовался невольно.

- Поцелуй меня, ясный молодец, - прошептала она тихо и маняще.

Волколак, уже было направившийся по указанному ею пути, закатил глаза. Я же девицу ждать не заставил. Коснулся прохладной щеки пальцами и прильнул к губам. Ощущение и впрямь, что пьешь холодную чистую воду. Ни тебе жара, ни страсти, но и не сказать, что противно.

Оторвавшись от меня, водяница хихикнула и тут же спряталась в реке. Послышался отовсюду хрустальный смех. Вот же ж любят подсматривать, охальницы. Я встал и шутливо погрозил им пальцем. Смешки тут же стихли, только слышался плеск воды.

А потом направился за волколаком. Ибо общество девочек хорошо, но дело прежде всего. Правда, все же перед тем, как нырнуть под ветви ели, на узкую тропку, обернулся. Давешняя водяница вынырнула, помахала рукой и послала воздушный поцелуй.

Я только покачал головой. Врожденное обаяние рода Кошчеев, что поделать. Многие девицы от нас без ума. Кто от стати, кто от лица, кто от ума... кто от богатства. Короче, завидные женихи.

С волколаком мы какое-то время шагали молча. Он то принимался, то вслушивался в еле различимые трески и шорохи, но ни разу не сказал, что откуда-то идет опасность.

- Тебя-то как звать? - поинтересовался я, чувствуя, что молчание давит на уши. Точнее, мысли о Ткачихе, которая мне совсем не нравилась. Кто знает, что на уме у этой нечисти? Вдруг следит или еще что такое.

- Могута, - отозвался волколак.

Я покосился на него. Стать и силушку отражает, угадали родители с именем. Хотя... может, тогда он не был волколаком. Тут же по-разному может быть.

- А тебя я знаю, - вдруг произнес он, глядя себе под ноги.

- Вот как? - сделал вид, что удивился, я.

- Угу, - кивнул Могута. - Больно ваши кощеевские рожи приметны, уж не серчай.

Я хмыкнул. Что есть, то есть. Угадать не слишком сложно. А волколаки обычно наблюдательны, поэтому ничего удивительного.

- Ну и то славно.

- Ага, - согласился он. - Только я все же не знаю, а ты дал понять, что с вопросами стоит обождать. Кто такая Ткачиха?

Мы вышли на опушку, деревья теперь встречались гораздо реже.

- Да вот... - Я обернулся и посмотрел вверх черных верхушек, касавшихся ночного неба. Так и есть, Двурогая гора возвышалась за ними. Раздвоенная, молчаливая, страшная. Вроде на первый взгляд ничего такого, всего лишь гора. Но смотришь на нее и не по себе делается почему-то. - Видишь ее?

Могута кивнул. Потом покосился на меня. По настороженному взгляду волколака и сжавшимся в щелочки зрачкам я понял, что он тоже почувствовал злую силу, исходящую от горы.

- Вот она зовется тут Двурогой или Горе-горой. А Ткачиха или Хозяйка - та, которая окутала ее страшной волшбой и забирает себе местных жителей. Малоприятная сударыня, скажу тебе.

Волколак удивленно воззрился на меня:

- Откуда знаешь? Неужто...

- Оно самое, - мрачно согласился я и, резко повернувшись, продолжил дорогу. - Если тебя швырнуло в лес, то меня прямо к ней. Только вот никак ума не приложу, отчего ее все красавицей кличут, когда там жуткая тварь с зубами чуть меньше твоих.

Могута, словно убеждаясь, что зубы на месте, неосознанно потрогал их лапой. Догнал меня в несколько шагов, ему-то такое расстояние - мелочь.

- Разобраться бы надо, - хмуро сказал он.

За деревьями показались заборы и приземистые домики. Где-то на другом краю деревеньки слышался собачий лай. Мы вышли к дороге, но пока не спешили на нее ступить. Ночь, конечно, вряд ли нас тут кто встретит, но все равно осторожность не помешает.

- А у нас и выхода другого нет, - заметил я. - А ты бы человеческий облик принял. А то, не ровен час, решат, что явился с недобрыми намерениями, лучшую овечку унести из стада.

Волколак снова закатил глаза. Кажется, подобное сравнение ему совсем не понравилось, но спорить не стал. Через некоторое время рядом со мной стоял рослый молодец в белой рубахе, серых штанах и сапогах. Волосы что пепел, стянуты кожаным ремешком. Черты лица грубые, но не отталкивающие. На такого посмотришь - молодец как молодец. Поди угадай, что волколак. А что широк в плечах, так мало ли богатырей в округе?

- Подождем утра? - спросил Могута.

А голос, кстати, не изменился совсем. Если обозлить - зарычит по-волчьи, вряд ли кто равнодушен останется, как пить дать залетит белкой на дерево от страха.

Я раздумывал. С одной стороны, не такое уж и плохое предложение - если хорошо взглядеться, скоро рассвет. А так можно было бы обойти кругом, рассмотреть, что тут да как. Заодно и силу высвободить, узнать, что за чары тут разлиты Хозяйкой. Не верю, что она могла пустить все на самотек. Разве только есть местные ведуны, которые сдерживают ее пыл. Ведь живут же как-то! Не будь у них никакой защиты, то и деревни бы не было.

- Подождем, - ответил я, присматриваясь к домам.

Тихо, кругом тихо. Все спят. Нигде не горит даже огонька. Хотя нет. Вот вроде бы в доме, что стоит ближе всего к подножию горы, в окне мелькает слабый огонек. Или мне это только кажется от усталости?

Да нет же. И впрямь что-то есть. Я даже сделал несколько шагов вперед, чтобы разглядеть получше, как в спину вдруг что-то уперлось, и послышался голос:

- Стой где стоишь, если жизнь дорога.

Глава 5. Ушбань

Жизнь, конечно, дорога. О чем разговор вообще? Мне ли об этом не знать, сыну купчихи из самого стольного града Кьева?

Жар, опаливший спину, заставил стиснуть зубы. Кажется, я немного просчитался, что все спят. Мда, будет наука, а то что-то совсем расслабился. Не все же станут меня встречать, как та водяница.

- Ну, что замерли?! - грубовато спросили сзади и ткнули в спину.

Могута тоже замер, следовательно, тоже оказался под прицелом неведомого оружия. Только, в отличие от меня, явно чувствовал себя куда хуже, толком и пошевелиться не мог. Я же медленно повернул голову.

- Вы уж определитесь, стоять нам и не шевелиться или наоборот, - любезно попросил, взглядываясь в закутанную с ног до головы в плащ невысокую фигуру.

По голосу, кстати, не разберешь, кто наш пленитель. Чарами окутали неплохо, кажется, что искаженный голос мальчишки. Но знаю я такие штучки, «мальчишке» может оказаться полвека и больше. Тут надо быть осторожным.

- Хватит болтать! - бросил пленитель. - Топайте вперед! Все мы про вас знаем, ходите тут, все разнохиваете, а потом Ткачихе передаете!

«Очень интересно, - подумал я. - Неужто среди своих тут предатели водятся? Странно как-то. Что им могла пообещать Ткачиха?»

Могута попытался зарычать, но тут же смолк, словно подавился собственным голосом. А мне ничего, спину больше не обжигало, а так - согревало. Все же прогулка по ночному лесу - приключение еще то, совсем не упаришься, скорее, наоборот - озябнешь. И можно было, конечно, спокойно отойти, отшвырнуть пленителя, но... Потом бы долго пришлось объяснять, кто мы такие. Да и после тумачков вряд ли будут говорить по душам. А так... шли и шли. Заблудились мы, вот!

Поэтому, не упираясь, пошел вперед. Могута явно не одобрял такого расклада, но сопротивляться не мог. Интересно, какая ворожея чар таких понакладывала?

Стоило только ступить на узкую дорожку между одноэтажными домами, как со всех сторон заголосили собаки. Да так, что захотелось окутать всю деревеньку в покрывало сна. Вот же дурные создания, вы бы так от Хозяйки сторожили. Уж мы вроде как зла не держим.

В мгновение ока распахнулась ближайшая дверь, и на улицу выскочил худой, гибкий что лозина человек. Пониже меня на полголовы, седой весь как лунь. В рубахе, будто сплетенной из серебряных нитей, и в темных штанах. В руках - здоровенный посох, верхушка - огненно-белый кристалл, от которого в стороны расходится яркое сияние.

Ух, какая вещичка! Аж волшебной первородной повеяло, ничего себе. Так и захотелось протянуть руку и приласкать кончиками пальцев магию, исходившую от кристалла.

Мужчина нахмурился. Почувствовал что-то, значит, колдун неслабый. Это хорошо. А сам-то в возрасте, морщин вон сколько. Но серые глаза смотрят прямо и чуть настороженно, да и не утратили проницательности.

Следом за ним выскочили трое дюжих молодцев. Светловолосые, тоже сероглазые, похожие на него. Сыновья, батьку одного не отпускают. И то правда - добрый кулак чарам в деле умерщвления врага только помощник.

- Кто вы такие? - сурово спросил старик.

А потом посмотрел на стоявшего позади.

- Тайный знак дает, - еле слышно шепнул Могута, - вон как глазищами сверкает.

- Не шептаться там!

И волколака тут же пихнули в спину. Тот скрипнул зубами, но я показал, что не стоит сейчас встревать в спор.

- Путники издалека, - сказал я как можно вежливее. - Уж не сердчайте, что разбудили, никак не собирались. Если бы не...

- Откуда именно? - спросил старик.

То и дело слышались скрипы и шепотки: кто выглядывал в окно, сляясь разглядеть происходящее, кто безбоязненно выходил на улицу. Кажется, тут путники не были особой диковинкой, или же их не боялись.

- Из Кьева-града, - ответил я, решив, что Межанск для многих местечко слишком подозрительное. Все же там больше нелюдей живет, чем людей. Поэтому не стоит нарываться, когда кто-то тычет тебе зачарованным копьём в спину. Может, и не копьём, конечно, но чутьё подсказывает, что ничем другим это быть не может.

Старик нахмурился:

- И как тут оказались? И чем промышляете?

- Так. - Я покосился на товарища по беде. - Купцы мы с братом. Возим разное, колесим по всей земле, денежку зарабатываем.

Я постарался придать убедительности голосу и овечьей невинности взгляду.

- Дядька Несебр, да все с ними ясно! - воскликнул стоявший позади нас.

Старик явно не спешил верить. Снова нахмурился, провел над нашими головами посохом. Ничего не случилось. Со вздохом Несебр посторонился и указал на дом.

- Идем потолкуем. Нечего стоять среди всей Ушбани. Еще серп просвистит над головами, потом вот точно беды не оберемся.

За нашими спинами тяжко вздохнули, а я мысленно улыбнулся. Вот и чудно, чтобы Кощееву силу опознать, когда тот ее старательно прячет, надо все же быть не человеком. Тут чародейские штучки останутся безучастны.

Я приложил руку к груди и уважительно склонил голову, благодаря за приглашение. Могута повторил мой жест. А потом мы последовали за хозяином. Молодцы не спешили заходить, оставшись на улице с нашим пленителем.

Стоило нам оказаться в небольшом коридорчике, как Несебр остановился. Взмахнул посохом, вокруг все залило радужным светом. Свитые энергетические сети попытались накрыть нас, чтобы не было соблазна воспользоваться магией. И если Могуте и впрямь сделалось не слишком хорошо, то я посмотрел на колдуна с легким укором. Щекотка да и только, куда ж ты на Кощеева сына-то? Ой, то бишь купца заезжего... с братом. То, что Могута на меня совершенно не похож, ни капли не смущало. Братья бывают не только родными.

Несебр посмотрел на меня, вздохнул, потом покачал головой. Радужное сияние тут же скрутилось спиралью и словно впиталось в его ладонь. Помещение теперь освещали только несколько свечей на столе. Чистенько у него тут, уютненько. Не слишком богато, но коль сюда на переговоры водят всяких, то и ясно, что обстановка будет попроще. Очаг, лавки с наброшенными на них плетеными дорожками из белых нитей. На стенах - полки с разным добром: чашки, ложки, склянки, пузырьки. К потолочным балкам подвешены пучки серебристо-зеленых трав. Что интересно, стоило только оказаться у Хозяйки, как куда ни глянь - серебро. Что у нее самой с чарами, что тут. Видать, чары такого цвета. Наверное Луна-серебряница тут балуется, кругом все взяла в свои руки.

- Присаживайтесь, - сказал Несебр и указал на лавку.

Что ж, вежлив, уже славно. Хотя ведь силу мою учуял, а значит, не будет грубить. Посох у него, конечно, чудный, только вот я все равно его не испугаюсь.

Могута что-то проворчал, но сел. Кажется, тут он возлагал на меня роль командующего. Ну... оно и правильно. В отличие от местных, знает, кто я таков.

Несебр садиться не стал. Возникло ощущение, что ему так проще поддерживать чары и смотреть на нас. И хоть не особо люблю, когда хозяин нависает над гостем, но кто знает, какие у них тут обычаи.

- Вы мне солгали, - мрачно возвестил Несебр. - Не ведаю, с какой целью, но пусть будет на вашей совести. Зла в вас нет.

«Оно есть во всех, - подумал я, - просто в разных пропорциях».

Будто почуяв мои мысли, Несебр только сверкнул глазами и уточнил:

- Зла для Ушбани.

Мы с Могутой переглянулись.

- Простите, уважаемый Несебр, - осторожно начал я, надеясь, что все же обратился достаточно вежливо, - для кого? Или же вы именуете так местность, в которую нас занесла нелегкая дорожка?

Могута покосился на меня, но я не отводил взгляда от хозяина дома. Про себя рассказывать не с руки, хоть утаивать правду и не собираюсь. А вот побольше узнать о местности, куда нас занесло, необходимо.

- Правильно мыслишь, - кивнул Несебр. - Ушбань - наша деревня. Все, что видит глаз у подножия Горе-горы, находится под моим указом.

- Так вы будете старостой? - осторожно уточнил Могута.

При этом смотрел так искренне и светло, что я сам чуть не поверил. Ай да мастер! Перевоплотился из клыкастого волколака в почтительного купчишку. Прекрасно, надо будет присмотреться к парню, авось где-то пригодится такой талант.

- Буду, - тяжело уронил Несебр. - Поэтому и хочу услышать правду. А то мои сыновья только ждут знака.

- Чтобы выколотить ее из нас, если вдруг откажемся говорить сами? - невинно уточнил я.

- Именно, - согласился Несебр. По его тонким губам скользнула улыбка. - Вижу, вы меня прекрасно понимаете.

Могута сделал вид, что увлеченно рассматривает дорожку на лавке. Ладно, значит, вести переговоры мне. Переживем. Я сплел пальцы, отголосок силы прошел легкой темной волной, окутал нас с Могутой. Глаза Несебра чуть расширились, но держал лицо он хорошо. Понял, что защищаться будем, так что лучше не соваться.

- Правду, как она есть, мы, к сожалению, не скажем, - прямо сказал я. - Но в то же время и правда: никакого зла ни жителям Ушбани, ни вам лично причинять не собираемся. Наше единственное желание - выбраться отсюда, желательно целыми и невредимыми, и добраться до родных мест. Поэтому могу сказать, что оказались мы здесь чисто случайно. Сидели себе в харчевне, никого не трогали...

Говорить, что харчевня находилась в умрунской деревне, разумеется, не стал. Кто его знает, как тут относятся к тем, кто перешагнул из жизни в царство мертвых.

- ...а тут влетели огромные волки, на обычных волков смахивающие только немного, и кинулись на всех.

- Угу, - глубокомысленно подтвердил Могута.

- Кое-как отбились, спасибо bravому хозяину харчевни, - почти не соврал я. - Но стоило только выйти на порог, как накрыла мгла, и мы потерялись в пространстве. А чуть пришел в себя - оказался в серебряных покоях, в гостях у страшилища с женским телом.

- А я в лесу, - мрачно добавил Могута и поерзал на лавке. Допрос его явно раздражал, однако приходилось терпеть.

- Страшилища? - прищурился Несебр.

- У него самого, - кивнул я. - Речи оно вело сладкие, обольщало всячески, только вот с такой связаться... слепым надо быть. Ну и очень глупым, разумеется. А потом оно отвлеклось, я и сбежал. Так в лесу и оказался. А там уже с братцем и встретились.

Несебр нам верил. Но не полностью. Задумчивость, отражавшаяся на лице старика, была какой-то отрешенной.

- Страшилище, говоришь, - как-то странно протянул он. - А...

Дверь вдруг распахнулась, и на пороге появился один из сыновей Несебра.

- Отец! Зирьяну никак не угомоним, помощи!

Несебр только закатил глаза и произнес несколько слов, которых разобрать не удалось, но все они подозрительно смахивали на ругательство.

- Вот принесло же вас! - в сердцах воскликнул он. Но тут спешно умолк, приняв суровый вид.

А он не такой уж занудный, каким пытается выглядеть. Но это хорошо. Сухари годятся только для того, чтобы размачивать их в травяном отваре.

- Я сейчас, - сказал Несебр и поднялся.

Потом выразительно посмотрел на нас обоих, словно давая понять, что руками тут лучше не трогать. А то мало ли... Я ответил самым невинным взглядом, какой только смог изобразить. Могута уже не пытался изображать из себя беззубого волчонка, а потому и смотрел угрюмо, но пока еще вполне миролюбиво.

Стоило двери закрыться за Несебром, меня тут же несильно ткнули в бок.

- Значит, братья? - невозмутимо поинтересовался он.

Только глаза вдруг странно пожелтели, наливаясь янтарем. Хотя почему странно? Может, у него просто в роду именно так. Не все же волколаки спокойно могут сохранять человеческий облик и при этом не поддаваться звериным изменениям.

- А мне надо было сказать, что я твоя дочка? - невинно уточнил.

Могута вздохнул, потом поморщился. Видимо, от усталости и неопределенности ляпнул. Ничего, бывает. После общения с Лишкой я и не такое переживу.

- Как думаешь, нам поверили? - тихо спросил он, оглядывая помещение.

- Нет, конечно, - хмыкнул я. - Но в то же время не спешат проткнуть копьем - уже приятно.

Я встал с лавки и подошел к окну. Вряд ли обзор будет приличный, но, может, хоть что-то увидим. Ага, точно. Люди добрые окружили нашего пленителя, который всю размахивал руками и едва не топал ногами. Эка его прям разобрало. Что-то больно наши физиономии не понравились. А мы же хорошие, очень. Разве что немного не из мира живых, ну так кому сейчас легко-то?

- Что там интересного? - спросил Могута и подошел ко мне.

- Вон, гляди. - Я указал на представление. - Не удивлюсь, если требуют вздернуть нас на ближайшей сосне.

Волколак прищурился. Мне даже показалось, что расслышал глухое рычание. Тише-тише, не надо так нервничать. Все же еще рановато отсюда уходить, надо подождать, вдруг будет что-то интересное. А нам разузнать обо всем ох как надо.

Наш пленитель резко развернулся и, кажется, собрался было уйти, но Несебр положил ему руку на плечо.

Дверь вдруг снова открылась. Появился тот же парень, что звал до этого старосту. Внимательно посмотрел на нас, а потом кивком показал на выход:

- Идите сюда.

Мы переглянулись. Осталось только пожать плечами. Как у их тут негостеприимно, что поделать. Видать, опять расспрашивать начнут. Но стоило только покинуть дом, как послышались голоса:

- Говорю, не зря они перед жатвой пришли!

- Зирьяна, перестань!

Пленитель, услышав наши шаги, обернулся. Да так резко, что капюшон слетел. Вспыхнула пламенем рыжая змея косы, выбившиеся пряди скрыли лицо. Но тут же белая изящная рука нетерпеливо отбросила их назад.

На меня гневно взирали янтарные глаза. Еще бы чуть-чуть, и карими можно было назвать, но так - янтарь. Густой, темный, волнующий. Медные дуги бровей, высокий лоб, аккуратный курносый носик, полные соблазнительные губы. Хороша девица, только ж чего злая такая? Вон как на меня смотрит, аж прожгла бы дыру в груди. А потом дождалась бы, пока сгорю полностью и стану кучкой пепла. А там и развеять дело нехитрое.

Могута рядом присвистнул. Зирьяна тут же метнула на него такой же ненавидящий взгляд. Но волколак только улыбнулся. При этом настолько обаятельно, что девица нахмурилась и невольно сделала шаг назад, врезавшись спиной в стоявшего позади Несебра.

- Успокойся ты, кому говорю, - мрачно велел он. - Правду сказали. И Кирея твоего тронуть не могли. Ушел же еще давно, сама знаешь.

Так, это интереснее уже. Девица ярится на всех, мстя за какого-то Кирея. Поди, жених был, учитывая, что тут мужчин некая прелестница из горы забирает к себе. А нас посчитала посланцами

Ткачихи. Как прекрасно.

- Те, что прежде приходили, - низким бархатным голосом, освобожденным от чар, проговорила Зирьяна, - тоже правду говорили. А потом доставали ножи и шли убивать спящих.

- Ножей у нас нет, - буркнул Могута.

Ого, как на нее-то смотрит. Друг мой волче, будь осторожнее. Такая сама ухватит нож, а потом будет похваляться новой волчьей шкуркой в доме. В хозяйстве-то оно все пригодится.

Я сложил руки на груди и посмотрел на девицу. Так, только не хмыкать, а то сейчас опять набьются. И надо постараться попроникновеннее да поискреннее. Но эти скоморошья пляски уж пора прекращать.

- Уважаемая... Зирьяна, - начал я, и все неожиданно притихли. - Уж простите, что без отчества, но как-то не успели познакомиться. Если вас интересует, злоумышленники мы или нет, то скажу прямо - нет. Мы действительно заблудившиеся путники. И поверьте, с куда большим удовольствием сидели бы сейчас дома и пили чай с баранками, нежели стояли бы среди ночи тут и повторяли который раз, что не имеем никаких злых намерений.

А если и имеем, то не к вам. Да и не ваше дело, мягко говоря.

Зирьяна прищурилась, но молчала, словно желая услышать, что я скажу дальше. Могута и вовсе мудро не влезал.

- Но, - продолжил я, - если все же ваша уверенность совершенна, то прошу, не стесняйтесь, задайте прямо вопрос. Я отвечу, дабы развеять сомнения.

- Стесняйтесь? - хрипло повторила она, явно мечтая дикой кошкой разодрать лицо.

- Вот и я так думаю, - кивнул ей. - Копьем тыкать в нас у вас вышло вполне браво, так неужто спросить неловко?

Янтарные глаза вспыхнули ярким пламенем. Так-так, наверное, колдовка какая. У простой девушки так сверкать не будет. Возможно, и почуяла, что мы не просто люди. Но... это еще доказать надо.

- Зирьяна, прекрати, - тихо сказал Несебр, положив ей руки на плечи. - Или ты хочешь нарушить закон?

Она нахмурилась, закусил губу. Я не поменял позы, продолжая глядеть прямо на нее. Интересно, что за закон такой? Может, тут какое проклятие на Ушбань накинута, кроме жаркой любви Ткачихи? С этим бы неплохо тоже разобраться. А то какая-то неполная картина тогда получается.

По Зирьяне было видно, что закон ей, мягко говоря, до метлы. Все же мы с Могутой ей совершенно не нравились. Она дернула плечом, сбрасывая руку старейшины.

- Хорошо, - еле слышно буркнула. - Но вдруг что потом - сами разбирайтесь. И меня не зовите.

С этими словами она змеей выскользнула из круга людей, только рыжим всполохом промелькнула коса.

Дальше уже было не так интересно. Несебр махнул рукой и распустил людей. Нас же забрал с собой. Дом у старейшины был больше, чем показалось сразу. Впрочем, сейчас куда больше хотелось спать, чем осматривать его хоромы. Нам выделили вполне годную комнату со столом и широкими лавками, застеленными шерстяными одеялами. Квадратное окно в стене, через которое падал лунный свет. Явно чтобы переночевать, не больше. Но нам больше и не надо было. Сердобольная жена Несебра, пышная Тарина, накормила нас изумительной кашей с мясом и подливкой. И еще и посетовала, что мы такие тощие. Могута тихонько шепнул, что мясо можно было бы и без каши. На что получил от меня тычок в бок и совет есть, что дают.

Несебр вкратце обрисовал сложившуюся в Ушбани ситуацию. Впрочем, ничего особо нового я не узнал. Ткачиха прочно обосновалась на горе. Чтобы жить безбедно, ей нужны жизни молодых мужчин. Вот она периодически берет лунный серп и выходит на жатву. Правда, порой ей охота поиграть. И тогда, прекрасная и юная, она спускается на землю и очаровывает всех, кто попадается ей на пути. Потом уводит за собой. И уж никто и никогда не видел ушедших.

У Зирьяны, оказалось, Ткачиха увела старшего брата. Потому девчонка так и кидается на всех. При этом на мой вопрос, почему она так отреагировала на мужчин, ведь Ткачиха-то женщина, Несебр только вздохнул. Да и сказал, что все равно все ждут, когда вернутся их мужья, братья и сыновья. Но все никак. Только расслабляться нельзя. Никто не знает, что удумает Ткачиха в следующий раз...

У двери Несебр остановился. Словно хотел еще что-то спросить, но потом махнул рукой.

- Спи спокойно. Пусть сны ваши будут добрыми. Утром поговорим, а то я уже и сам стал забывать слова на подходе.

Перемолвившись несколькими словами с Могутой, мы тоже легли. Он, оказалось, весь день бегал по Межанску, устраивая младшую сестренку на житье. Она у него из леса, совсем неприученная, все бы так и жила одиноко, но Могута рассудил иначе. Все же Межанск - не последний городок, а потому и полезному тут научат, и друзей-знакомых заведет, и работу отыщет. А может, и жениха присмотрит.

Я слушал молча. Жена-волколак - еще то удовольствие. Но некоторые любят попикантнее. Поэтому чего уж тут умничать, каждый выбирает то, что ему по душе. Тут же пришли мысли о Дивиславе, которому придется искать свою невесту. Я поморщился. Дурацкий, конечно, способ. И брата жалко. Мало того что отдуваться за обоих, так еще и неизвестно с кем. Ну да ладно, у меня, если что, ледник всегда готов. Да и инструмент имеется. А от материала для опытов никогда не откажусь. Знаете ли, не всегда есть время его искать.

Так за размышлениями и сам не заметил, как уснул. Спал как убитый, ничего не снилось. Но как же мало...

Странный монотонный звук, тоскливый такой, на одной ноте, не дал снова сомкнуть глаз. Я поморщился и прислушался. Откуда-то со двора, не в доме точно. Я нахмурился и повернулся на бок. Встретился со сверкнувшим волколачьей желтизной взглядом Могуты. Тот притаился, вцепившись пальцами в одеяло. О, вон даже когти выпустил.

- Что это? - одними губами спросил он.

Я приложил палец к губам и осторожно приподнялся, чтобы выглянуть в окно. Что бы там ни было, лучше не делать резких движений. А звук мерзкий какой, будто кто песню смерти затянул. Только громче и громче становится. И кажется, что воздух пропитался напряжением и тревожным ожиданием.

За окном царила ночь. Только вот луна окаянная светит так ярко, так бело, что глазам больно смотреть. Висит на сине-черном полотне неба, почти касается вершин Двурогой. Хм, а вершины какие-то странные. Серебруются в лунных лучах, сливаются друг с дружкой полукруглым полумесяцем...

Серебро вдруг стало кроваво-красным. Звук оборвался, словно лопнула струна. А потом поднялся дикий ветер и донесся пробирающий до костей мерзкий хохот. Окно затянуло серебристой мутью.

Земля задрожала, мы с Могутой слетели с лавок. В доме поднялся переполох, донеслись крики:

- Ткачиха! Ткачиха идет!

- Жатва!

Глава 6. Жатва серебряного серпа

Ну, это святое. Стоит только подумать, что все в порядке и можно расслабиться, как обязательно случится какая-нибудь непредвиденная гадость. Не теряя времени, я натянул одежду, Могута тоже не отставал. О нас, кажется, позабыли.

Впрочем, если у них Ткачиха любит погулять, размахивая серпом, то вряд ли им будет до путников. Еще раз глянул в окно.

Ослепительное серебро залило весь двор. Ледяное такое, неживое, нечеловеческое. И даже мне, тому, кто сам к людям относится только немного, все равно стало не по себе. А потом вдруг раздался дикий хохот и зловещий свист, от которого заложило уши.

Миг – серебро будто рассекло огромным мечом, и снова донеслись крики.

– Надо идти, – проворчал за моей спиной Могута. Я обернулся и заметил, что он принял волчью форму. Что ж, уж лучше так, чем ждать, пока за твоей головой кто-то придет. А так и силы больше, и ловкости, и выносливости. И глаза горят так... Ну, в общем, будь я простым селянином, трижды подумал бы, прежде чем подходить к такому чудовищу.

В окно вдруг поскреблась жуткая костлявая рука. А потом заглянуло уродливое ссохшееся лицо. Кожа – белая-белая, растрепанные, торчащие в разные стороны волосы. Глаза – веретенообразные черные провалы. Носа нет, вместо рта – впадина. Существо внимательно и жадно смотрело на нас.

Мне стало немного не по себе. Тут же пожалел, что, отправляясь в умрунскую деревню, не прихватил с собой оружия. Ладно, придется полагаться только на магию. Хоть и не слишком это люблю.

Существо тем временем замерло, прижалось отвратительной мордой к стеклу. Принюхивается, гадина. Позади него мелькали светло-серые тени. Дикий вой холодил кровь в жилах. Крики не смолкали.

Послышался мерзкий скрип, и стекло со звоном осыпалось. Существо зашипело и полезло в комнатку. Я едва успел швырнуть черный шаровой сгусток. Страшный визг разнесся вокруг. Могута весь подобрался и клалнул внушительными челюстями.

Обгоревшее существо бессильно свесилось с подоконника к полу. Запах плоти заставил поморщиться. Право, в этих внезапных нападениях нет ни толики изящества. Все ужасно безвкусно.

Ждать было бессмысленно. Могута, без слов поняв мой взгляд, отшвырнул огромной лапищей труп и выскочил на улицу. Я выбрался следом. Конечно, с одной стороны, это было страшно опасно – мы не знаем, что собой представляет враг. Но с другой... можно так и не заметить, как ловушка схлопнется. Ни одной твари рядом не было, ночь как ночь. Только вот все равно со всех сторон идет красноватый свет. И Горе-гора словно вышла из кошмарных снов. К такой приближаться однозначно не стоит.

Или наоборот. Там может быть выход в Межанск. Обычно чем больше магии, тем более вероятно, что можно ее взять в свои руки и направить в нужное русло. Ведь получилось же сбежать от Ткачихи!

Позади что-то скрипнуло. А потом прозвучал тяжелый вдох. Слишком шумный, слишком странный. Будто дыхание зимы среди жаркого лета.

– Темноза-а-ар, – тихо протянул Могута, осторожно толкая меня в бок. – Кажется, у нас очень большие неприятности.

Нахмурившись, я проследил за его взглядом – направлен куда-то вверх и назад. Уже будучи абсолютно уверенным, что не хочу это видеть, я медленно обернулся.

И потерял дар речи.

Оно возвышалось над домом. Вытянутая худая фигура с непропорционально длинными руками. Ни клочка одежды, все тело как выбеленный смятый пергамент. В когтистых пальцах сжат серп, отражающий свет луны. Большой серп, с половину моего роста. Таким размахнется – перерубит пополам. А серебро-то заляпано уже чем-то темным, и даже думать не хочется, что это. Хотя и так можно догадаться, что не смола так лаково блестит и падает каплями на землю.

Снова донеслись крики, показались отступающие за дома мужики с колами, пытавшиеся отогнать такую же тварь. Серп с оглушительным свистом пронесся над их головами, но чудом не задел.

Чудище, стоящее за домом Несебра, посмотрело на нас отвратительными белесыми глазами.

Раскрыло безгубый рот в немой радости, обнажив острые иглы зубов.

- Что делаем? - шепнул Могута, не отводя взгляда от чудища.

- Делаем ноги, - внес я дельное предложение и, не дожидаясь, пока поднимется перепачканный кровью серп, рванул со всех ног в направлении Двурогой. Могута издал маловразумительный звук, нечто среднее между волчьим ругательством и удивленным восклицанием, и помчался за мной.

Пришлось перемахнуть через забор и побежать по относительно широкой дороге между домами. Собаки заливались лаем, срываясь с поводков. Крики и ругань людей стояли в ушах. Порой их заглушал жуткий нечеловеческий хохот, от которого стыла кровь в жилах.

Эх, говорила мне мама...

Я свернул налево, куда узенькой змейкой уходила дорога, обогнул здоровенную площадку, усыпанную пеплом. Ритуальное место, что ли? Впрочем, сейчас не до этого.

Рядом, тяжело дыша, бежал Могута. Кажется, он не ожидал от меня такой прыти. А я с виду только худой и нескладный кощейский сынок. А силы и выносливости хватает, знай только догоняй.

Так вот, мама. Не суйся в воду, не зная броду. Но в то же время кто не рискует нырнуть, тот и вкуса хвельцы пьянящей не оценит.

Мы остановились, глядя по сторонам. Тупик, сплошные дома. Ну кто так строит? А чудище-то преследует, вон как земля вздрагивает от каждого шага. Но не торопится, окаянное, видимо, уверено, что мы никуда не денемся.

- Налево надо было, - выдохнул Могута, сжимая кулаки с длиннющими когтями.

Я тоже сделал глубокий вдох. Жар прошел по телу, истинное зрение окрасило все вокруг леденящим синим светом. Ага, так и знал, не тупик, а просто ловко замаскированный ход. Домишко в центре, с покосившейся крышей да убогой калиточкой, всего лишь морок. Если через него пройти, то там и до горы недалече.

Я ухватил Могуту за лапу и потянул за собой. Он только хотел было что-то сказать, как раздался свист. Я с силой дернул волколака на себя. Прыжок смазался, мы кубарем отлетели в сторону. Но зато спаслись от пролетевшего над головами серпа. Чудище недовольно завывало, прищурило светлые глаза.

- В дом! - рявкнул я.

На безумной скорости сорвался, не рискуя оставаться на месте дольше нескольких мгновений. Могута охнул, но не отставал. Снова свист серпа, и волна ледяного ветра обдала с ног до головы, сковывая и не давая двинуться. Переборов чужие чары, я сумел вскинуть руку и прошептать нужные слова.

Стена темного пламени отделила нас от чудища, кинулась на него голодным зверем. Вой за спиной заставил вздрогнуть, но наблюдать некогда. Мы с Могутой влетели в паутину морока, скрывшись с улицы.

На этот раз прокатилась волна разочарованного воя. Серп прошел сквозь пелену, едва острием не пропоров бок Могуты. Последний подпрыгнул и чуть не налетел на меня. Только покосился вопросительно.

На всякий случай я оттянул его подальше от такого намороченного входа. Тварь металась за мороком и явно не могла войти, но вот серп каким-то образом проникал сквозь плетение чар. Очень интересно, из чего он сделан? С удовольствием раздобыл бы на предмет поисследовать да поизучать, но пока не до этого.

- А местечко еще то. - Могута, поморщившись, обхватил себя за плечи.

Ну... да. Не все могут спокойно находиться среди плетения волшбы. С виду-то не разобрать ничего, будто в темный коридор попали. И едва-едва он освещается лучами луны. Только вот совсем не понять, откуда они берутся.

Плетение неслабое, мастер его сотворял. Хотя... есть дырки, иначе серп бы не проскочил. Да и я не смог бы прорваться, разве только увидеть. И старое оно, ох старое. Слышно, как дрожат, будто струны, нити волшбы, рассыпают вокруг пыль чар. Та при попадании на кожу легонечко щекочет, словно пробует на вкус, знакомится.

Жалко только, что впереди ничего не рассмотреть. Ну, чуть подсказывает, что там все в порядке, никаких ловушек нет. Да и протяженность намороченного коридора не так уж и велика.

- Идем, - сказал я Могуте. - Назад все равно нет дороги. А тут есть возможность добраться до горы, взять Хозяюшку за горло и требовать, чтобы открыла дверку домой.

- Думаешь, она прямо нас так и ждет? - скептически поинтересовался Могута, шагая рядом и порой передергивая плечами, чтобы сбросить сапфировые огоньки волшбы.

Я старался изо всех сил сохранять невозмутимое выражение лица. Но несчастный вид волколака так и подмывал как-нибудь подколоть.

«Ехидная ты зараза, Темнозар. Как есть ехидная, - сообщил внутренний голос. - Оставь животину в покое».

Боль-печаль, но что поделать. Негоже шутить над боевым товарищем.

Могута вдруг остановился и нахмурился. Потянул носом, глаза вспыхнули желтым огнем, пряча зрачки. Я остановился и прислушался. А вот тут и впрямь не стоит упускать любую возможность избежать неприятностей.

- Что? - одними губами спросил я, практически превратившись в слух.

Могута покачал головой:

- Не понимаю. Но пока неясно. Тут кто-то есть.

Какая прекрасная формулировка! Но хоть что-то. Все же, сделав еще несколько шагов, пришлось остановиться. Проход преграждала кованая решетка. Перед ней сияли голубым светом охранные символы. Да и исходило нечто такое, от чего хотелось бы поскорее сбежать. Но, учитывая, что за последнее время тут, куда ни плюнь, приятного мало, я только безмолвно пожал плечами.

А потом присел, чтобы получше прочувствовать силу символов. Занес над ними ладонь, кожу тут же заохлоло так, что аж поморщился. Магия серебра, ни капельки тепла и солнца. Только Хозяйки или кого-то другого? Вдруг не одна она использует лунные хрустальные лучи, вплетая в свои чары?

- Темнозар, - тихо позвал Могута.

- Угу, - отозвался я, хмурясь и пытаясь припомнить, видел ли где-то эти символы.

Надо же, не думал, что такая беда с памятью. Или просто видел нечто очень отдаленное. Ибо вроде и знакомо, а в единую картину не складывается. Вот же ж зараза...

- Тем...

Да что там такое?!

Но обернуться не дало острие, надавившее на мое горло.

- Как вы тут оказались? - прозвучал знакомый голос.

Ну началось.

А сталь-то холодная. И даже очень, совсем не так, как присуще обычному металлу. И холод знакомый. Прямо как тот, что шел от плетения чар и сияющих голубым искр. Так, стоило все же сразу отреагировать на зов Могуты. На будущее запомню.

Медленно подняв голову, ощущая ледяной клинок, я встретился с янтарно-желтым взглядом Зирьяны.

- Что вы тут делаете? - далеко не ласково спросила она, прищурившись.

А наряжена-то совсем не как девица красная. Штаны из грубой ткани, рубаха, сапоги. Сумка через плечо. Коса медно-рыжая совсем сюда не идет. С такой красотой надо ходить в расшитом золотом и серебром сарафане. А она - штаны, эх.

- Да вот, спасались от чудищ, - ответил я чистую правду, глядя в янтарные глаза.

Не верит. Меч только крепче перехватила. Ух, боевая. И что ж ты на нас так взъелась-то?

«Хорошенькая же, кстати, - как-то подумалось совсем не вовремя, - только бы не хмурилась все время и не пыталась прожечь взглядом».

- И именно в мой дом забрели? - спросила Зирьяна.

В голосе так и потрескивали нетерпеливые нотки. Еще чуток - и рубанет по шее. Но это мне совсем

не подходит. Поэтому, быстро коснувшись меча, послал огненный всполох вдоль лезвия. Зирьяна от неожиданности охнула и выпустила его из рук.

Эх ты, воительница. Впрочем, от Кощеева огня нет защиты. Я поднял меч и встал.

- А теперь поговорим, - сказал самым невозмутимым тоном.

И тут же понял, что никакой кованой решетки нет и близко. Очень интересно, прям невероятно. Зирьяна смотрела на меня как на злейшего врага и, кажется, едва сдерживалась, чтоб не кинуться и не вцепиться в горло. Ну или куда дотянется.

- Расскажи-ка, краса-девица, - вкрадчиво начал я, замечая, как она бледнеет. - Почему замороченное место - твой дом? Почему именно ты отыскала нас в лесу? Да и все время пытаешься прикончить...

Я поднял меч и выразительно осмотрел со всех сторон. Хорошее оружие, не для женской ручки. Скорее всего, остался от кого-то.

Как там Несебр говорил? Твой Кирей. Кем бы он ни был, скорее всего, мечом и владел.

Могута молчал, но я чувствовал, что смотрит неодобрительно и на меня, и на нее. Но на меня все же больше. Кажется, свела судьба с непроходимым бабником. Но ничего, это лечится. Правда, сейчас о методах лучше умолчать.

- Да потому что Ушбань сторожим мы, - мрачно откликнулась Зирьяна, уже поборов свой первоначальный страх и стараясь не глядеть на меч. - А вы еще среди ночи пришли. Да какой... А дом мой. Сам уж должен был догадаться, что кое-что умею да знаю... купец из Кьева-града.

Последнее было сказано так ядовито, что я восхитился. Впрочем, когда за твоей спиной стоит волколак, а от тебя расходятся волны Кошеевой силы, сложно утверждать, что ты всего лишь торгуешь свистульками.

- Даже если и так, - не стал спорить я, но и откровенно соглашаться тоже не собирался. - Рассказывай.

Она вздохнула и поманила нас за собой.

- Идем, - угрюмо сказала. - Здесь все равно находиться не стоит. Пусть жнецы и не прорвутся.

- Значит, вот эта красота неземная с рыбьими мордами зовется жнецами? - любопытствовал Могута, шагая рядом со мной.

Зирьяна кивнула. В сплетенном из чар коридоре она явно чувствовала себя как дома. Именно поэтому я не торопился менять истинное зрение на обычное. Кто знает этих ушбанян и из-за какого угла вынырнет новая гадость? А так, с синим светом, даже ничего смотрится, вполне себе симпатичненько.

Зирьяна вдруг ухватила меня за руку цепкими холодными пальчиками и потянула куда-то вправо.

- Сюда, - глухо велела она.

Я не успел ничего и ответить, как вдруг оказался в уютной маленькой светелке. Могута благодаря звериной реакции ни на шаг не отстал, но тут же удивленно охнул. И было от чего. Помещение, казалось, наполнено золотистым светом. Деревянные стены, пол и потолок. Печь не выбелена, а окрашена медово-желтым цветом. На столе посередине стоят горшки из золотисто-желтой глины, никогда такой не видал. Лавка застелена будто золотым руном. В углу стоит ткацкий станок, возле него - тяжелый сундук с огромным замком, что сияет так, словно лучи солнца на него попали.

- Меч отдай, - вдруг буркнула Зирьяна и отбросила за спину косу.

- Вот еще, - хмыкнул я.

Нет, нападать на девицу не в моих правилах, но как-то надежнее, когда в тебя стальным острием никто не тычет. Все же полезно для здоровья, знаете ли.

Зирьяна резко обернулась, внимательно посмотрела на меня, хмыкнула.

- Тоже мне богатырь.

- И не думал, - безмятежно отозвался я.

- Ну хватит уже! - не выдержал Могута.

Зирьяна махнула рукой:

- Ладно, возьми вас Ткачиха. Садитесь. Ну, или стойте, коль ног не жалко.

И, не дожидаясь, пока мы расположимся на лавке, начала рассказ:

- Ушбань тут стоит давно. Жили мы себе, никого не трогали. До городов пока доберешься, так можно и заблудиться. Нет, конечно, есть у нас торговцы, само собой. Но деревня больше все своим трудом живет.

Ткачиха приходит раз в половину века. Заходит в Двурогую гору, венчает ее вершины серебряным месяцем, свет которого смертелен для наших мужчин. Неземной красавицей выходит из хрустальных пещер, словом ласковым заговаривает. Очаровывает несчастного и уводит за собой навсегда.

- Если она такая же красотка, как жнецы, то беда с предпочтениями ваших мужчин, - проворчал Могута.

Я тем временем внимательно осматривал комнату. Задумчиво остановил взгляд на ткацком станке. Совсем не такой, как тогда был в видении. Что так? Может, у них вся Ушбань тут ткачеством занимается? Потому его и Хозяйка Горе-горы выбрала себе на вооружение?

Я подозрительно посмотрел на Зирьяну. Она перехватила мой взгляд, оперлась о стол и сложила руки на груди.

- Не надо так, вижу, что покоя тебе не дает. Я родом не отсюда, сам, наверное, уже догадался. А ткачество у нас по женской линии - основное занятие. Как у мужчин резьба по дереву.

Говоря последние слова, она нахмурилась, лицо будто накрыла тень. Но тут же тряхнула головой, словно пытаясь от чего-то избавиться.

- Так вот, - продолжила Зирьяна, - мои родители приехали сюда три десятка лет назад. Тогда было хорошо, никакой Ткачихи не было.

- Почему приехали? - не упустил я возможности уточнить.

Однако Зирьяна сделала вид, что не услышала. Могута нахмурился, выразительно постучал когтями по лавке.

- Мы жили спокойно, - тихо сказала она. Янтарные глаза заволокла пелена воспоминаний. - Но пришла Ткачиха. Где-то уже с год как лютует. Увела... - Ее голос прервался, прозвучал короткий глубокий вдох. - Увела моего старшего брата.

Так. Кое-что проясняется, уже хорошо. Но вот все равно...

- А жнецы... - начал было я.

Зирьяна рассмеялась холодно и сухо:

- Порой ей становится скучно. Потому выпускает своих воинов потешиться в деревню. Вот и...

Она резко провела ладонью по лицу, словно хотела что-то спрятать. Посмотрела на нас вызывающе и прямо.

- Сами видели, что творится. При этом ни одна женщина не может покинуть своего жилища. Не охотятся на них жнецы. Но и не выпускают на улицу. Сильны чары у Ткачихи. Не хочет будто, чтоб мы под ногами путались. А вот мужчины...

Я задумался. Это кое-что объясняет. Но мы и так тут задержались.

- А скажи, Зирьяна, кто плел чары вокруг твоего дома? - поинтересовался я, в то же время усиленно прощупывая весь дом на предмет дыр в магическом плетении.

Ибо вот прям как-то даже потянуло едва ощутимым ветерком. Прям как там, у Ткачихи в гостях.

Зирьяна отошла от стола, направилась к печи.

- Отец с матерью, - неохотно ответила. - А потом уж мы с Киреем укрепляли тут все. Родители однажды отправились в пещеры за дивными камнями. Ну и... - Резкий вдох, передергивание точеными плечиками. - Сгнули. Наткнулись на ловушку. Полно там разной нечисти, вот их досуха и выпили, оставив только кости да ссохшуюся кожу.

В синем свете истинного зрения вдруг появилась черная дыра. Аккурат над печью. Ага, чудесно. Выход все же имеется, просто следует его хорошенько поискать. И, кажется, сама хозяйка не в курсе. А зря, на ее месте я бы так спокойно не сидел. Учитывая, что за окном бродят такие... кхм. И поди догадайся, когда они надумают сменить предпочтения от мужского пола к женскому.

В окно вдруг кто-то поскребся. Зирьяна резко обернулась, в глазах появился страх. Мы с Могутой вскочили с лавки. Огромный серебряный серп разбил стекло, уродливая лапа оказалась как раз там, где мы только что сидели.

Зирьяна вскрикнула. Я рубанул мечом по лапе. Сталь аж зазвенела, перерубив конечность жнеца едва до половины. Серебряный серп со стуком упал, чудище завыло, темно-красная кровь хлынула на золотистое покрывало.

- Вот тебе и не интересуются женщинами, - пробормотал я, направляя поток Кощеевой силы в черную дыру. - Хватай девчонку!

Могута не медлил, закинул оторопевшую Зирьяну на плечо. Я выпустил меч и в самый последний миг подхватил серп. Вцепился в волчью лапу и, прикрыв глаза, рванул в дыру.

В ушах тут же загремело, дыхание перехватило, а кожа будто запылала огнем. Горячий ветер бил в лицо, я зажмурился. Рядом взвизгнула Зирьяна, что-то прорычал Могута. Ничего, надо просто немного потерпеть. И будет все хорошо. Ну, относительно.

Мысленно выстраивая дорожку до дома, я не совсем рассчитал силу. Потому когда мы рухнули на землю, то захотелось заорать. Головой приложился прилично.

Так... Гадкие ощущения пропали, остались слабость и наливающиеся синевой синяки. Рядом охнули мои невольные спутники. Одна страдальчески, другой... еще более страдальчески.

Сжав виски, я медленно сел. Открыл глаза, черные точки нахально плясали перед взором, не желая уходить. Пришлось еще раз зажмуриться.

- Где мы? - осторожно поинтересовалась Зирьяна.

Оглядевшись, я понял, что мы царственно сидим в зарослях чертополоха. При этом заросли находятся как раз за нашим домом. Подхватив серп, задумчиво покрутил его в руках.

- Считайте, пригласил вас в гости. Во всяком случае, здесь нет ни жнецов, ни Ткачихи, ни прочей подозрительной живности.

Растрепанная Зирьяна озадаченно посмотрела на нас обоих и потеряла хорошенько оцарапанную щеку. Тут же ойкнула. Могута выглядел не лучше, но звериный облик немного смазывал впечатление.

Я поднялся на ноги. Прислушался. Так-так, уже услышали.

Раздался собачий лай, и через чертополоховые заросли метнулось... животное. Сплошной скелет с неприлично радостным выражением на вытянутом черепе. В холке - мне до пояса. Провалы глаз светятся мертвенно-зеленым светом. Увидев меня, скелет радостно запрыгал на всех четырех лапах, норовя запрыгнуть на ручки.

Зирьяна, завидев его, пискнула и рухнула без чувств на лапы Могуты.

- Костяш, - укоризненно произнес я. - Ты напугал нашу гостью.

Тот только дернул ушным хрящом и даже не подумал раскаяться. Поросенок.

Глава 1. Весточка от Змеиного царя

Солнце поднималось медленно, красило небо сиренево-розовым, ласкало утреннюю росу, застывшую на траве.

На берегу реки было тихо. Песчаный берег пуст. Только склоняются ивушки к воде, окуная свои ветви, шепча сказки ночи.

Я осмотрелась. Никого – славно дело. Можно спокойно посидеть и кое-что вспомнить. А может, и окунуться. Река с ночи еще теплая, не продрогну. Подумав, быстро скинула сарафан, припрятав под камушком, и вошла в воду. Та тут же приняла меня в теплые ласковые объятия.

Дивислав и Забава еще спали. В Удавгород мы прибыли ночью. Слава богам, быстро нашли постоянный двор. Дивислав обо всем договорился: комнатки нам дали пусть и маленькие, но очень уютные. Бесстыдник этот, правда, все пытался ко мне пробраться да речами сладкими заговорить, однако удалось ему только поговорить у порога. Сорвал поцелуй и довольный ушел. На мой взгляд, довольный, ибо ничего тяжелого у меня в руках в тот момент не оказалось. А губы и щеки горели так, будто полночи целовал, окаянный.

Свернутая на затылке коса соскользнула к плечам, но я вовремя успела ее перехватить. Нет, дорогая, сушить тебя потом хлопот не оберешься. Вновь свернула ее в узел на затылке и окунулась в воду по плечи. По телу пробежал легкий озноб. Ничего, еще разок. Вода бодрит и вливает силу. А сила сегодня очень понадобится. Дивислав настроен серьезно, не успокоится, пока не отыщет следов друга. Да и мне здесь не прохладиться, а искать Леля. Забава же пока не определилась, но явно собиралась помогать мне, а не Дивиславу. Оно и ясно, подруга-то моя. Да и Леля ей жалко.

- Нельзя быть такой беспечной, – донесся вдруг из воды голос.

Я вздрогнула, укутала себя чудесницей защитой. Да перестаралась малость – алый отблеск отразился в воде.

Послышался тихий довольный смех. То ли почудилось, что смех со странным шипением воедино соткан, то ли и впрямь так было.

- Бесстрашная? – в голосе звучало веселье.

А потом вдруг из зеленоватой воды поднялась змеиная голова размером в два кулака Дивислава. Огромные изумрудные глаза смотрели внимательно, пристально, с едва заметной насмешкой.

Черно-желтая чешуя поблескивала в рассветных лучах, дрожащие на ней капельки воды сверкали, словно маленькие алмазы.

Нападать не собирался, но и безобидным тоже не выглядел.

- Утречка раннего, краса-девица, – невинно произнес змей, разглядывая меня. – Что-то не видел тебя ранее в этих краях.

- Так и удивляться нечему, – ровно ответила я, скрестив руки на груди в охранном жесте. – Постоялый двор рядом, тут каждый день может приходиться новая.

При этом не было и тени страха. Сама себе удивилась. Но и правда, не шло от змея ни злобы, ни умысла подколодного. Чутье меня в таких делах не подводит.

На змеиной морде появилось нечто, похожее на улыбку. Змей чуть повернул голову набок, а потом вдруг оказался совсем рядом и положил морду мне на плечо. Вмиг обдало волной жара. Змей обвил мое тело до бедер.

- Новая-то новая, – зашептал на ухо. – Да только велено мне с тобой повстречаться, краса-девица, да к Змеиному царю проводить.

Я широко распахнула глаза, охнула неслышно. Вот так да-а-а... Объявился. А змей тем временем продолжал:

- Всю тебя мне описал он, от макушки до ступней, Калина из Полозовичей. Ни с кем другим тебя не спутать теперь.

Я насторожилась, провела по чешуе кончиками пальцев, и тут же снова стало жарко-жарко. Раздвоенный язык коснулся мочки уха, вызвав рассыпавшиеся по спине мурашки.

- Царь всегда дело говорит, Калина, – прошептал он. – Да ты не бойс-с-ся, зла тебе никто не замышляет. Помнит он уговор с твоей матушкой. Так что... – Змей вдруг снова оказался в реке. –

Жди, краса-девица. Сегодня под вечер, после часа закатного приду к тебе. Приготовьс-с-с-ся...

И скрылся в зеленоватых водах, словно и не было. Некоторое время я молча смотрела вслед, думая да соображая, к чему все это приведет. Потом только сделала глубокий вдох и побрела к берегу. Вот тебе и покупалась, набралась сил, называется. Подглядывают тут кругом, что ли?

Оставляя на мокром песке следы, я добралась до камня. Ухватила взятое с собой полотенце и быстренько вытерлась. Провела пальцами по волосам и намурилась. Вот же ж... Все равно замочила. Ладно, высохнут. Стоило облачиться в одежду, как со стороны деревьев, закрывавших берег от дороги и домов, послышался треск. Я насторожилась, невольно сжав кулаки. И тут же чуть не рассмеялась. Да уж, встречи с водяными змеями и одновременно посланниками Змеиною царя определенно до добра не доводят. Вот, стала вся дерганая какая-то. Однако едва из-за дерева показался Дивислав, тут же успокоилась. Только выдохнула с облегчением. Но лишь посмотрела на его лицо, как поняла, что рано расслабилась.

- Что ты тут делала? - вкрадчиво поинтересовался он, подходя ко мне и останавливаясь в нескольких шагах.

Ой-ой, а серые глаза-то молнии мечут, губы поджаты, руки на груди сложены. И смотрит как на блудную женушку, которую вдруг обнаружил во дворе у соседа-кузнеца. Неожиданно стало смешно; едва сдержалась, чтобы не расхохотаться.

Пришлось даже нижнюю губу прикусить. Дивислав только вопросительно приподнял бровь. Явно не ожидал, что, вместо того чтобы испугаться, девица-краса начнет хихикать. Тьфу, теперь уже сама выражаюсь как этот змей!

- А что такого смешного, Калинушка? - вкрадчиво поинтересовался Дивислав, оказываясь еще ближе. Так, что можно было почувствовать запах полыни. И смотреть в светло-серые глаза, что могут в один миг превратить в ледышку. Интересно, отчего так разгневался, что прям ух?

- Ты, Дивиславушка, - невинно ответила я. - Вот уж не думала, что такой чудесник из Межанска, да еще и сын Кощеев, всполошится из-за какой-то девки, пошедшей на речку окунуться.

- Ну, все. Сил моих нет больше, - вдруг заявил он и, сграбастав меня в охапку, закинул на плечо. Взвизгнув от неожиданности, я вцепилась в его плечи и чуть было не заехала со всей силы локтем в голову.

- Отпусти меня немедленно, супостат! Я тебе не мешок с репой, чтобы так таскать!

- Нет, конечно, - донесся его невозмутимый голос, - да только надо тебя как-то воспитывать. А то, знаешь ли, пока прям не знаю, что с такой женой делать.

С этими словами он бодрым шагом направился к постоялому двору, пока я набирала воздуха и думала, как бы пообразнее послать его в... да хотя бы в родной Межанск!

Даже со злости стукнула кулаком в спину, на что тут же раздалось:

- Ой, боюсь-боюсь!

И, судя по тому, как он легко нес меня, кулаками размахивать было бессмысленно. А орать взрослой девице как-то не пристало. Хотя желание было. Да и что это значит - женой?

Я похлопала его чуть выше поясницы, стараясь не смотреть на мелькающие внизу камешки и ветки на дороге - а то так и голова закружится.

- Да-да? - невозмутимо поинтересовался он.

- Спутник мой ситный, ты где за ночь жену успел раздобыть?

Мы вывернули к высокому деревянному забору, ограждающему постоялый двор от всяких лихих людей и хищников.

Конусообразные крыши горели алым огнем в рассветных лучах. Не раз от наших мужиков, что ездили торговать по всем местам, слышала, что удавгородцы покрывают их каким-то особым составом. И тогда весь город в солнечные дни будто сверкает, поражая взоры приезжих.

Тяжелая калитка со скрипом отворилась, выпуская купца и груженую телегу с запряженной рыжей лошадкой. Купец озадаченно посмотрел на нас, покачал головой, выдохнул что-то вроде «Эх, молодежь!» и направился по своим делам. Дивислав, зараза, спускать меня не собирался.

Я почти занервничала, ибо в таком виде показываться на глаза всех постоялых не собиралась. Поэтому усиленно начала соображать, как бы убедить поганого Кощея вести себя прилично.

На ум ничего годного не приходило, но спасла Забава, предположительно увидавшая нас из окна. Поэтому, выскочив за ворота, она всплеснула руками и разве что не утерла слезу умиления.

- Боги, какая прекрасная пара!

Дивислав, не ожидавший такого поворота, осторожненько меня поставил на ноги и вопросительно покосился, немо спрашивая, что делать, дабы не случилось беды.

Забава прямо-таки сияла каким-то нездоровым оживлением и жадной деятельностью. При этом настолько сияла, что я невольно спряталась за спину Дивислава.

- Ну, кто там про жену говорил? - шепнула почти недвижимыми губами. - Вот теперь и выкручивайся... муженек.

- А вы где были? - подозрительно поинтересовалась Забава, осматривая нас с ног до головы, словно пытаюсь понять, надо ли немедленно тянуть в храм или можно сначала позавтракать.

- На речке были, - наконец-то выдавил Дивислав, поняв, что затяжное молчание может обернуться бедой. Забава прищурилась, уперла ручки в полненькие бока.

- Калинка, правду говорит али крапивой мне тут по ушам хлещет? За девицами небось подглядывал, окаянный?

- Я?! - оторопел Дивислав. - Между прочим, это она, непристойно обнажившись, плескалась в воде, позабыв про змеелюдов!

- А мне надо было, что ли, в одежде купаться? - искренне возмутилась я. Хотя сильно тут не возражишь. Про молодцев, нарочно оборачивающихся в змей ради подглядывания за девицами, я ничего не слышала, но в следующий раз и впрямь стоит быть осторожнее.

- Вы мне все расскажете, - тоном, не терпящим возражений, заявила Забава. - В деталях! А теперь идем завтракать.

Мы только переглянулись и шумно вздохнули. Почти одновременно вышло. С Забавой спорить... себе дороже. Интересно, как она воспримет новость о Змеином царе?

Ведь может нормально, а может и завопить, что нельзя туда идти и все такое. Учитывая, что с Дивиславом они за время пути крепко сдружились, чую, что придется с боем отвоевывать право на свидание со змеиной мордой, тьфу, царем.

...Кормили в небольшом уютном зале. Постояльцев сейчас было немного, поэтому завтракали мы, считай, только вдвоем.

Сидевший до этого юркий веснушчатый паренек выскочил, едва не сбив Забаву с ног. В итоге, правда, рухнул сам. Ибо уронить нашу богатырскую дочку на землю и не получить в ухо еще надо постараться. В этот раз парнишке повезло, потому что Забава была крайне заинтересована нашим рассказом и почти не обращала внимания ни на кого вокруг.

Еду нам дали славную. Каша, мясо, парное молоко - объеденье. Еще блинчики с черничным вареньем и медом. Травяной отвар нарочно для Забавы, которая, увидев молоко, только сморщила нос.

Но хозяин все понял, а потому быстро отдал распоряжение принести прекрасной гостье нечто другое и по вкусу. Мой рассказ оба выслушали молча. То ли были заняты поглощением пищи, то ли собирались с духом, как меня обругать. Дивислав до сих пор был не слишком рад, что я ушла, не предупредив их. Мол, мало ли что могло случиться.

С одной стороны, он, конечно, прав. А с другой... это не убавляло желания надеть ему горшок с кашей на не в меру умную голову. Все же я давно уже не маленькая, привыкла решать сама, что и как делать.

- Так что там про Змеиного царя? - поинтересовался он, все же, кажется, решив сменить гнев на милость.

Я поковыряла добротной деревянной ложкой в горшочке, делая вид, что страшно увлечена гречкой. Мысли неслись с огромной скоростью. Матушка перед смертью сообщила, что за Змеиным царем должок остался, но о нем сказать может только он сам, иначе подействует проклятие, которое в свое время... В общем, ничего более четкого мне не сказали. Только вот спустя три месяца после похорон прислали мне из далеких далей два сосуда с водой. Прозрачной, ледяной, свежей. И в одном сосуде в воде белые искры пляшут, а в другом - черные. А как попыталась силой чудесницей прикоснуться, так сразу поняла, что подарочек пришел не из простеньких. Живая и мертвая водица

в Полозовичах не имеется. И, кажется, сейчас пришло время. Горыныч-то тоже из Змеева рода. Только я вот не в курсе, кем из родни приходится и как вообще у них там все устроено.

- Калинушка, - нехорошо протянул Дивислав, разве что не прожигая светло-серыми очами. - Ты тут? Али перекупалась в речке студеной да уши застудила?

- Будешь умничать - получишь ложкой в лоб, - даже не повышая голоса, сказала я, пока что, правда, применяя ложку в более миролюбивых целях. - В общем... слушайте.

Сама знаю мало, поэтому ничего конкретного не скажу. Матушка моя в свое время со своим родителем много по миру поехала да многое узнала. Спасла раз одного змееныша, в прямом смысле. А тот возьми и окажись каким-то родственником Змеинового царя. Просто обернуться нормально не мог - застрял в змеином облике. В то время на царя накинута проклятие. Да такое, что до сих пор он не может вернуться в прежние места. Благодарил матушку, сказал ей, что как потребуется помощь, то пусть ищет его в Удавгороде.

Я вздохнула. Забава и Дивислав переглянулись.

- А дальше-то что? - осторожно уточнила подруга.

- За помощью к нему так и не обращались, - вздохнула я, - только после родительской смерти пришла мне в подарок... вода.

- Вода? - приподнял брови Дивислав.

- Вода, - кивнула я, почувствовав, что слишком откровенной быть не стоит. Вон как глаза заблестели-то. Так, что-то мне это совсем не нравится, надо бы по возвращении хорошенько припрятать змеиный подарочек. - Вода, - отрезала я, давая понять, что не намерена продолжать разговор. - И вот еще что... какие планы на день-то?

- То есть на вечер ты все решила? - недобро поинтересовался он.

- А что решать? - подала голос Забава, разобравшаяся со своим отваром. - Со мной пойдет!

- Почему с тобой? - оторопел Дивислав. - Со мной уж куда лучше.

Я молча наблюдала за двумя нахалами и вдумчиво доедала блинчик, смачно макая его в варенье. И даже немо восхищаясь их разговором. Это ж надо так, чудно просто. Только вот моим мнением совсем забыли поинтересоваться. А я это как-то не очень люблю. Был бы тут Васенька, подтвердил бы. Он, горемычненький, знает, что за меня решать - последнее дело. Потом еще долго будешь ходить с выщипанными перьями на самом интересном месте.

Осознав, что я не встречаю, оба резко смолкли и подозрительно уставились на меня. Я только невинно улыбнулась и помахала ложкой, обозначая, что до сих пор нахожусь именно тут и никуда пока не делась.

Когда уже молчание затянулось, все же спросила:

- Так что там про планы на день сегодняшний? Горыныча будем искать?

- Будем, - медленно ответил Дивислав.

Ему явно не понравилось мое поведение, но да, Кошечевы сыновья недурно воспитаны, поэтому продолжать не стал.

- И как? - уточнила я, кладя ложку на стол. Поела и хватит. А то так весь день можно что-то жевать, а потом страдать, что какой-то тать ночной сарафанчик ушил.

- Есть у меня тут знакомый один, - спокойно сказал он. - Вот отправлюсь, побеседую. Он из змеелюдов, многое знает, авось... подскажет что годное.

- И кто же он? - приподняла я бровь.

Дивислав поднялся из-за стола:

- А вот расскажу, если дашь согласие проводить тебя на свидание к Змеиному царю, свет мой.

Надо ли говорить, что общего языка мы не нашли? Дивислав пошел в город, оставив нас на постоялом дворе и строго-настрога наказав никуда не ходить и ждать его возвращения.

Мы поднялись в свою комнатку. Забава взглядом проводила Дивислава. При этом так усердствовала, что едва с задорным «ух» не выпала из окна. Пришлось вскакивать с кровати и

хватать подругу за синий сарафан.

- А все же он ничего, - заявила она, едва оказавшись на безопасном расстоянии от окна. - Чего ты упираешься-то?

И, продолжая задавать вопросы, она полезла в ближайшую котомку, чтобы вытащить мешочек с сушеными ягодами и орехами. Как говорится, один завтрак хорошо, а два - лучше.

- Ведь и впрямь понятия не имеем, что там у них в этом змеином царстве делается. Может, одному туда ходить под страхом смерти нельзя!

Орешки улетали с приличной скоростью. А уплетала их Забава с таким аппетитом, что я не выдержала и присела рядом, стянув из мешочка горсть.

- Одному ходить в неизведанные места, да еще и полные змей, и впрямь глупо, - согласилась я, лакомясь орешками. Вкуснотища какая, оказывается. Надо будет дома потом тоже засушить - и проследить хорошенько, чтобы Васька, обормот, не склевал все под шумок.

- И какие у тебя предложения? - подозрительно посмотрела на меня Забава.

Ох, и смотрит же! Вся подозрительность прямо в одном взгляде! Таким уж коль взглянет на кого из змеиных слуг, тот сам задрожит и попятится. Если, конечно, догадается посмотреть на кулаки Забавушки. Все же дочь богатыря - это вам не худосочная девка с берегов Туманной реки, где люди на людей-то не похожи.

- Предложения годные, - довольно ухмыльнулась я, закинув косу за спину. - А что, Забава свет Остромысловна, не хочешь со мной прогуляться до покоев Змеиного царя? Себя показать, людей посмотреть. Кто знает, может, среди них, стройных да мудрейших, твоя судьба?

Подруга посмотрела на меня так, словно некоторое время выглядывала в окно не она, а я. Да еще и ненароком свалилась прямо во двор головой вниз. Но все же в глазах нет-нет да и проскользнуло нечто такое, что заставило девичье сердце сжаться. Не мое - ее.

- Вот все ты умеешь испортить, Калинка, - буркнула она и сунула мешочек мне в руки. - Знаешь ведь о мечтах моих девичьих, невинных и незапятнанных ничьим злым умыслом...

- А мечты о свидании на сеновале с загорелым и рослым сыном бондаря? - усомнилась я в «невинных».

- Ничего ты не понимаешь, - надулась Забава, - к ним прилагались звездная летняя ночь и аромат скошенной травы!

- Тогда да, - согласилась я, высыпая остатки ягод и орехов на ладонь. - Это все меняет.

Забава моего ехидства не одобрила, однако любопытство в ней все же было сильнее, чем желание обижаться. К тому же я нарочно сказала про судьбу. Возможности познакомиться с мужчиной, предположительно умным и красивым (а дальше как пойдет), она не упустит ни за что.

- Рассказывай уже, - буркнула она.

За окном послышался громкий говор, грубые мужские голоса. Видать, въехали новые постояльцы. Мы с Забавой отвлеклись только на секунду. Что-то как-то многовато голосов. Ну да ладно, нам-то чего.

- Вот и рассказываю, - продолжила я. - Одна, разумеется, туда не пойду. И впрямь место незнакомое, Змеиный царь как-то доверия не внушает, а провожатый еще тот... бесстыдник.

- Это ты как догадалась? - живо поинтересовалась Забава явно про бесстыдника.

- На реке, охальник, за мной подглядывал, - буркнула в ответ. - Так вот, идем вместе. Защиту наложу, просто так будет не заворожить, даже если и задумают нечто нехорошее.

Говорить, что чутье молчит и ни о чем плохом не предостерегает, не стала. Ибо все же лучше быть всегда начеку. Кто его знает, чем встреча та обернется. Поэтому чутью доверяй, но камушек за пазухой придержи. Мало ли.

- Скажу, что мы с тобою вместе и все такое. А еще ты страшно хочешь посмотреть чертоги Змеиного царя, - тут же добавила, наблюдая, как медленно округляются от удивления голубые глаза Забавы.

Впрочем, спорить подруга не стала, ибо довод был весьма логичен.

Некоторое время молчали. Со двора больше не доносилось ни звука. Наверное, гостей уже завели по комнатам али кормить повели. Дивислав еще не скоро вернется. Ибо постоялый двор все же не в центре Удавгорода, а хорошо так возле окраины. Потому и по цене нам подошел.

- Ты, - вздохнув, все же подала голос Забава, - уверена, что стоит идти самим, без Дивислава? Он парень же неплохой. Чего ты уперлась?

Я, задумчиво крутя пустой мешочек в руках, поднялась и прошлась по комнатке. Обычно помогает при размышлениях.

- Парень-то, может, и неплохой, - не стала возражать. - Да только это не отменяет того, что он сынок Кощеев. Да и явился из ниоткуда, на уме не пойми что. Что за странная страсть?

- Любовь с первого взгляда? - вдохновенно предположила Забава.

- Ага, и еще что-то, о чем мы пока не знаем, - кивнула я.

- Совсем не веришь? - прищурилась она.

Я только покачала головой. Любовь, знаете ли, она только в сказках бывает. А в жизни обычно все куда интереснее.

- В общем, так, - сказала спустя некоторое время. - Идем с тобой вдвоем. Если Дивислав вернется к этому времени - хорошо. Если нет, то найдет способ, как догнать.

Глава 2. Ужив из Удавгорода

Город змеелюдов встретил меня, затаившись словно полоз под нагретым солнцем камнем. Отовсюду лилось тихое шипение, переплеталось с негромким и переливчатым говором. Все чувствовали чужака. Но в то же время осознавали, что он не случайно забредший к ним человек из Кьева-града или близлежащей околицы. Понимают, что не просто так пришел сюда сын Кощея.

На базаре в Удавгороде всегда шумно. Гудит-шипит громадный улей, каждый продавец предлагает свой товар, заманивает покупателя. Торгуют тут всем на свете – и своим и привозным.

Я медленно шел вдоль рядов, только отмахиваясь от зазывал. Сейчас не до кубков с вырезанной на дереве чешуей, покрытой золотой и темно-изумрудной краской. Я было повернул к лавкам с коврами, как вдруг заметил знакомый профиль. Так-так, сколько веревочка ни вейся, а все равно конец будет.

Подошел к хмурому Дивиславу, стоявшему возле стола с разными побрякушками и магическими вещичками. Брат настолько глубоко ушел в себя, что не сразу заметил меня. Пришлось даже постучать пальцами по плечу.

Он вздрогнул, но тут же взял себя в руки и перевел на меня взгляд. Да уж, такой впору в чай добавлять – ждать, когда закипит-забурлит, и выпивать, как прекрасное слабительное... с летальным исходом.

– Как-то мало ненависти, – невозмутимо сказал я, с интересом поглядывая на выложенные товары.

Продавец в простенькой, но в то же время добротной темной одежде безмолвно наблюдал за нами.

– Я добавлю, – мрачно отозвался Дивислав. – Что-то ты рано.

– Некогда прохладиться по лесам, надо дело делать, – хмыкнул я. – Ты здесь берешь что-то?

Дивислав медленно кивнул. Потом будто что-то придумал, в глазах промелькнул подозрительный огонек.

– И я беру, и ты берешь. Дело есть.

– Какое? – подозрительно поинтересовался я. – Куда ты меня изволишь пригласить?

– К нему, – загадочно улыбнулся Дивислав.

Я только вздохнул. Раз к нему, то это другой разговор. Тут ускользнуть не получится.

Поэтому я взял ароматическую лампу в виде головы змеи и несколько пузырьков с разными маслами, рассчитался и направился вслед за Дивиславом. Тот прикупил тоненькую флейту, изрисованную змеиными знаками. Пусть и не слишком сильна, но вещь в хозяйстве полезная.

Рынок покинули спустя четверть часа. Дивислав все был погружен в себя, размышлял о чем-то и разговаривать со мной не стремился. С одной стороны, конечно, хорошо. Было время составить план действий. Я ведь никак не собирался сейчас присоединиться к брату. Хоть, конечно, следил за ним все время. Девицу его, Калинку, видел только со стороны. Ничего такая, годится. И фигурой хороша, и лицом, и характер как та лозина – гнешь да сгибаешь, а потом ка-а-ак распрямится и стеганет по морде – будешь знать. В общем, осторожнее с девушкой надо, а то добра не будет.

Но Дивислав внезапно отступаться и бить Лишку руками и ногами не собирался. (А жаль, я бы с удовольствием помог.) Следовательно, можно сделать вывод, что Калинка пришлась ему по нраву. Интересно, воспользовался ли он матушкиным снадобьем?

– Как дома? – отстраненно спросил брат, хмуро глядя себе под ноги.

– Нормально, – ответил я. – Матушка в хлопотах по хозяйству, батюшка в хлопотах по Межанску, Костяш грызет все подряд, попортив мне любовно переданные Маржичкой умрунские материалы для исследований. Ты представляешь?

Дивислав наконец-то покосился на меня и хмыкнул. Вот обидно хмыкнул. Ибо материалы были преотличнейшие. Но Костяшу не объяснишь – этот гад считает, что в доме все принадлежит ему. В том числе и вся семья Кошеева. А наказывать этого безобразника рука не поднимается.

– А гости? – как ни в чем не бывало уточнил Дивислав.

– Ты про кого? – невинно поинтересовался я.

Хотя сам прекрасно понимал, что речь идет о Могуте и Зирьяне. Только вот если волколак в Межанске не растерялся и дорогу в умрунскую деревню нашел быстро, то с Зирьяной были проблемы. Девушка жила у нас и не находила себе места.

Пока что так и не удалось определить, как именно мы оказались в Ушбани. Специальных ходов не было, магически создать проход никто не мог. Или просто мы не знали такого умельца.

Матушка, выслушав нашу историю, только брови нахмурила. Отец принялся узнавать через всех подручных колдунов-ведунов, как такое могло произойти. Изучить подобранный кусочек плоти в «Умряге» не удалось – он пропал бесследно. Видимо, со всей этой беготней от жнецов я не уследил да потерял.

Могута теперь навещался в гости. Слепцом буду, если он это делал не ради Зирьяны. Девушка ему приглянулась еще в Ушбани. Правда, та явно была не настроена ни на какие любовные ахи и охи, поэтому все попытки волколака поухаживать не замечала. Могута не расстраивался. Чем он мне вообще нравится, так это неунывающим нравом.

– Рыжая твоя гостья и Могута, – любезно подсказал Дивислав. – Или ты за это время успел еще кого-то притянуть?

– Что ты, братишка, – улыбнулся я, – никого. Я ведь беспокоюсь, чтобы вам с милой невестушкой было где разместиться.

Судя по выражению лица Дивислава, слова достигли цели.

Но в то же время, если раньше при упоминании о женитьбе он смотрел с явным желанием порезать незадачливого напоминателя на мелкие кусочки, то сейчас в его взгляде было нечто странное. Словно не так уж и против он, чтобы Калина вошла в Кощеев дом. Хорошо это или плохо – я пока не определил.

Я с недоверием посмотрел на Дивислава. Неужто и впрямь отыскал свою судьбу, а Лишка наконец-то указала на правильную девушку? Может, правильную не в смысле воспитания и всего остального, но именно ту, которая нужна Дивиславу? Ведь матушка у нас тоже... вопреки всем канонам в общем-то. Батюшке все пытались дочек княжеских сватать, искусниц разных... а ему понравилась Рада, купеческая дочь. А по упертости с ним соперничать никто не в силах, разве что сама матушка. Потому и живут душа в душу уже много лет.

– Какой ты у меня заботливый, – наконец-то со вздохом сказал брат, понимая, что родственные связи – святое. И лучше как-то похвалить, чем озвучить истинные намерения.

Ужив обосновался на западной окраине Удавгорода, прямо вдоль Змеиной дороги. Приезжие, особенно люди, старались сюда не заглядывать. Оно и ясно, в основном змеелюды тут и обитают. Со своими привычками, уставом, традициями и весьма своеобразным понятием о гостеприимстве.

Дома тут и не дома вовсе – конусообразные шатры, вершину каждого из них обвивает змейка-флюгер. При перемене направления ветра глаза змейки вспыхивают красным светом, а гибкое темное тело начинает извиваться, будто живое, поворачиваясь в нужную сторону.

Шатер Ужива был темно-серым, совсем невзрачным. Ушастая ящерица размером с доброго волкодава сидела на цепи возле будки и, прикрыв невыразительные голубые глаза без зрачков, из-под тяжелых век следила за нами. В первый раз, когда я ее видел, здорово насторожился. Откуда знать, что на уме у существа с полумертвым взглядом, мощным хвостом и когтями, которыми легко можно пропороть человеческую плоть до кости?

Однако Гррах уже хорошо знал нас, поэтому даже не отреагировал. Вкусного все равно ничего не принесли, хозяину вреда не причинят, с визгами ужаса тоже бегать не станут. В общем... никакой пользы от таких гостей. Ни себе, ни желудку, ни душеньке. Сплошная скука.

Шкура, прикрывавшая вход в шатер, при нашем приближении сама растаяла в воздухе, обнажая черный зев входа. Тут же обдало запахом мускуса, благовоний и ароматного дыма.

– Заходите-заходите уже, – послышался скрипучий голос Ужива. – Тепло сейчас тут все повыпускаете, а мне опять угли жечь. Вообще никакого уважения к старику!

Я невольно усмехнулся и вслед за Дивиславом нырнул в шатер. Тут же по глазам ударила тьма, а голова закружилась от смеси сильных и сладковато-удушливых запахов. Рядом послышался судорожный выдох Дивислава. Это змеиное обиталище он не любил поболее меня, поэтому и реагировал соответственно.

На некотором расстоянии, на уровне глаз зажегся тусклый оранжевый круг со старательно выписанными извилистыми символами. Под ним, на застеленном коврами полу, сидел Ужив. Седой

давно, старый змей. Длинные волосы перехвачены кожаной лентой на лбу, от которой тянется вниз еще одна да прикрывает левый глаз. Только вот совсем не так, как у Лишки, у той повязка. А у Ужива нижний конец ленты свободный, только до скулы достает и отсвечивает приглушенно-желтым светом. Все потому, что зрение змеиное позволяет ему видеть окружающих насквозь. Но коль долго своим врожденным даром пользуется и на всю катушку, то потом сам будто выжатая тряпка. Было как-то дело, рассказывал мне это за кружкой хвельцы, когда однажды пересеклись в «Умряге».

Кожа у Ужива смуглая, глаза поуже, чем у людей. По цвету – желтые-желтые, смотришь и аж горячо становится. Нос длинный да крючковатый, но не уродует, просто делает не таким, как мы. Губы узкие, острый подбородок, сеть тонких морщинок. Только ощущение, что это всего лишь маска, чтобы запутать, отвести взгляд, обмануть... В правом ухе висит малахитовая серьга в виде змеиной головы.

Одежда простенькая: коричневая рубаша, подпоясанная плетеным поясом с бахромой, штаны. Сидит так, что не видно, обут или босой. Любят все змеелюды располагаться на полу. Как сесть на табурет или на стульчик – вечно у них начинаются страдания.

Ужив поднял руку в приветственном жесте; звякнули тонкие браслеты из чешуеобразных звеньев на запястьях, вспыхнули зеленоватым светом.

– Присаживайтесь, гости дорогие, – улыбнулся он уголком губ. – Нынче наши боги милостивы.

– И пусть такими и остаются, – ответил я, улыбаясь.

Ритуальная часть приветствия сказана. Дивислав не стал себя утруждать, только кивнул. Ты б еще ногой шаркнул, вообще б хорошо было!

Впрочем, Ужив знал нас пару десятков лет, поэтому особо церемоний не ждал. Только, пряча усмешку, смотрел, как мы устраиваемся напротив.

– Этот ковер мягче прошлого, – внезапно заметил брат и вопросительно посмотрел на Ужива.

Тот только хрипло рассмеялся:

– Знаешь ли, я с годами не молодею. А потому надо и что мягкое подстилать, а то вдруг ноги не удержат.

– А на что тебе тогда хвост? – невинно осведомился я.

– Хвост, мальчик мой, создан для куда более интересных целей, – с улыбкой мягко сказал Ужив. Только вот глаза при этом остались холодными и внимательными.

Я покачал головой. Предполагать, что там за цели, попросту не стал. Ужив все равно не скажет. А так голову закружит своими мудренными словами, что потом вовек и не разберешься.

– Мы тут... – начал было Дивислав.

– Вижу, – кивнул он, – выкладываете подарки.

Вот же хитрюга! Насквозь видит, так еще и не смущается ни капли. Опыт, ничего не поделаешь. Так надо уметь.

Честно говоря, сколько лет Уживу, я сказать не мог. Он давал полезные сведения нашей семье еще тогда, когда мы с братом были малы. Внешне не менялся, все также оставался седовласым змеем с браслетами и в мешковатой простенькой одежде. Только родители относились к нему с огромным уважением, а в Межанске и вовсе змеелюду Уживу радовались в каждом доме. Потому и когда он приезжал к нам, как можно больше народу пыталось заманить его в гости и порасспрашивать о самых невероятных вещах.

Флейта и лампа ему понравились. Я видел, как удовлетворенно вспыхнул неприкрытый глаз. С губ сорвалось одобрителное шипение:

– Хорошо-о-о-о. Прекрасно. Замечательно.

Некоторое время, казалось, он ничего не видел, кроме принесенных даров. Мы с Дивиславом переглянулись, но промолчали. Обычай есть обычай. У змеелюдов принято уделять много времени подаренным вещицам, таким образом выражается уважение к гостю и дарителю.

Конечно, Ужив пользовался всем этим, так как дары любил просто бессовестно, поэтому не спешил поскорее разделаться с традиционной частью и перейти ко всему остальному.

- Тебе не кажется, брат мой, - пафосно обратился ко мне Дивислав, - что в лучших домах Удавгорода хозяева считают образцом приличия угощать гостей отменным медовым отваром и лепешками.

Не меняясь в лице, я кивнул:

- Истину глаголят твои уста, Дивислав. А еще...

- Заткнулись оба, - хмыкнул Ужив. - Не надо делать культа из еды.

- Он еще и до лепешек жадный, - пожаловался Дивислав.

Ужив наконец-то отложил подарки, приложил ладонь к сердцу и склонился в учтивом поклоне.

- Благодарствую, гости дорогие. Уважили старичка. Задавайте любой вопрос.

Я сцепил пальцы и хрустнул костями. Задавайте любой вопрос - не значит, что получите ответ. С ответом - как пойдет. Вот же ж... змеиное племя.

- Ну, слушаю.

Дивислав что-то пробормотал про неудобные полы и затекающие ноги. Ужив сделал вид, что не услышал. Впрочем, со своим уставом в Удавгород ходить не стоит.

- Значит... тут такое дело.

Ужив тем временем достал тоненькую трубку, набил ее какой-то сушеной травой и закурил. По комнатке тут же потянулся свежий и острый аромат. Смолистый такой, дышать бы и дышать. Прищурил желто-горячий глаз, будто пытался меня насквозь разглядеть.

- Что ты слышал о Двурогой горе, Ткачихе и серебряном серпе?

Ужив задумался. Из трубки поднимался зеленоватый дымок. Я краем глаза наблюдал за Дивиславом. Тот, кажется, витал в собственных мыслях и совершенно не задумывался ни о чем. Точнее, не так. Как раз думал, но совсем нас не слушал. Неужто девица Калинка так заворожила?

- Интересно, - задумчиво сказал наконец-то Ужив. - Именно такого не слышал. Да только... Понимаешь, такое тут дело у нас творится. Этак несколько месяцев назад появилась в наших краях Счастливая змея, сестрица Горыныча. - И посмотрел на Дивислава, словно тот должен был что-то знать.

Брат тут же вздрогнул, услышав знакомые имена. Взгляд серых глаз обрел пронизательность. Вон, даже губы поджал. Эх, переживает за друга. Все же, пожалуй, кроме родственников и Горыныча, у него близких людей и не было. Бука мой братишка, таким уж родился. Впрочем, я еще хуже.

- Так вот, - продолжил Ужив, - жила она в домике на противоположной стороне Удавгорода. Мой дом обходила десятой дорогой. И все бы ничего, но сами знаете: сила Горынова такая, что нам, простым змеелюдам, и не снилось. Ходить к ней всякие стали, приезжать из других городов. Что делали, о чем говорили - неведомо. Только стали потом доходить слухи, что затеяла она дело нехорошее. А возле дома ее по ночам ходят чудища, которых свет не видывал.

Он поднес ко рту трубку, затянулся. Дивислав аж вперед подался. Да и мне на месте усидеть было не так просто. Но Ужив умел выдержать паузу и не спешил выкладывать все, что знал.

- Не то чтобы я в это верил, - наконец-то произнес он. - Раздвоенные языки наших женщин любую весть оплетут ядом и лживостью, будто нити клубка - не в меру разыгравшегося кота. Но в то же время... Совсем отмахиваться я не стал. Однажды ночью, когда луны не было, а все сторожевые ящерицы впали в оцепенение... - Он покосился на нас. - Есть такой период, о нем только ведуньи вроде меня знают. Так вот... Вышел я и направился к дому Счастливы. Пусть и не хранитель Удавгорода, да только у нас один за другого цепляется. Где и кто чего узнает, сразу другим передает.

Хорошее дело, конечно. Когда ты один, то и родная улица под лунным светом может показаться чужой да страшной.

Мне пришлось вытянуть ногу, а то мышцы начали затекать. Ощущения еще те. Боги, и правда - неужто нельзя было припасти пару стульчиков для посетителей?

- И? - тихонько поторопил Дивислав.

- Возле дома Счастливы я никого не нашел, - задумчиво сказал он, глядя на трубку в руках. - Только вот... обнаружил следы. Не человечьи, не змеелюдовые. Даже на волчьи не сказать что похожи. Вытянутые такие, трехпалые. И по длине с мой локоть. Даже если Счастлива и принимала свой родной

облик, то... ну что я, Горыновну не видел? Не ее были.

- И не Горыныча? - спросил я и тут же понял, что сморозил откровенную глупость.

Ужив посмотрел на меня с легким укором. Дивислав - с откровенным непониманием. Пришлось вздохнуть, примирительно поднять руки вверх и всем своим видом показать глубочайшее раскаяние.

- Нет, - все же подал голос Ужив. - Чьи - определить так и не удалось. Даже горсть земли, которую я с собой унес, чтобы проверить под заклятием, все равно ничего не подсказала.

Странно, земля обычно слушается змеелюдов. Значит, кто-то наложил сильнейшие чары, чтобы припрятать то, что чужим знать не стоит. Очень интересно, безусловно.

- Но потом стало не до этого...

Мы насторожились. И тут же раздался еле слышный щелчок, ковер перед нами вдруг растаял медовым маревом, доски разошлись, и появилась плоская кремовая деревянная поверхность, сплошь уставленная яствами и напитками. От всего этого шел удивительный аромат, а рот так и наполнялся слюной.

- Оригинальная скатерть-самобранка, - пробормотал Дивислав, протягивая руку к кружке с отваром.

- Гости прожорливые, на всех не напасешься, - с готовностью пояснил Ужив. - Думаете, вы одни тут такие?

Я осмотрел предложенное, выбрал утиную ножку в ягодном соусе. Взял лепешку, посыпанную зеленью, и только хмыкнул. Как бы там ни было, рассказы Ужива короткими не бывают, а на голодный желудок все новости кажутся горше, чем есть на самом деле.

Дивислав не отставал, мудро решив, что лучше повторить за старшим братом. И желудку польза, и мозгам не больно.

Ужив некоторое время на нас смотрел, потом хмыкнул и снова закурил. Интересно, оно у него там возобновляется, что ли? Или травка такая, что один листочек курить половину дня можно?

- В Удавгороде стали твориться странные дела, - вдруг тихо и задумчиво сказал Ужив.

Я поднял на него взгляд. Молча смотрел, не задавая лишних вопросов. Сейчас, кажется, будет интересно.

- В общем, спустя несколько недель после приезда Счасты пошли слухи, что стали пропадать наши горожане. То пойдут на реку рыбачить и не вернуться, то в лесу пропадут, то праздновали свадьбу - и вдруг некоторые из гостей словно под землю провалились. Никто не обратил бы внимания, да только происходить такое стало с подозрительной регулярностью.

Хм, кто его знает, что оно такое. Ведь в змеиных землях свои правила, и божества устанавливают собственные законы. Помнится, как-то приходил к нам в гости Горыныч и рассказывал любопытную историю, будто после большого выплеска магической силы Горыновой бог знает что творится. В том числе образуются так называемые проходы. То есть вышел, например, на улицу, идешь себе пирожков купить... А тут - раз! - провалился куда-то. Пришел в себя, огляделся - все кругом незнакомо. И бродишь, пока чудом к людям не выйдешь.

У Горыныча так слуги пропадали. Ходили куда по велению хозяйскому, а потом исчезали. Хорошо хоть змеи знали, как искать их, заклинания накладывали со знанием дела. И благодаря им потом быстро разыскивали потерявшихся бедняг.

- А вот пару дней назад, - продолжил Ужив, - пропал мой сосед. Прямо на рынке. Шел, никого не трогал. А потом воздух зарябило, пошла серебристая дымка и... нет змеелюда.

- Сам видел? - уточнил я.

- Нет, - с сожалением покачал головой Ужив. - Но рассказали те, кому доверяю. Многие у нас тут насторожены. Дома обвешали снизу доверху разными обережными заклятиями. Себя тоже увешали побрякушками от макушки до пяток, думают, что это им поможет. Я уже тоже обошел город кругами, только не могу понять, что за вмешательство. Не наше точно, да и на человеческое не походит. Спрятано ловко, красиво. Сел я как-то здесь, думаю, дай дотянусь до чароплетения, хоть попробую подержать за ниточки.

- И как? - напряженно спросил Дивислав.

Но тот только покачал головой.

...Когда мы вышли от Ужива, солнце уже склонялось к горизонту. На улице пахло свежестью, едва уловимо – мускусом и сладостями. На ужин во всех приличных змеелюдских семьях подают сладкое. Такая традиция.

- Итак, что мы имеем... – задумчиво протянул брат.

- Почти ничего, – обозначил я. – Ужив знает, что есть беда. Но какая именно – неясно.

- Угу, – кивнул Дивислав.

Остановился, посмотрел на солнце, неожиданно выругался.

- Что такое? – обеспокоенно спросил я.

- Запаздываем, – хмуро отозвался он, – быстрее давай. А то будем потом догонять.

- А что, прозеваем конец света? – поинтересовался я, ускоряя шаг. Подколоть, конечно, дело чести. Но он и впрямь сейчас не шутит, значит, дело серьезное.

- Возможно, – обтекаемо ответил Дивислав, сворачивая на широкую дорогу. – Видишь ли, Калинке пришло приглашение от Змеиного царя. Одну пускать не хочу.

Я только молча посмотрел на него, ухмыльнулся и пошел еще быстрее. Серьезное дело. И умничать тут не годится. Ибо Змеиный царь и впрямь не та личность, к которой стоит отпускать красивую девушку без проводника.

Глава 3. Сборы девичьи

- Нет, тебе в таком виде точно нельзя показываться ему на глаза! - грозно заявила Забава, буквально наступая на меня.

- А в каком? - озадаченно спросила я, глядя на подругу округлившимися глазами.

Нет, понимаю, что все же иду не к какому-то бедному змеюшке, но в то же время Змеиный царь прекрасно знает, что вызвал к себе не дочку княжескую, даже не боярскую. Простая чудесница, да еще и из маленьких Полозовичей, будет выглядеть достойно, но поражать роскошью нарядов и драгоценностей точно не сможет.

Забава же была с этим в корне не согласна.

- Как ты не понимаешь! - всплеснула она руками. - А вдруг там у него есть сын, молодой да красивый? Или... или...

- Не сын? - уточнила я степень змеиного родства.

Забава набрала воздуха в грудь, шумно выдохнула, махнула на меня руками, как на несмышленьша, и помчалась к разложенным на кровати вещам. Вынула, тряпочница, все, что могла! Это ж теперь закладывать все назад. Горе-горе с тобой, Забава.

До заката почти не оставалось времени. Я выглянула в окно. Эх, тишина, покой. Травой пахнет, хвоей, деревом. Сейчас бы выйти на улицу, посидеть на лавочке, посмотреть задумчиво вдаль, на розовеющее под лучами солнца небо, на пламенеющую золотом широкую реку.

Возможно, подпереть кулаком голову и задуматься о своем, о девичьем. Вот, например, про Дивислава. Хорош же до безобразия. И встретились бы мы в другое время, да будь у меня настроение ласковое, возможно, и отреагировала бы куда более благосклонно на его ухаживания. Но он же ж повел себя, как я не знаю кто! Это, может, у них там так принято: подошел, сгреб невесту в охапку, закинул на плечо - и в логово. А там, на месте, разберемся. Способ, вероятно, в кощеевских краях общепринятый и действенный, но со мной такое не пройдет. Не заворозишь ни серыми очами, ни крепкими руками, ни поцелуями сладкими.

Нормально надо себя вести, а не вот это вот.

- Сарафан-то переоденешь? - Голос Забавы вырвал меня из задумчивости.

Закатив глаза, я резко повернулась к ней и сложила руки на груди. Вид получился почти угрожающий.

- Послушай, это не смотрины. Успокойся уже. И это... если хочешь, то сама наряжайся.

- Вот еще! - возмутилась Забава. - Позвали-то тебя!

- Но ведь тоже идешь.

- А я... а я лицо сопровождающее! - нашлась она. - Как у благородных девиц мамушки и нянюшки, которые следят, чтобы нетронутую красу не посмели, ну...

- Краса сама тронет кого хочешь! - не выдержав, рявкнула я. - Сарафан у меня вполне приличный, лента в косе - тоже. Украшений нет - ничего страшного, глазоньки царские уж как-то переживут.

С этими словами я быстро вышла из комнатки и, бодро стуча каблучками по лестнице, спустилась в зал. Забава, конечно, подуетса какое-то время, но ничего страшного. Сама, скорее всего, сейчас нарядится, припрячет в одежке что-то тяжелое или острое и с чувством выполненного долга княжной-лебедушкой выплывет во двор.

Во дворе никого не оказалось. Я прислушалась, нахмурившись, да сложила руки на груди. Вот так и верь им - что мужикам, что змеям. А вдруг не придет?

Честно говоря, было немного не по себе, потому что Дивислав до сих пор не вернулся, а змеиный посланник должен был вот-вот явиться. Двум девкам в незнакомое место идти - то еще развлечение. И пусть мы себя в обиду не дадим, да и вряд ли Змеиный царь решится причинить вред дочери той, которая спасла одного из его детишек, - все равно спокойно выдохнуть не получалось. Я бестолково прошлась по двору туда-сюда, прислушиваясь к каждому звуку. Но, увы, не услышала ничего, кроме тихого говора хозяев, смеха новых постояльцев и ржания на конюшне.

М-да-а-а, совсем плоха стала, Калинка-малинка, что нервничаешь по таким пустякам. Как раньше без всяких молодцев Кощеева рода жила-то? И с домовыми управлялась, и с филином, и с толпой

полозовчан.

Дверь дома открылась, и на пороге появилась Забава. Ага, все же переоделась в свой любимый синий сарафан с желтыми цветами. Ну что ж, славно. Будет отвлекать взоры змеиные.

Подошла ко мне с серьезным лицом, в глазах застыл вопрос.

- Да никого, - пожала я плечами. - Ждем.

Она только покачала головой так, что закатные лучи пробежали по серьгам с крупными голубыми камнями.

- Так я и знала. Ну ничего им доверить нельзя! - со вздохом произнесла она.

При этом грудь так подозрительно приподнялась, что, хм... Вроде бы у Забавы грудь как-то поменьше. Или я раньше ничего не замечала?

Вопрос груди так выяснить и не удалось, потому что совсем близко вдруг раздался шорох.

- Рад приветствовать вас, крас-с-савицы, - прошелестел знакомый голос.

Мы спешно закрутили головами, пытаюсь понять, откуда он доносится. Однако пока так и не смогли определить.

- Выходите за ворота, - с едва слышным смешком сказал наш будущий проводник. - Я здесь.

- Может, сами не пойдём? - шепнула Забава, настороженно косясь на ворота.

Вот тебе раз.

Я только закатила глаза, ухватила ее за руку, чудом не оцарапавшись о тяжелые массивные браслеты, и потянула за собой.

За воротами нас ждал молодец. Ничего себе молодец, скажу я вам. Статен, высок, пусть не кося сажень в плечах, но все равно выглядит внушительно. На белую рубаху накинута черная плащ. Одежда не бедная, но определить цену сразу так не сумею. Лицом хорош, грива темных волос стянута в хвост. Высокие скулы, узкие губы, прямой нос. Глаза чуточку раскосые, темно-зеленые, будто камень-змеевик, что привозят с запада.

Посмотрел на нас обеих внимательно, можно сказать, придирчиво. Забаву с ног до головы осмотрел. На мгновение мне показалось, что еще чуть-чуть - покачает головой, осуждая. Но проводник остался невозмутим. Потом перевел взгляд на меня. На тонких губах на мгновение промелькнула улыбка. Хм, странно, будто старую знакомую встретил. А еще на дне темно-зеленых глаз будто вспыхнула искра яркая.

- Ну, вечера доброго, девицы-крас-с-савицы, - произнес он чуть шипящим голосом. - Готовы ли в гости к Змеиному царю наведаться?

Прищурившись, я внимательно посмотрела на него. Так-так, сразу-то и не признала, а теперь поняла, что уже встречались.

Змеелюд уловил взгляд, коротко кивнул:

- Проницательная. Это хорошо. Понравиш-ш-шься нашему царю.

Забава с беспокойством покосилась на меня:

- Это на что это он намекает?

Тон вышел достаточно грозным, но собеседник не особо испугался. Только заулыбался так нагло, так ослепительно, что тут же захотелось взять лукошко с грибами и водрузить на голову.

- Да вот, - начала я ровным и совершенно спокойным тоном, - а это тот самый вестник, который изволил телом своим о мое обвиваться, непристойно прижиматься и слова всяческие на ушко шептать.

Глаза змеелюда однозначно стали больше. Проще говоря, он уставился на меня, явно не ожидая такого подвоха. Но тут же сощурился:

- А почему бы и нет? Ты, Калина, девица незамужняя. Можно и совратить, и замуж забрать. Почему нет-то?

- Даже не начинай. И вообще, с кем честь имеем говорить-то?

- Эсай, слуга царя, - улыбнулся он. - Мои чины мало что вам скажут, красавицы. А теперь прошу следовать за мной.

С этими словами он развернулся и направился прочь от постоянного двора.

«А не слишком-то ты и болтлив», - подумала я, следуя за Эсаем. Ему, конечно, хорошо, а мне как-то не очень.

Забава благоразумно молчала. Точнее, спустя некоторое время до меня дошло, что она попросту прислушивается. Хм, а ведь действительно. Вроде тихо-тихо, только птицы на ветвях расчирикались, а слышатся какие-то звуки.

Будто позади кто-то идет, маленький совсем. Откинув косу за спину и сделав вид, что поправляю волосы, я обернулась. Нет, что-то никого вообще. Наверное, показалось. Но в то же время чутье подсказывало, что я ошибаюсь.

Эсай шел как ни в чем не бывало. Вел нас по лесной тропинке, по сторонам не смотрел. И хоть я этой дорогой не ходила, только прекрасно понимала, что она ведет к реке. Тут от постоянного двора, по сути, две дороги: одна в Удавгород, а другая - к реке.

- Далеко ли нам идти? - поинтересовалась я.

Возможно, попытка завязать беседу окажется успешной и удастся узнать хоть что-то интересное.

- Нет, - ответил Эсай и указал куда-то влево, где как раз плескались волны. - Немного вдоль берега.

Очень четкий ответ. Главное, сразу можно понять, что и как. Ладно, зайдем с другой стороны.

- Змеиный царь обитает в городе?

Эсай глянул на меня с едва заметной улыбкой.

- Все узнаешь. Вот любите вы, девушки, раньше времени про все допытываться. Не заведу я вас в лихое место, не переживай.

- А что тебе помешает? - воинственно спросила Забава, приподняв юбку сарафана и переступая лежащие на песчаном берегу камни.

Вот же ж еще! Мы идем нормально, она умудрилась найти себе кучу препятствий! И при этом обходит их с таким оскорбленным видом, будто ее должны были перенести на руках. А впрочем...

Я незаметно для змеелюда указала на него взглядом подруге. Давай, милая, пускай в ход свой крепкий богатырский кулак женского обаяния. Все равно рассчитывала очаровать какого-нибудь добра молодца, так вот... чем не вариант?

Забава была девицей понятливой, знала меня давно, поэтому лишних вопросов не задавала.

- Царь и помешает, - тем временем любезно ответил Эсай и чуть повернул к ней голову. Ровно настолько, чтобы слова не уносило поднявшимся ветром. - А то и вовсе хвост оторвет. Он у нас, знаете, в последнее время стал больно порывист.

- А если так, что не заметит? - поинтересовалась Забава, стратегически оттеснив меня от Эсая.

Змеелюд вдруг расхохотался, запрокинув голову. Темные волосы скользнули по спине. На мгновение показалось, что этот мужчина невероятно притягателен и смех у него дивный.

Я мотнула головой, избавляясь от наваждения. Этого еще не хватало. Довольно мне Дивислава по уши, на которого смотришь - вроде ничего. А как подумаешь, что вдруг возьмет и уйдет, то почему-то внутри сразу кошки скребут. Делается не по себе и хочется, недобро прищурившись, уточнить, куда это он собрался.

А ведь ушел же.

Я вздохнула. Наверное, все же стоило не строить из себя Камень-Девуцу из старинного предания, а поговорить нормально.

- Этот - заметит, - донесся голос Эсая. - Пришли.

Я с интересом посмотрела по сторонам, но ничего нового не увидела. Так, снова река. Кажется, даже не так далеко от того места, где я купалась. Шутит, что ли?

Эсай тем временем поднял обе руки и что-то прошептал.

А потемнело-то как. Вроде шли всего ничего, а почти ночь на дворе. Забава неуверенно потопталась на месте и подошла ко мне.

- Если что - прыгаем и валим в воду, - шепнула она мне на ухо дальнейший план действий.

Вода вдруг ожила, засияла огромным сапфиром, пошла серебристой рябью. Миг - разошлась вправо и влево, открывая огромную лестницу, уходящую куда-то вниз, в клубящуюся тьму.

Мне стало не по себе.

На небе появилась луна, рассыпала серебро лучей по изъеденным временем ступеням.

- Идем, - коротко сказал Эсай.

- Куда это вы собрались? - вдруг раздался позади голос Дивислава.

Глава 4. Змеинный царь

Испокон веков считается, что девушки на свидания должны опаздывать.

Хорошо это или плохо – пока еще никто не определил. Да и вряд ли будет определять. Женщины все же наследницы самой Матушки Земли. Таким что скажешь, так сразу начинается. Что ты для меня сделал? Хату построил? Дерево посадил, да фруктовое? Сына родил?

Тьфу. Почему родить сына обычно предписывалось представителям мужского пола, для меня до сих пор одна из невероятнейших загадок. А я, между прочим, живу уже не первый век. Но...

– Ты же царь, – донесся мягкий женский голос. – Что ты прям как мальчик?

– Ну, не девочка же, – резонно возразил я.

В моей любимой комнате царила полутьма. Доля лежала на боку на разобранной кровати, подперев щеку кулаком. Золотистые волосы укутывали ее почти до талии, сквозь них кое-где виднелось мраморное тело. Лицо – правильный овал, глаза небесно-синие, как небо летом. То самое, которое без единого облачка. Ведь именно такой должна быть судьба человека, когда ее не трогают напасти. Прямой нос, тонкие крылья, изумительные губы. Жемчужно-розовые, чуть приоткрытые. И глаза хоть и спокойно смотрят, но на дне их горит хитрющий сапфировый огонек. Знает ведь, что я взволнован не потому, что задерживается дочка чудесницы. И не потому, что Эсай не спешил почти под конвоем доставить ее. Хотя... Эсай обходителен. Он знает свое дело, будет учтив и оборожителен. Если же эта Калина еще и питает слабость к симпатичным темноволосым молодцам (а я знаю, что питает), то точно проникнется его манерами.

Тут важно, чтобы победа была за нами, а не за Кощеями. А то вообще потеряли всякий страх – девиц человеческих уведят. Что с Радой тогда, что сейчас...

Нет, в целом я против кощеевского рода ничего не имею, но надо же себя прилично вести.

Доля приподнялась, потянулась за своим нарядом, но я перехватил ее изящные запястья и коснулся пальцев губами. Она улыбнулась.

– Не торопись натягивать на себя это шитое золотом одеяние. И без него чудно хороша.

– Развратник, – мягко заметила она. – Посиди со мной.

Я опустил на простынь рядом с ней. Пахнущие ромашками и скошенной травой руки обвились вокруг моей шеи.

– Будь с ней помягче. Все же девочка имеет полное право тебе отказать. В конце концов, ты просишь не просто о спасении, но и, скорее всего, о пожертвовании.

– Мы сделаем так, что ей не будет вреда.

Золотистый локон щекотал мою щеку. Я аккуратно заправил его ей за ухо, скользнул губами по розовой мочке. Доля тихонько фыркнула.

– Ну вот не начинай, а?

– Не буду, – невинно пообещал я, думая, что «не буду» – понятие очень растяжимое, а главное – без строгих рамок.

Доля положила ладонь мне на грудь, провела вниз к животу, замерла. Вот как можно быть одновременно такой соблазнительной и невозмутимой? Словно находишься не в объятиях одного из самых завидных красавцев среди богов и змей, а где-то на скучном совете у Богатыря-Солнца.

– Предлагай ей змеинные сокровища осторожно. Согласится вряд ли, а вот запомнить может. У них, у чудесниц, знаешь память какая?

– Какая-какая, хорошая, – буркнул я, припомнив всех девиц, с которыми так или иначе приходилось сталкиваться на узких тропках.

– Вот и я о чем, – кивнула Доля, отстраняясь и глядя прямо в глаза. – Лучше бы в награду пообещать желание. Но при этом посмотреть и подумать, как ограничить. А то... – В синих глазах мелькнули смешинки. – Будешь потом, ненаглядный мой, всю жизнь детей Калинки нянчить да на спине своей возить.

– До детей дойдет вряд ли, – уверенно заявил я, привлекая Долю к себе, вдыхая аромат ее волос и кожи. – И вообще...

- Успокойся, - фыркнула она и несильно хлопнула меня по рукам. - И так всю ноченьку у тебя провела, имей совесть.

- Зачем мне совесть, когда у меня есть ты?

Доля только покачала головой, все же закуталась в простынь, подошла к столу, уставленному плошками с фруктами, сыром и тонко нарезанным мясом. До еды-то нам добраться было некогда. Поэтому подкрепить силы необходимо. Эх, надо бы своим змеевичам свистнуть, чтобы вина принесли, чаю или еще чего хорошего. А как гостя появится, так там точно стол должен быть.

- Ты с ней в зале будешь общаться? - спросила Доля, взяв виноградную гроздь и отрывая ягоду за ягодкой.

Темно-синие ягоды идеально контрастировали с белой кожей, не давая сосредоточиться на более важных вещах. Ну или просто сосредотачиваться на них откровенно не хотелось.

- Не хочу в зале. Слишком официально, да и может себя неуютно чувствовать. Поговорим в саду. Там и обстановка попроще, и вид на реку славный, и слуг быстрее кликнуть.

- Река-а-а-а... - мечтательно протянула Доля.

- Началось, - чуть нахмурился я. - Все никак не можешь забыть Кощеева сынка?

Доля лукаво улыбнулась. Золотистые волосы скользнули по спине, окутали ее плечо.

- А как его забыть? Хорош же. Только... - Доля чуть поморщилась. - Угрюм больно. Знаешь ли, со временем такой и батюшку своего переплюнет. Будет потом смотреть на всех так, будто прикопал бы с удовольствием под ближайшей березкой.

- Березка против, - донеслось вдруг из окна.

- А ты не подслушивай! - возмутился я.

- А что сразу береза?

Доля хихикнула, совсем как девчонка с простого двора Полозовичей. А я только закатил глаза. Вы знаете, что такое сад с говорящими деревьями? А я знаю. Это значит, что вас постоянно кто-то подслушивает и комментирует действия, выдавая свое драгоценное мнение за непреложную истину. С березой еще туда-сюда, можно договориться. Ива у реки и вовсе обожает любовные истории и тайные встречи, вечно прикрывает от чужих глаз. Яблоня зато ворчит постоянно. К вишне подходить нельзя: мало того что плоды кислющие, так язвит же еще беспрерывно. Орех вот парень добродушный, понимает меня во всем, кивает только кроной зеленой, вздыхая на ветру. А самый ужас - это шиповник. Мало того что жизни все время учит, так еще и начинает колючками кидаться, если вздумаешь его слушать без должного почтения.

Сад передается из поколения в поколение. Считается священным, почитается каждым отпрыском царской крови. Ну и дает полезные (и не очень) советы каждому из нас. Но вот находиться с говорящими деревьями рядом каждый день - еще то удовольствие.

Доля подошла к окну. Только сейчас я заметил, что тонкая ветвь коснулась подоконника. Тонкие красивые пальцы Доли, так часто скрепляющие судьбу человека, ласково погладили ветку.

Тут же донесся удовлетворенный шелест березовых листочков.

- Ну, не ворчите, - ласково сказала Доля.

Они не могут не ворчать. Но куда ж денешься-то? Из-за всего этого богатства, в том числе и сада, пришлось моему деду покинуть Полозовичи и отправляться на родину предков. Никто же не знает, что мы перенимаем внешность и повадки своих отцов. Потому и ходит легенда, что Змеиный царь живет тысячелетиями. Однако на самом деле это совсем не так. Всего лишь наша маленькая хитрость.

- Ну вот, сделайте из меня еще изверга, - хмыкнул я.

На самом деле, конечно, изверг. Собираюсь кровью невинной девицы пожертвовать во имя мира на наших и людских землях. Правда, не всей. При разумном подходе и Калине ничего не сделается, и к нам всякие гады будут лезть куда меньше, чем им хочется.

Доля и бровью не повела. Только посмотрела на меня. На розовых губах появилась улыбка:

- А что, разве не ты девиц-лебедей с белоснежной прекрасною кожей воровал с поляны ясной да в царство свое уносил?

Я подошел к столу, чинно сел и выудил несколько кусочков мяса. А чудно кухарь наш справляется. Ешь и наслаждаешься, прямо на языке тает. Какие-то новые специи в этот раз использовал, интересно, кто уторговал на этот раз?

- Это все не так. И ты прекрасно это знаешь. Просто какой-то сказитель взял да и изложил историю одного из моих предков, якобы так жениться тот хотел, что решил не свататься, а пошел да и украл красавицу из отчего дома. Но, если помнишь, он там море-окиян перелетал. А у меня нет ни первого, ни второго.

С этими словами я выразительно передернул плечами, словно показывая, что никаких крыльев у змеиных царей и подавно нет. Доля невозмутимо села напротив. Так, а где виноград? Опять береза стырила! Ну это же ужас какой-то! Вот скажите на милость, зачем березе виноград? Спрашивал окаянную: ты его есть будешь? Нет, не буду, царь мой. Ты им яблоню кормить будешь? Нет, не буду, царь мой. Так на кой червяк тебе оно надо? Птички, мой государь, птахи неразумные.

Птички, надо сказать, уже давно потеряли свою грациозность, знатно потучнели и на ветках удерживались с большим трудом. Кормушки этим чирикунам были развешены повсеместно. Но нет же! Она хочет творить добро! А слугам потом убирай по всему саду то, что эти ценители яств не доели!

Доля подвинула мне пустую чашу. Пришлось взмахнуть рукой; воздух тут же засиял ярким золотом, и на столе появился кувшин с яблочным соком с добавлением медового настоя. Очень уж уважает его моя красавица.

Наполнив ее чашу, я пристально посмотрел в синие глаза, ожидая ответа. А то молчит, вся такая таинственная.

- Вот не рассказывай, крылья у ваших предков были.

Я закатил глаза. Вот же ж... Вспомнила время, когда Кощеи свою смерть в яйце прятали, а Горыныч три головы носил. И вообще как раз Горыныч и крылатый. А мы с ним просто родственники.

Доля отправила в рот кусочек мяса, улыбнулась.

- Так-то оно так, но давно дело было. Позабыли все.

Дальнейший ужин прошел в тишине. Точнее, очень легкий ужин. Ведь скоро должна появиться гостя. А с ней надобно говорить за уставленным яствами столом. Ибо народная змеиная мудрость гласит: «С сытым человеком можно иметь дело. Голодный он - сволочь сволочью».

Впрочем, это касается не только людей, как я уже понял.

Закончив с ужином, Доля вздохнула:

- Надо бы сестрицу повидать. Что она там без меня...

- Кобра твоя сестрица, - проворчал я. - Прямо как моя двоюродная тетушка из песков, которая месяц назад приезжала с гостинцами.

Доля поднялась из-за стола, золотистый смерч окутал ее стройную фигуру. Миг - нарядная и причесанная, она стояла уже у выхода. Только сброшенная на пол простынь напоминала о том, в каком виде была прекрасная богиня судьбы.

- Моя сестра - хорошая, - мягко сказала она, коснувшись резной деревянной ручки двери. - А то, что она не по нраву, так и я не всю твою змеиную родню готова привечать лаской да заботой.

Ну вот. Теперь пошла обида. Ох уж эти женщины.

Я оказался рядом, мягко обнял.

- Ну, не сердись. Не хотел обидеть.

И коснулся губами румяной щеки, а потом потерся носом о висок.

Доля только вздохнула, смешно фыркнула и мягко отстранила меня.

- Ладно, так и быть. Не буду обижаться. И пойду. А то и впрямь подумают, что Змеиный царь меня в плен забрал да под замком держит.

- А я бы не отказался, - невинно сказал я, оглаживая взглядом ее ладную фигуру.

- Уймись, ненасытный, - хмыкнула она и быстро юркнула за дверь.

А я что? А я ничего, я всего лишь царь змеиный. Мое дело – искушать и соблазнять. Ну и мудрые слова порой говорить. Тогда все получается в самый раз.

Еще некоторое время посидев в комнате, я потянулся и по-мальчишески ловко выбрался в сад прямо через окно. Тут хотя бы не надо делать вид, что я почтенный властелин и все такое. Эти деревья меня с рождения знают.

- Спасибо за виноград, – прошелестела береза.

- Не за что, – хмыкнул я. – Балует тебя Доля, вот балует же.

Береза тут же сделала вид, что змеиной речи не понимает вот вообще, и еще громче зашелестела листьями. При этом я отчетливо слышал нечто вроде «жадина», «гад» и «птичек не любит». Ветер с ней соглашался, подхватывал сплетню и разносил по всему саду.

Заложив руки за спину, я прошел по дорожке между аккуратно подстриженных кустов. Мой ключник нарочно привез каких-то заморских мастеров. Стараются, паршивцы, на славу. Вон, даже мою скульптуру выстригли. Так ночью кто из гостей захочет пройтись по саду – заикаться потом весь день будет. Так что... Сильные эмоции и резкое уменьшение любопытства гарантированы.

Пройдя мимо ореха, я ласково погладил его по стволу. Тот только улыбнулся едва видневшейся улыбкой сквозь морщины коры и шумно выдохнул.

- Только ты меня понимаешь, – шепнул я с такой же улыбкой.

Этакая мужская солидарность, когда кругом почти все деревья и кустарники – женщины.

- Я все слышу, – вдруг проворчала вишня и уронила мне на голову несколько ягод.

- Подглядывать в мысли людские не есть хорошо, – усмехнулся я, успев все же поймать вишенки в руку.

- Но ты же не человек, – резонно возразила она.

- А разве это играет существенную роль?

Вишня угрожающе потрусилась веткой, в этот раз все же попав мне по затылку, и что-то заворчала о наглых змеелюдах, которым все нипочем. Довольно ухмыльнувшись, я грызнул вишню, тут же поморщился от кислоты и со вздохом пошел к реке. Река тут и впрямь огромна. Те, кто не знал истины, и называли ее морем-окияном, чрез который мои дальние предки переносили девиц. На самом же деле это все – наглая ложь. Девы были далеко не против сами выйти замуж за обеспеченного и красивого змеелюда. К женщинам у нас отношение уважительное, ведь они же воплощение Матушки Земли.

Волны с тихим шелестом накатывали на берег. Я остановился возле воды, задумчиво посмотрел вдаль. Ох, широка река, глубока. В такую не суйся, не зная броду. Замороженная река, заколдованная. Вода чары держит крепко, пронизывается ими от поверхности до дна песчаного. В такую войти – не абы какая смелость нужна. Уж сколько тут тонуло смельчаков, сколько красавиц от недоброй доли сгнуло... Только души их в реке навек остались, стали они духами из речных капель, пошли в услужение Водному владыке.

Ива приглашающе подняла ветку, и я нырнул в уютный шалашик из ее ветвей. Уселся на выступающий корень, вдохнул влажный воздух. Посмотрел на отпечаток ступней на влажной земле. Хорошо нам, змеям, у воды-то. И Доля, кажется, уже прониклась. Даже подсказывала Темнозару путь в облике милой водянички. Представляю, как он оторопел, когда узнает, кого на самом деле поцеловал.

Ревность уколола тонкой иголкой. Но тот поцелуй нормальным все равно не назвать, а богини ведь такие богини. Да и мы, цари, туда же.

- Что невесел, царь мой? – поинтересовалась с еле слышным шелестом ива. – Не захворал ли?

- Нет, душа моя, – улыбнулся я. – Все хорошо, просто задумался.

Ива, пожалуй, единственная, кто спрашивает искренне и даже не помыслит о том, чтобы после ответа подколоть или сказать какую-то язвительную вещицу. Сердце у нее доброе, изумрудно-зеленое, смотришь – и тонешь в этой зелени, аж на душе становится хорошо.

- А молчиш-ш-шь, – поделилась она наблюдением, потянувшись ветвями-прутиками, нежно погладила по волосам.

- Будто я болтун, скажешь тоже.

Беда в том, что все живые деревья сада чувствуют настроение. А кто и мысли читать может. Пусть не точно, но кое-что все же видят хорошо. Поэтому даже если захочешь помолчать, то все равно не получится. А иве я отказать не могу. Она действительно помочь хочет.

- Про Калинов мост думаешь, царь мой? - мягко спросила она.

Про него, окаянного, а как же. Чтобы наконец-то соединить один берег с другим, людской да змеиный. Чтобы не пытались по воздуху да по воде пробраться к нам гости злые да неожиданные. Мост раньше защищал. А потом люди вдруг решили, что не нужно им змеиное. Перевернули некоторые все с ног на голову. И стали вместо купцов присылать воинов.

- Про него, ивушка. Про него, голубушка.

Каленого металла мало, как и наших чар заветных. Нужна кровь. Змеиной-то вдоволь, бери сколько хочешь. Ни один из моих подданных не откажется послужить благому делу. А вот человеческая... Ведь издревле мост строили и те и другие. И жертвы приносились с обеих сторон. Именно это и защищало нас от всякой напасти. А вот теперь... Пусть Двурогая гора от нас далеко, а деревенька Ушбань, по идее, и не должна волновать. Только написала весточку, слезно умоляя помочь. Равнодушным не остаться, разумеется. Вот и думаем, что делать и как. А тут еще как нарочно утянуло в тот далекий край старшего сынка Коцея. Мы с Долей голову сломали, думая, как бы ему помочь. В итоге она обернулась водяничкой да попросила Водяного владыку помочь. Напрямую действовать не стала - ведь так можно и спугнуть ту, что вытворяет всякие гнусности у горы. Да и боги... они не всемогущи. К тому же что нехорошее сделать, так это в один миг. А дело доброе, так это еще надо постараться.

- Так, может быть, стоит все рассказать ей как есть? - ласково прошелестела ива.

Несколько листочков упало в воду, пошли круги. Листочки закружились зелеными лодчонками. Прилетел проказник-ветер, обнял ветви плакучей красавицы, сжал в крепких объятиях, а потом с дерзким хохотом выпустил. Она только рассмеялась тихонько, не стала укорять ни за что.

- А я и расскажу, - кивнул, подхватив лежавший у корня прутик и принимаясь чертить на земле разные символы. - Растволкую, чего уж там.

У Калины есть полное право отказать. Только знаю, что не откажет. Есть у меня что ей предложить. Например, рассказать, куда ее друг ненаглядный подевался. Да как разыскать глупышку, которая по незнанию своему обратилась совсем не к тем, к кому следовало.

Только вот захочет ли? Вдруг окажется, что мне про нее не всю правду сказали? Вдруг не столь жертвенна Калина из Полозовичей? А впрочем... сложно ли уговорить девицу, молодую да красивую? Сокровища есть, сыновья все - загляденье. Немного лести - и все получится.

И в то же время хотелось очень вздохнуть да криво усмехнуться. А вдруг и впрямь чудесница не просто умна, а мудра? Не зря же про нее мне всякое рассказывали.

- Что ты там шепчешь, царь мой? - поинтересовалась ива.

- Заклинание, - буркнул я.

- На удачу или на любовь?

- На... - начал было я и тут же задумался.

Хм, а, возможно, стоит подумать об этом. Любовь, разумеется, у девицы вызвать можно разными чарами, только кому оно надо-то? А вот очаровать - это другое дело.

Я поднялся на ноги и подошел к ивовому стволу. Положил руку на ивовый ствол и ласково погладил.

- Слушай, поможешь мне, красавица? - вкрадчиво поинтересовался.

- Что делать-то? - довольно улыбнулась ива.

И хоть глазами улыбки не увидеть, а чувствуешь ее каждой невидимой чешуйкой на коже. Любит меня, мечтательница зеленая. А еще больше - дела сердечные. Ух, как она от меня прятала среднего сына с его зазнобушкой. Это же видеть надо было! Ветвями запрячет, корни из земли поднимет, с речкой договорится. Я только подойду, а она сразу: «Как поживаешь, царь мой? Правда ли, что наладишь торговые отношения с Алмазной Ордой? А что князья болотные? Хорошо ли себя ведут, не буянят?»

Не знай я иву, получил бы сразу шок. С каких пор эта страдалница вдруг политическими делами заинтересовалась? Да и какая пташка могла ей нашептать? Пташку потом выловил, кстати. Такого

жирного и нахального филина еще в жизни не встречал. Пришлось учинить допрос: кто таков да как сюда попал? А этот гад только глазами своими желтыми да жуткими – хлоп-хлоп. Мимо, говорит, летел. Заплутал, говорит. Дяденька, вы меня отпустите, я честно не воровал яблок из вашего сада. И так пытается спрятать в лапе огрызок. Сволочь. Мне яблоня потом натуральный скандал закатила, де что ее, несчастную, всякие птицы лупоглазые обирают. Так еще и на ветку садятся и громко чавкают.

Вот так, кстати, я про Калинку и узнал. А филин оказался ее хранителем. Василием представился. Дальше вел себя чинно и смиренно, но яблоки при этом тырить не переставал. На мое искреннее изумленное замечание, что филины яблоками не питаются, отвечал, что он есть филин неизученный, а потому жрет все, что велит сердце. Ну... и другие органы.

– Я приведу гостью во-о-он на тот бережок, – произнес я заговорщицким шепотом, – надо бы ее очаровать. Ты уж сестренкам своим передай, чтобы сумели сделать купол, сквозь который ночное небо будет видно. И пусть нашептывают всякое разное, до чего обычно девичье сердце лежит.

Ива возбужденно зашелестела листвой. На мгновение показалось даже, что и ветер засуетился над ее кроной.

Вот же ж... сплетники. Ну да ладно. Пусть совещаются. Главное, что поняли мое задание. Решив, что дальше буду только мешать, я выбрался из укромного местечка и направился во дворец. Хочешь или нет, а даже скромный прием надо провести соответствующе. Пусть я не собираюсь ни впечатлять, ни пугать девушку, но подготовиться все равно нужно.

Вслед за ивой зашумел весь сад. Так, началось. Сейчас уже сплетни поползут, что Змеиный царь решил жениться на человеческой чудеснице.

– Слышали, слышали? – донесся скрипучий голос шиповника. – А царь-то наш жениться в десятый раз собрался, охальник этакий!

И попробуй потом от всего этого еще отделаться!

Глава 5. Сделка с Кощеём

Девушки обернулись в один миг. Хорошенькие. Белокурая красоточка в синем наряде и чудесница с каштановой косой через плечо. Сила окружала ее красноватыми всполохами. Это обычные люди не видят, что вокруг кружит рой рубиновых мотыльков. А я – на раз. Ну и Дивислав, разумеется.

А девица – ух. В видении толком не разглядишь же, а в Полозовичах я только возле ее дома бродил. Поэтому только сейчас мог спокойно рассмотреть ту самую Калинку-малинку, о которой уже немало было сказано братом. И пусть он делал вид, что рассказывает о ней исключительно как о девушке, предсказанной Лишкой. Но я-то чувствовал, что младший лукавит. Или просто еще не может признаться себе, что Калина ему действительно нравится.

А гордая, красивая. Глаза зеленые и ясные, но смотрит так, будто собралась прожечь на месте колдовским пламенем. Губы поджаты. Оценивает. И хмурится. Кстати, явно не оттого, что Дивислав пришел. Его, если не ошибаюсь, она рада видеть. А вот мои стать да краса ей почему-то не по нраву. Ну, или просто это такое выражение лица, когда она видит родственников своего жениха.

– Доброго вечера, уважаемые, – поздоровался со всеми Дивислав вкрадчивым шелестящим голосом. – Не возражаете, если мы присоединимся к вам?

Белокурая покосилась на Калинку. Да уж, а кулаки у нее внушительные. Такую лучше не злить. Может, поэтому Калина спокойно и пошла в гости к Змеиному царю, прихватив такую подругу?

Тут же стало интересно: есть у них тут на землях вообще робкие, изящные и покорные девицы? Кого ни встретишь – нужно держать ухо востро. Что-то расслабился я в своем подвале да с опытами над мертвой плотью. Позабыл, каково женское коварство да тяжесть удара ухвата.

Не то чтобы им когда по мне попадали, но воображение же хорошее.

Змеелюд, явно не из простых, недовольно нахмурился. Темно-зеленые глаза почернели, будто два бездонных колодца. Чувствует Кощееву кровь, не в восторге от встречи.

– Кто вы? – спросил он.

Бабка Темнуша и ее внученька Дивка! Вот что за манера вечно задавать глупые вопросы? В то, что змеелюд нас не признал и силу не прочитал, вовек не поверю. Не чудесница поди. Да и не торговка с рынка. Хотя с последней это еще как посмотреть. Те, чтобы продать товар, готовы приобрести у местного колдуна и истинное зрение, и истинное чутье. И не важно, что колдун сроду не мог никого этим наделить.

Дивислав в несколько шагов преодолел разделявшее нас с девушками расстояние. Стал так, чтобы змеелюду было не дотянуться до них, посмотрел сурово и холодно. Я мысленно захлопал в ладоши. Ах, какой взгляд! Жаль, что Калина его позади стоит, не может оценить прелести происходящего.

Впрочем, мне тоже делать вид, что я мимо шел, негоже. Я подошел к ним, ненавязчиво отгораживая посланцу Змеиного царя путь к побегу. Ну, так. Чтобы даже не обольщался.

– Дивислав меня зовут, – мягко сказал брат. – Жених Калины. А это братец мой старший, Темнозар.

Калина нахмурилась, перевела на меня задумчивый взгляд. Закусила нижнюю губу, брови нахмурила соболиные. Что так, красавица? Не нравлюсь? Ну, так я не монетка золотая, чтобы любым бочком пригожим был.

Вторая же девушка смотрела на меня с куда более открытым интересом. Не хмурилась, наоборот, – казалось, с удовольствием познакомилась бы поближе. А сама, кстати, тоже ничего. Надо будет потом приглядеться поближе... и при дневном свете. А то известное дело – ночью все девицы чудо как хороши собой.

– А вы, уважаемый, кто? – страшно вежливо поинтересовался Дивислав, словно тот незваным гостем стоял у него на пороге и все мысли были направлены на решение: пропустить в дом или хлопнуть дверь перед нахальной мордой?

– Эсай, советник. Второй голос Змеиного гнезда, – с каменным лицом произнес змеелюд.

Теперь Калина смотрела уже на него. Нехорошо так смотрела. Интересно, ей по материнской линии не досталось какого дара убивать взглядом? Или, может, там просто какая ведьма затесалась? Очень интересный вопрос.

И внезапно дошло, что Эсай мог попросту сказать девушкам нечто другое. Ведь Кощеям врать негоже, все равно пойдем, что и к чему. А Второй голос... Это приличный чин в змеином государстве. Там, если не ошибаюсь, тринадцать голосов в их совете. Поэтому Второй – это

серьезно.

- Почему это жених? – услышал я шепот белокурой красотки на ухо Калине.

Вот не зря проводил опыты со слухом. Настой мертвянки обладает восхитительными свойствами. Правда, поначалу на правое ухо я почти не слышал несколько дней, думал, что уже не верну прежнее состояние. Но нет. Все обошлось. Теперь вот человеческий шепот чудно различаю с приличных расстояний.

- Потому что в лоб получит, – донесся еле различимый голос Калины.

«Что за женщина! – мысленно восхитился я. – Может быть, в этот раз Лишка правду сказала? Эта девица и есть судьба Дивислава и надежда рода Кощеева?»

Брат стоял ближе, следовательно, тоже все прекрасно слышал. Но по-прежнему изображал сурового молодца, чью почти жену вознамерился змей проклятый увести в полон.

- А куда это вы собрались? – невинно осведомился он.

Желание Эсая двинуть по наглой кощеевской морде было столь же недвусмысленно, сколь намерение магушки женить Дивислава. Я мысленно даже посочувствовал первому. Мы и впрямь ребята нахальные. Чтобы выдержать, надо иметь не абы какую сноровку. До сих пор для всех загадка, как купеческая дочь Рада терпит Кощея-старшего. (Правда, должен сказать, что на самом деле это он терпит ее и никак не иначе.)

- Змеиный царь изволил пригласить твою невестушку в гости, – ответил невозмутимо Эсай. – Она любезно приняла приглашение и даже сочла, что ей обязательно нужна подруга.

Белокурая красотка нахмурилась, в глазах заплескали синие молнии. Так-так, змеиный молодец, ты поосторожнее с формулировками-то. А то оглянуться не успеешь, а тебя уже утопили. И кожу сняли. И на сапожки пустили. Ведь жажда женская принарядиться да прихорошиться – она вечна. Поэтому надо быть осторожным в этом деле. Ведь в наше время может найтись и любительница украсить свое ожерелье Кощеевым черепом.

- О-о-о... – понимающе протянул Дивислав, отступил на шаг и подцепил Калину за запястье. – Я все понял. Калинушка, душа моя, отойдем-ка за этот кустик, потолковать.

- Кустик ему подавай, – проворчала спутница Калины.

- Забава, – шикнула на нее та.

Ага, значит, Забава. Имечко, кстати, подходит. Это сейчас она хмурая да настороженная, а как веселится, так, наверное, аж лес шумит.

Стоило Калине и Дивиславу и впрямь скрыться за впечатляющих размеров кустом смородины, я подошел к Забаве. Эсаю это совсем не понравилось. Как и легкий защитный полог, который пришлось накинуть на брата и его суженую.

Змеелюд нахмурился. Я ослепительно улыбнулся:

- Не находите, что сегодняшний вечер просто дивно хорош?

- Да вы почти сказитель, – проворчала Забава.

Она явно не понимала, зачем я устраиваю это представление, но в то же время не пыталась помешать.

- Чудесный просто, – отозвался Эсай, сложив руки на груди и сверля меня недобрым взглядом.

Моя улыбка не померкла. Все также гляжу на него, словно и впрямь увидел старого доброго знакомого, которого несказанно рад видеть и готов сжать в объятиях.

- А что, в Удавгороде все такие? – невинно уточнил я, прислушиваясь к разговору за кустом.

- Значит, жених? – вкрадчиво спросила Калина.

- «Будущий муж» можно, – ни капли не смутился Дивислав. – Не в словах дело.

- Что-то не помню предложения.

- Это не беда, всегда можно повторить. Повторение вообще мать учения, как говорил один прекрасный человек, мой наставник по мертвоведению.

Я прикусил нижнюю губу, чтобы бессовестно не заулыбаться. Как же, помню-помню, распрекрасный Мирослав Восстанкович. По крови умрун, упырь и учитель. Все сразу. И не надо рассказывать, что последнее никак к расам не относится. Еще как относится! Ибо чтобы выучить малолетних балбесов, просто необходимо обладать особой магией и навыком профессионального чароплетства. Иначе все усилия насмарку.

- Ты мне язык не заговаривай, - прошипела Калина. - Что будем делать?

А сообразительная. Мне она что-то нравится все больше и больше. Если братец закуртычится - сам женюсь. Такую деву упускать нельзя.

И тут же сам оторопел от собственных мыслей. Да уж, нехорошо. Не надо об этом думать.

- Вечера, как и ночи, тут прекрасны, - мягко сказал Эсай и пристально посмотрел на Забаву.

Любая другая бы на ее месте смутилась, кончик косы затеребила бы в длинных изящных пальчиках. И Забава... косу, конечно, за спину отбросила. Но вот пальцы почему-то начала разминать как-то вовсе не по-девичьи, с хрустом. Да и одарила Эсая таким взглядом, что впору бы задуматься о своих дальнейших словах.

- Змеиный царь так просто ничего не делает. И вряд ли зовет тебя поболтать за чашечкой чая, - донесся голос Дивислава.

- Знаешь, я как-то догадалась, - язвительно отозвалась Калина. - Спасибо, что тоже заметил. Но я спрашиваю не об этом.

- А я и пытаюсь донести, - немного раздраженно бросил Дивислав. - Предлагаю сделку: ты становишься моей женой и сразу же таким образом переходишь под Кощеево покровительство. Тогда у царя куда меньше способов тебе навредить. Ну, и все такое.

- А от меня что тогда требуется?

- Ну... выполнять супружеские обязанности.

- Это ты меня так замуж, что ли, зовешь?

- А тебе разве не нравится?

Послышался странный глухой звук, возмущенное шипение и подозрительная возня.

- Негоже заставляя ждать посланца царя, - ласково сказал я, чуть повернув голову к смородине. - Потом миловаться будете, никуда уж от друг дружки не денетесь.

- Да, что-то заболтались, - проворчала Забава, не спуская взгляда с Эсая. - Всю дорогу уж отношения выясняют-выясняют, да никак не выяснят!

- Влюбленные, - пожал я плечами.

Калина и Дивислав вышли молча. Можно сказать, угрюмо. И все бы ничего, но при этом держались за ручки. Выглядело так, словно на самом деле это всего лишь отвлекающий маневр, и стоит только змеелюду отвернуться, как его одновременно треснут по затылку чем-то очень тяжелым.

- Вопросов больше нет, - лучезарно улыбнулся Дивислав. - Мы готовы следовать за тобой, Второй голос Змеинового гнезда.

Эсай понял, что его больше не спрашивают. На мгновение в темно-зеленых глазах вспыхнул гнев.

Но потом вспыхнуло нечто большее, больно ударив нас по глазам. Я зажмурился и отвернулся. Забава тихонько охнула, Калина выдохнула. Поднялся невероятно горячий ветер - не продохнешь.

А потом разнесся над берегом и рекой голос:

- Ну, сколько можно ждать?

Вокруг дико заревел вихрь, земля исчезла из-под ног. Забава взвизгнула. Я успел ухватить ее за руку. Вот же ж... впечатлительная особа. И не надо так верещать. Ай, бить по морде меня тоже не надо!

Твердая почва вновь оказалась под ступнями. Вихрь исчез. Открыв глаза, я огляделся. Щека горела, потер ее и укоризненно посмотрел на взлохмаченную Забаву. Она гордо сдула с лица светлую прядь и даже не подумала раскаться.

Хм, зачем так злиться-то? Или я ненароком схватил не за руку, а за что-то другое? (Хотя я был уверен, что за руку.)

- Добро пожаловать, - раздался низкий шипящий голос, от которого даже мне стало не по себе.

Повернув голову, встретился со взглядом черных глаз Змеиного царя.

Он сидел за столом, уставленным множеством диковинных блюд и яств. Лицо вроде и человеческое, только чувствуется, что гладкость белой кожи - обман, морок. За ней спрятана змеиная чешуя. И глаза - провалы в бездну, даже наши, кощеевские, могут уступить. Корона узкая, золотая, с зеленым овальным камнем. Одевание закрывает все тело, ворот под горло. Кисти рук словно вытянутые, пальцы длинные, ногти загнутые. Темно-зеленая, с изумрудным отливом ткань затягивала руку, ныряя под золотую накидку.

На груди царя висел огромный медальон из змеиного глаза в обрамлении оправы из черного металла. Слышал я предание, что это своеобразный оберег и могущественный артефакт всего змеиного народа. Мощь всех змеелюдов в одном-единственном предмете. Не раз покушались и на царей, и на силу медальона, только толку с этого не было никакого. Потому что работал он исключительно при соприкосновении с наследником царской крови. И да, тот обязательно должен быть живым. Иначе колдовство попросту не работает.

- Рад видеть, гости дорогие, - улыбнулся он. - Присаживайтесь, будьте любезны. Да не смущайтесь. Цари тоже... змеи.

Девочкам явно было неуютно. Но мы с Дивиславом не растерялись, помогли им сесть за стол, галантно отодвинув стулья, и все такое. Заодно при этом проверили, нет ли каких чар. Увы, ничего такого. Разве что можно почувствовать души деревьев, явно они тут непростые. Как и речка. Интересно, кстати, чего это он решил поговорить с Калиной тут? Ни тебе дворца, ни зачарованного места, ни, понимаешь, хоть какой-либо убедительности.

Всего лишь зеленый берег. Сад. Шелест листья. Речная свежесть. Хотя, так постоишь немного - и кажется, что голова идет кругом, а воздух вдруг становится сладким-сладким.

Я сел возле Забавы, напротив Калинки. Покосился на Змеиного царя. В черных глазах ничего не прочесть. Владеет собой не хуже нашего отца. Я невольно восхитился. Интересно, куда девался Второй голос? Или царь посадил его в засаду?

Прислушался к собственным ощущениям. Понял, что никого рядом нет. Чудесно, просто чудесно.

Змеиный царь еще посмотрел на всех. Внимательно, пристально, немного отстраненно. Словно и не находился тут вовсе.

- Еще раз добрый вечер, - произнес он почти ласково. - Прошу простить за такую стремительность. Только вот дело не терпит отлагательств. Да и... - Он перевел взгляд на Дивислава. - Не ждал я немного, что будет вас... столько.

- Что вы, - ослепительно улыбнулся брат, - мы никоим образом не принесем вам беспокойства.

Врет и не краснеет.

- И побывать у вас на... приеме для нас - огромная честь, - продолжал Дивислав. - К тому же, понимаете, мы с моей дорогой невестой всегда вместе.

При этих словах он немного побледнел, правда, улыбка так и не померкла. Из чего я сделал вывод, что Калина опустила ему каблук на ногу, но так как самообладание у брата все же не из последних, он сдержался.

- Даже так, - улыбнулся Змеиный царь и перевел внимательный взгляд на Калину.

Та, нужно отдать должное, зеленых глаз не отвела. Смотрела на царя так же внимательно и пристально, как он на нее.

Смелая.

Впрочем, ее и Кощеи-то не особо пугают. Это хорошо. Значит, что бы ни предложил этот гад ползучий... в смысле, царь, она не испугается и не поведется.

Забавка заерзала на стуле. Игра в гляделки явно ее раздражала. Да и, судя по всему, она в паре с Калинкой играла роль движущей и страшно активной силы. Я положил ей в тарелку фаршированного ягодами мяса птицы. Забава кивнула, якобы в благодарность, правда, ее мысли были явно далеко от еды.

- А могу ли я поинтересоваться? - мягко начал царь. - Была ли у вас помолвка?

Я насторожился. К чему ведешь, окаянный? И вообще, негоже задавать такие вопросы девице, которая сидит со своим нареченным, скромно потупив очи. А то, что каблучком его воспитывает, так это не для ваших глаз картина, ваше змейство.

Забава тоже нахмурилась и посмотрела на Калину. Все замерли. Дивислав явно соображал, что сказать, дабы выскользнуть без потерь. А Калина... только улыбнулась очаровательно, чуть склонила голову набок.

И смотрит. Смотрит так, что аж во рту пересыхает. Ну, говори уже что-нибудь!

- О царь, - произнесла она бархатным голосом, от которого внутри все затрепетало.

Ничего себе владеет искусством очарования! Даже змей не улыбается. Правда, не думаю, что в ход пустила чары. Просто прекрасно владеет собой.

- ...дела насущные были важнее дел сердечных, - тем временем продолжила Калина. - А потому, хоть решение и принято и менять его мы не собираемся, к сожалению, официально помолвки не было. И, как известно, благословить на союз должны либо родители, либо уважаемый человек. Однако... - Она вздохнула. Печально опустила взор. Потом вновь посмотрела на Змеиного царя. - Мои родители, увы, ушли давно к предкам. А Дивислава... - Ласковый проникновенный взгляд на Дивислава. Хорошо хоть тот спокойно отреагировал - дергаться не стал. - А родители моего суженого - далеко.

Ну да. Чтобы добраться до Межанска, надо истоптать не одни лапти, настрадаться в дороге и вообще сходить за край света. Не слишком верно выбрала довод, учитывая, что у тебя Кощей под боком. Хм, под боком... Интересно, уступила ли она ухаживаниям брата? Сдалась ли на милость победителя? Или нет?

Забава довольно громко положила вилку на стол. Это вывело из марева похабных мыслей. Так, что-то и впрямь совсем не о том задумался.

- Понимаю-понимаю, - отозвался Змеиный царь.

- И мы были бы безумно рады, - вдруг вдохновенно продолжила Калина, не дав никому и сообразить, о чем речь пойдет дальше, - если в вашем славном царстве отыскался тот, кто сумел бы дать нам благословение.

И посмотрела так: невинно-невинно. А еще - с надеждой. О да, это сердце-камень надо иметь в груди, чтобы отказать такой красавице. Да еще ж взор такой. Тут и Снегурочка растает, и Дед Мороз потеряет всю ледяную твердость. Дивислав благоразумно молчал. Мысленно я оценил реакцию брата. Научился наконец-то чувствовать, как и я, что женщина договорится с врагом мужского пола без оружия куда быстрее мужчины (если речь, конечно, идет именно о переговорах с бабниками).

Змеиный царь тихо рассмеялся. Уж и не разобрать - шипит или смеется. Покачал даже головой. Черные глаза вспыхнули зеленым колдовским огнем.

- Так хочешь быть с любимым? - словно ни в чем не бывало поинтересовался он.

У Калины заалели скулы, смоляные ресницы дрогнули, прикрывая смущенный взгляд.

Все, богиня. И Дивислав еще смотрит так проникновенно и влюбленно, что хоть сейчас пиши с обоих свадебный портрет.

Забава даже замерла, позабыв про свое мясо. В общем, считай, идиллия.

Царь улыбнулся уголком губ. Холодно, спокойно, но при этом достаточно доброжелательно.

- Я сгожусь?

Забава поперхнулась, я заботливо похлопал ее по спинке, а потом подал чашу с вином. Калина тоже изменилась в лице, Дивиславу удалось сохранить невозмутимость.

Я задумался. Хорошее предложение. Показывает, с одной стороны, великодушие Змеиного царя (не факт, что истинное), с другой... с другой ясно, что как девица она ему не нужна. Очень интересно. Чего ты, змеюка, хочешь?

- Вы окажете нам огромную честь, - подал голос Дивислав, приобнимая Калину за плечи. - Но... чем мы можем заслужить это?

Змеиный царь положил левую руку на стол. Хм, как-то я сразу даже и не разглядел, что возле него почти ничего не стоит. Не голоден? Или же в блюда насовали столько яду, что даже тарелки приставлять к царственной особе негоже?

- Я расскажу, - мягко улыбнулся он. - Когда-то, давным-давно, матушка твоя, Калина, оказала мне неоценимую помощь. Спасла одного из змеиных царевичей. Малые детки, неразумные. Выбрался на камушек, пригрелся на солнышке да задремал. А того, что рядом враг кружил черным вороном, не знал даже.

Но матушка твоя помогла, сумела отогнать злую птицу, на самом деле обращенного колдуна. Пронзила его зачарованной стрелой...

Рукав царя будто шевельнулся. Миг, второй, третий - двинулся, заскользил по столу зелено-золотым телом, сверкая чешуйками, словно капельки воды на солнце. Удлиненная голова была направлена в сторону Калины. Черные глаза змейки, такие же, как и царя, смотрели гипнотически, не давали отвести взгляд.

Калина невольно покачнулась, но Дивислав удержал ее. Взгляд зеленых глаз прояснился. Кивнула только в благодарность.

Змея поднялась перед Калиной и братом. Ее черный и раздвоенный язык затрепетал ядовитым жалом. Даже я почувствовал, что голова идет кругом. С ужасом осознал, что все попытки сопротивляться исчезают без следа.

- Ох... - выдохнула рядом Забава.

- За спасенного царевича я прислал подарок тебе, Калинушка. Живую и мертвую водицу. Ибо и впрямь был благодарен. Только сама понимаешь, что раз водицей воспользоваться смогла, то кровь у тебя не простая, чудесница. Мало такой крови что в ваших, что в наших краях. А потому и попрошу я тебя вот о чем...

Ивы зашумели, мягко, но в то же время с ноткой легкой угрозы, словно предупреждали, что не стоит отказываться от предложений Змеиного царя.

И я понял, что попали мы и впрямь в серьезное положение.

Глава 6. Сказ о Калиновом мосте

А потом из глаз змеи словно хлынула живая тьма. Затопила все кругом, подхватила, словно щепочку, закрутила безумным вихрем. И тело стало легче пушинки, руки-ноги онемели, в голове зазвенело.

Со всех сторон доносились голоса, стоны, крики... Звон стали и леденящее кровь шипение.

Тьма вдруг развеялась, разошлась в стороны смоляными клубами дыма, открывая выжженное поле. Протекающую реку, чья вода из прозрачно-голубой стала красной, как кровь.

Тела убитых воинов покрывали землю, повсюду пылал огонь. Черная туша огромного крылатого змея с отрубленными головами лежала на берегу. Три головы... Значит, один из родичей Горыновых. Только приглядевшись, понял, что не один тут змей-то... Битва была великая. Да в живых никого не осталось.

Над головой ослепительно сверкнула молния, а потом загремело так, что захотелось зажать уши. Только ничего не вышло – руки не слушались.

Прямо над рекой, словно в каком-то чудовищном сне, завис мост из каленого металла. Аж белый весь, смотреть на него больно. И дышать невозможно – воздух опалает невыносимым жаром. И пусть понимаешь, что видишь события прошедших лет, все равно делается беспокойно, а сердце колотится как безумное.

Напоенная кровью река заволновалась, плеснула рубиновыми водами на берег. А потом поднялась огромной волной, накрыла мост от края до края. Донеслось шипение – вода плеснула на раскаленный металл – и вдруг ров заполнился жидким пламенем. Стала вода огнем, забурлила, застонала... и хлынула на берег, поглощая тела убитых.

– Коль нет между вами мира, – прогремел страшный голос с небес, и солнце вдруг закрыло черным пологом, – то и живите в разных углах земли. И моста больше не будет между вами, пока не поймете, что нельзя из-за глупых дразг да жажды власти идти друг на друга с мечом и огнем.

Снова сверкнула молния, задрожала земля, разверзлась с жутким грохотом. Хлынули вниз огненные потоки, унося за собой павших.

– И не будет связи между живыми и мертвыми, какой она была прежде, пока не вернете Калинов мост как был. Только возвращать придется не водой, а кровью. Чтобы поняли: просто так ничего не бывает.

Смутная догадка забрезжила на грани сознания. Неужто я вижу древнюю легенду о Богатыре-Солнце, который до того устал от войн между своими человеческими и змеиными детьми, что решил их наказать, навеки разрушив грозный Калинов мост? По легенде, когда нападал враг, князь людей и Змеиный царь восходили на мост, разрезали свои ладони, сжимали руки крепко-крепко, чтобы кровь могла перемешаться. А потом опускали руки в воду. И тогда река разносила течением заклятие, оберегавшее земли людей и змеев, а мост крепко-накрепко соединял миры живых и мертвых. Последние приходили из умрунских пределов и становились на защиту родной земли.

До сих пор, кстати, в преданиях наших восточных соседей сохранились страшные сказки о том, как глупый и жестокий хан поднял народ и повел его войной, чтобы захватить близлежащие земли. И как поднялось войско мертвецов, небо потемнело от их стрел, воздух наполнился жутким говором, а под ногами проползали черные змеи с горящими адским пламенем глазами. Было войско настолько огромным, что полегли все воины хана.

– Придет враг, – прогрохотал Богатырь-Солнце, – задумаетесь! А пока не найдете путь мира, то стоять тут городу Межанску и сторожить между роду Кощееву!

Ослепительная вспышка больно ударила по глазам. Дышать стало невозможно. Снова тьма окружила со всех сторон, завертела-закрутила и швырнула куда-то вниз.

Некоторое время я не двигался, чувствуя, что болит... все. Дыхание вырывалось из легких со страшным хрипом. Голова раскальвалась, в горле пересохло. Так, что даже вся ругань, которую я был готов обрушить на голову Змеиного царя, сейчас была просто неспособна вырваться.

– Кажется, я перестарался, – донесся откуда-то сверху озадаченный голос царя. – Больше так не буду, честное змеиное.

– Да чтоб ты был здоров, – со стоном выдохнула Калина. – Кто же так в прошлое бросает людей простых?

– Это кто тут простой? – делано удивился тот. – Одна – чудесница, вторая – дочь богатыря, а эти двое

вообще Кощеи. Что-то ты не в ладах с характеристиками, Калинушка.

- А ты с силой, - выдохнул Дивислав.

Я приоткрыл глаза. Так, темные точки, границы размыты, стол вижу с трудом. Еду - тем более. Очень нехороший признак. Кстати, не слишком приятная вещь, но... девушки и впрямь могут спокойнее перенести змеиные штучки, так как их магия не вступает в конфликт с чарами Змеинового царя. Это мы, защитники межи и всего остального, будем упираться до последнего и сразу настораживаться, если где-то почуем какую-то угрозу.

- Ничего дурного не хотел, - неожиданно вполне по-человечески сказал Змеиный царь. - А чем вам долго все объяснять, уже показать сразу лучше. И лишние вопросы отпадут, и никто дурным голосом орать «Не верю!» не станет. Правильно я говорю?

Дивислав что-то проворчал, Калина схватилась за чашу с вином, Забава очень нехорошо посмотрела на Змеинового царя. До меня только сейчас дошло, что из нас четверых она выглядит как-то бодрее всех. Интересно, почему это?

- Правильно, - согласилась Калина. - Только все равно предупреждать надо. А то можно подумать, что так позвал гостей, а потом убить решил.

- Решил, - вдруг ровным голосом сказал Змеиный царь. - Только вот не убить. Дело есть, мои дорогие.

Словно по команде мы все повернули головы в его сторону.

Во-первых, обращение ко всем сразу. Что задумал, старый хрыч? Во-вторых, явно дело на миллион золотых должно быть, раз не поленился нас сюда заманить, не насторожился при явлении двух Кощеев, да и рискнул при них говорить. В-третьих... кто его знает, что там в-третьих, но явно ничего хорошего.

- Ну, слушаем с огромным вниманием, дорогой царь, - пробурчал Дивислав, потирая виски.

Ага, младшего приложило не меньше меня. Так-так, очень интересный феномен. Когда разберемся со всем происходящим и эти двое наконец-то поженятся, а обо мне все спешно позабудут, можно прийти в змеиный край и поизучать магию. Ну, ну, змей любезный, не молчи. Видишь, гости извелись уж все?

- А дело вот в чем, - вкрадчиво произнес Змеиный царь. - Участились в Удавгороде да окраинных землях всяких странные явления. То змеелюды мои пропадают, то заболевают хворью непонятной, что встать не могут, то вдруг вообще память теряют, близких не узнают, дома свои оставляют... Стоит только взойти луне на бархат неба, как можно услышать стук дверей и увидеть пустые глаза, в которых плещется лунный свет. А потом... поминай как звали. Даже следов отыскать не могут. И догнать... - Голос Змеинового царя превратился в жуткое шипение. - Догнать никто не может. Хоть кажется, что идут медленно-медленно, босые ноги едва переставляют.

Я насторожился. А это уже интересно. И как-то... нехорошо. Про луну я уже слышал в одном чудесном месте. Да и своими глазами видел, к чему приводит ее владычество.

- Да и жалобы стала молва доносить. Якобы безобразие всякое делается в людских селениях. Распоясались змеи, стали гадости честному народу делать. И как ты ни борись - ничего не выходит. Забирают людей, утаскивают в края свои...

- Как Леля, - тихо сказала Калина.

Змеиный царь на некоторое время смолк. Внимательно посмотрел на нее.

- И что, поверила ты в это, Калина-чудесница?

- Да сложно не поверить-то, - покачала она головой. - Во всяком случае, отрицать, ничего не зная.

- А подумать-то могла, - заметил он и тут же словно очнулся от собственных мыслей. - Вы кушайте, гости дорогие. А то так вовсе сил лишитесь и без сознания лежать будете.

- Какой заботливый, - проворчала совсем рядом Забава.

Пришлось позабыть о собственном состоянии и обслужить даму. Все не деревенский мужик, надо соответствовать. Дивислав не отставал.

- Что предложить-то хочешь? - спросил он, переведя взгляд на Змеинового царя.

А тот будто и не слышит. Смотрит на Калину, словно съесть собрался - что ему все лакомства на

столе.

- А то и хочу, - сказал он невозмутимым голосом, не отводя взгляда от невесты Дивислава. - Восстановить Калинов мост.

За столом повисла тишина. Напряженная, нехорошая, вязкая. Бери и режь ножом - распадется на сотни шелковых лент. Калинов мост... Что-то мне все это не нравится. Сказано было, что мост надобно возвращать кровью. И, судя по непроницаемому взору, уже даже знает, чья эта кровь будет.

Вокруг Дивислава начал клубиться черный туман. Глаза стали светлыми-светлыми, зрачок исчез, уступив место пустоте и смертельному холоду. Змея, до этого притаившаяся возле блюда с фруктами, поднялась и угрожающе зашипела.

- Ку-ку, - вдруг донеслось откуда-то сверху.

Тишина. Все медленно подняли головы к кронам ив.

- Ку-ку, - загадочно повторилось.

При этом ни у одной кукушки не могло быть такого мерзкого голоса.

Змеиный царь нахмурился, пробормотал:

- Прошу меня простить.

Подошел к стволу ближайшей ивы, недобро прищурился и положил ладонь на ствол.

Величие момента было безвозвратно потеряно. Спрашивать, чью кровь он собрался взять, было уже как-то не с руки. Особенно учитывая, что кто-то нахально за нами наблюдает и еще издевается!

- Мне это подозрительно что-то напоминает, - тихо сказала Калина.

По стволу ивы промчалась зеленая молния, листья возмущенно зашелестели. А потом с диким воплем прямо на руки Змеиного царя грохнулась приличная тушка и заверещала страшным голосом:

- Не трогайте меня, я Бересты Къевские до буквицы знаю, все по закону должно быть! И не щупайте меня там!

- Где? - обалдел Змеиный царь.

Впрочем, мы обалдели не меньше, когда гигантский филин взмыл в воздух и стрелой промчался над столом. Правда, потом одумался и вернулся. При этом нахально ухватил когтистой лапой гроздь винограда, совершенно не изменившись в своей филиньей морде.

- Вася, - охнула Калинка.

- Он самый, - важно кивнул тот, устраиваясь у нее на плече и начиная клевать виноград. - Тут такое дело. Прибыл я не просто так. Кошечья мать послала. А-а-а! Не дергай хвост!

Дивислав покрутил в пальцах выдранное из хвоста наглеца перо и с самым серьезным видом уточнил:

- Так что там касается матери?

- В общем, бедлам у вас там творится, - доверительно сообщил Вася. - А достучаться до вас она никак не могла. - Он покосился на Змеиного царя. - Чары тут стремные. Ой, голова!

А ничего царь. Метко кидает ложками в гадких птичек.

- Так вот, - тем временем продолжил «посланец». - Пришел я не один, а с волколаком. Только вот его охрана не пустила. - Вася покосился на Змеиного царя. - В общем, пропала ваша Зирьяна. Окровавленный серп только остался...

Глава 1. Свадьба

Я мрачно смотрела на свое отражение в зеркале. М-да уж. Рано или поздно все девушки делают это.

- Не верю, - раздался из-за спины голос Василия. - Больше страсти, больше чувств! Ты будто собралась на похороны той вредной родственницы Микулы Радяниновича, а не на собственную свадьбу. Ну кто так делает?

- Ты не прав, - не отводя взгляда от зеркала, сказала я, - конкретно на этих похоронах я б не особо страдала.

- Какая ты вредная, - отметил он, чем-то увлеченно чавкая. - Платье заботливая свекровь подарила, головной убор внимательный тесть подарил. Змеиный царь подарков надарил, ожерелий всяких там, колец, браслетов, серег - ларец целый! Жених глаз не сводит, собака его ластится...

Вот про собаку особенно актуально. Здоровенная образина, состоящая из одних костей, в прямом смысле. Явно из умрунского селения. Да еще и вместо глаз сияет мертвенно-зеленый огонь. И как бы Костяш - да, так зверя называл Дивислав - ни старался выглядеть миролюбиво, все равно ничего не удавалось.

Я отошла от зеркала и села на лавку. Задумчиво посмотрела в окно. Хорош Кощеев сад, ничего не скажешь. Цветов тут разных видимо-невидимо. Дивислав сказал, что занимается этим его матушка. Она, кстати, оказалась обычным человеком. Дочкой кьевского купца. Даже будучи уже немолодой, выглядела прекрасно. Кожа белая, в черных волосах нет и намека на серебро седины. А глаза красивущие, синие-синие, цвета заморского шелка, какой везут с дальних южных островов, поговаривая, что это на самом деле застывшая морская вода, которую богиня бескрайних вод обратила в ткань. Чтобы женщины, которые ее почитают, могли выглядеть так же роскошно, как и их богиня. Вот хотите - верьте, хотите - нет, но бывают и такие богини. Что думают не только о собственной красоте, но и о красоте своих подданных.

Рада умна, расторопна, обладает купеческой хваткой. Это я поняла, когда меня осмотрели, словно товар, оценили, взвесили и едва заметно кивнули. Мол, сынок, молодец. Годится. Веди в светелку, обряжай к свадьбе. С одной стороны, приличной девице надо бы обидеться да в позу стать, чай не ложка на прилавке. А с другой... уж лучше такой вот купеческий подход, чем сказки о вечной любви. Тут хоть все понятно, а с любовью... всегда чревато сюрпризом. Да и не факт, что приятным.

Дверь хлопнула, ко мне влетела Забава. Осмотрела со всех сторон, восторженно захлопала в ладоши.

- Ой, хороша же! Все Кощеевы девицы обзавидуются!

- Не Кощеевы, а межанские.

- Это одно и то же, - отмахнулась подруга.

Сама Забава вырядилась в зеленый сарафан, рубашку с растительно-ягодным узором. Заплела в косы расшитые цветами ленты. Свидетельницей пойдет, рушники будет держать, перед тем как постелить их перед нашими ногами во время обряда.

Я еще раз взглянула в зеркало. У меня-то вовсе и рубаха, и сарафан расшиты жемчугом. Ткань белая что снег. И на ощупь мягкая-мягкая, будто из лебяжьего пуха кто шил.

Каштановые волосы убраны назад, венец переливается камнями драгоценными, на запястьях браслеты серебряные. Рада, купеческая ее душа, все золото предлагала, но я отказалась. Не могу принимать такие дорогие подарки. На венец вон еле уговорили, а то, сказала, не положено. Где это видано, чтобы невеста Кощеева в деревянных бусах замуж шла. А я что? Я бы и пошла. Только вот глупо упираться не было смысла. Скандал, он никому не нужен, знаете ли. Поэтому тут уже и согласилась.

Конечно, в целом на душе тоска, да и только. Неплохо бы, чтобы по-нормальному. А то замуж иду, чтобы силу получить и не пострадать от замыслов Змеиного царя. Он-то, может, ничего дурного и не задумал, только все равно верить не стоит. У этих, высших да древних, всегда что-то на уме. Им простого человека обвести вокруг пальца - все равно что дорогу перейти.

Дивислав, надо отдать должное, вел себя хорошо. Поддерживал меня, вовремя цыкал на интересующихся. А порой и одного взгляда хватало. Как ни странно, никакой злобы я не чувствовала. Неумное любопытство - да. Но не злобу точно.

- Слушай, - вдруг таинственно начала Забава, - а тебе не кажется, что это все странно?

- А ты только заметила? - не сдержала я ехидства.

- Не умничай, - фыркнула она. - Но задумайся: все ведут себя так, словно тебя ждали. Никто не удивился, что Дивислав привел девицу и сказал: «Здравствуйте, это Калина, теперь она будет тут жить».

Вася хрюкнул за сундуком. Ага, вот куда он забрался. Боже, сколько можно лопать? Возникает ощущение, что он вечно голоден!

Я переключилась с мысли о ненасытном филине на сказанное Забавой. Хм, а ведь в этом есть зерно истины. Я-то, со всем этим Калиновым мостом, условиями Змеиного царя и надеждой на то, что отыщем Леля, совсем не задумалась о Кошчевых родителях. Но и правда - никто не удивился!

- Ты хочешь сказать, что Дивислав чего-то мне не говорил?

- Молчал, окаянный, - донесся голос Василия, - а я, между прочим, знаю кое-что любопытное.

- И что же?

В ответ - таинственное молчание. При этом настолько исполненное пафоса, что захотелось немедленно взять сковороду и настучать ему по голове. Только вот сковорода невесте не положена. А жаль.

Забава, словно почуяв мой настрой, деловито подошла к сундуку и ухватила Васю за шкуру.

- Ой-ой-ой, что творишь, окаянная? У меня же душа нежная!

Я невольно улыбнулась. Против ручки богатырской, пусть и девичьей, не попрешь.

- А как душа относится к твоей шкуре, перьями утыканной? - прищурилась Забава. - Ну-ка, быстро рассказывай! И да, прекрати меня своими лапами грязными толкать! Тут шитье дорогое!

- Они не грязные! - возмущенно взвыл он и попытался отбрыкиваться.

Что, конечно, похвально, но очень глупо. Впрочем, об этом я сказать не успела - в дверь постучали.

Мы с Забавой переглянулись.

- Да, войдите! - крикнула я.

Дверь бесшумно распахнулась, на пороге стоял Дивислав. Ой-ой-ой. Весь подтянутый такой, наряд что ночка черная, серебром перевитая. Высокий ворот, руки до запястий скрыты, сапоги начищены так, что и ступать, наверное, в таких совестно-то. Пусть и на собственную свадьбу. За спиной плащ до пят, черный-черный. Волосы цвета воронова крыла спускаются за спину, вместо ленты - узкий платиновый венец с темными камнями. На камни смотреть сладко и страшно: кажется, что там сверкает весь Млечный Путь.

На лице не дрогнет ни единый мускул, глаза - небо осеннее. Но смотришь на него и понимаешь - хорош. Дивно хорош. И имя подходит. И не то чтобы сердце в груди чаще забилось, но однозначно дрогнуло.

«Неужто это все будет мое?» - мелькнула шальная мысль.

И тут же сама удивилась. Ничего себе. Неужто все же умудрилась влюбиться в него? Прислушалась к себе. Хм, вроде бы никаких волнений душевных, сердечных и прочих. Странно. А вот когда на него так Забава восхищенно смотрит, то почему-то внутри словно коготками котеночка царапает. Нет, может, реально эта... как ее... любовь? Вот кто рассказывает про мотыльков да бабочек, а у меня - котятка?

Погрузившись в собственные мысли, даже не сразу поняла, что Дивислав ласково попросил Забаву удалиться. Помог вышвырнуть Васю в окно (не очень ласково) и сел возле меня.

- Калина.

- А?

- У тебя не припрятан кинжал в рукаве? - подозрительно уточнил он.

Вдруг напряжение ушло. Если жених задумывается о таких вещах, значит, с ним можно говорить. И не кидается ни с поцелуями, ни с объятиями. Сидит рядом тихо так, задумчиво. Кажется, и взял бы за руку, но что-то останавливает. А может, сейчас не до этого.

Мысли и впрямь были странные. Но слышала, что перед свадьбой молодым не до ласк да сладких слов. Тут меропрятие ответственное на носу. Все нервничают и переживают, словно князя

встречают. Ну или еще что...

- Нет, не спрятан, - покачала я головой и перевела на него взгляд. - А надо? Так ты сказал бы. А то выйду дура душой. Вдруг там у вас кого зарезать в ходе брачного ритуала полагается?

- Очень смешно, - пробормотал Дивислав.

А полынью-то от него пахнет. И морозной свежестью. Внезапно осознала, что лучше этих запахов никогда и ничего не чуяла. И почему-то захотелось протянуть руку и коснуться его щеки, провести по скуле, спуститься к шее...

Я сделала глубокий вдох. Интересно, жадность и желание присвоить тоже относятся к любви? Или это у меня какие-то побочные эффекты?

Говорила мне матушка, что чрезмерная хозяйственность до добра не доведет!

- В общем, перед тем как мы поженимся, я хочу тебе кое-что рассказать, - ровным голосом произнес Дивислав. - Лучше ты узнаешь это от меня, чем от какого-то доброжелателя. И хоть я не сомневаюсь в твоём трезвом уме и способности оценивать происходящее, но мало ли.

- Мы будем заключать брак или кого-то продавать на невольничьем рынке? - на всякий случай уточнила я, впечатленная вступлением.

- Так, ну не начинай только! У нас нет невольничьих рынков!

- А если найду?

Дивислав закатил глаза. Сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

- В общем, дело так. У Кощеев с женитьбой все сложно. Было время, когда нашим предкам приходилось воровать девиц, ибо добром ни одна из них перебираться жить в Межанск не хотела. Оно и понятно: нынешний город не сравнить с тем, что было. Раньше крепость стояла, ров, да умруны шастали, как к себе домой.

- В общем, картина печальная? - не удержалась я.

- Да, - кивнул он, совершенно не разозлившись, что не слушаю молча. - Сейчас куда лучше. Да и после того, как от человеческих девиц кровь стала вливаться в наши жилы, мы и краше стали, и глазу приятнее.

- И скромнее.

- И это тоже, - кивнул Дивислав. - В семье нас двое - я и Темнозар. Наследником может стать только один. Второй в компенсацию станет бессмертным.

Я молча приподняла бровь. Вот как. Значит, у меня было не совсем верное представление о Кощеях. Оказывается, бессмертие у них не у всех. Как интересно, однако. Буду знать.

- Как ты уже поняла, Темнозар выбрал бессмертие. Но и детей у него быть не может, так поддерживается в природе гармония, - посмотрел на меня Дивислав. - Он полностью занят своими исследованиями, не особо любит людей... да и нечисть тоже. От хозяйственных дел, если они только не связаны с опытами, его тошнит. Работа на общее благо, если в итоге оно не будет его собственным, наводит на него тоску.

- Короче, не брат, а мечта, - протянула я.

- Нет, он хороший. Но вот... такой, - вдруг улыбнулся Дивислав. - В связи с этим мы честно поделили все плюшки нашего рода. Я - наследник. Мне после смерти отца становится хранителем Межанска.

Я кивнула. Хорошо. Так понятнее. Но не тяни, душа моя, а то скоро уж идти к алтарю, а мы тут все беседуем о тонкостях Кошеевого уклада.

- У нашей семьи есть провидица. Не то чтобы она может указывать, что нам делать. Но... бывает, говорит правду.

Рука Дивислава легла на мою. При этом ощутимо так легла. Я удивленно приподняла брови. Это боится, что сбегу? Так это вряд ли: выпрыгивать через окно в наряде до пят очень неосмотрительно. И единственное, что я сейчас смогу, если что вдруг пойдет не так, - завопить что есть силы. А там и Васька примчится, и Забава дверь выломает. Ведь точно же оба подслушивают, знаю я их.

Правда, надо отметить, после нашего знакомства и попытки забраться ко мне в светлицу Дивислав

больше не пытался сделать что-то, что мне бы не понравилось. Нет, симпатию и свои мужские поползновения он никак не преуменьшал. Но при этом вел себя прилично. Или это был обманной ход.

- Лишка... в смысле, провидица, показала мне тебя. Сказала, что ты моя судьба.

Повисла тишина. Только его пальцы сжались сильнее. Да не убегу я!

Лишка, Лишка... Что-то мне не очень нравится это имя. Аж вспоминается родственница старосты, будь она неладна. Больно уж часто любила голосить: «Ой, лишенько!» Надо ли говорить, что после этого обычно ничего хорошего не случалось?

- Поэтому я пришел в Полозовичи. Изначально, не скрою, попытался применить чары обольщения. - Он как-то невесело усмехнулся.

- И как? - подозрительно поинтересовалась я. - Подействовали?

- Знаешь, когда девица, вместо того чтобы броситься тебе на шею, отвечает пощечину, то это какое-то странное воздействие.

- Хм. Пожалуй, ты прав.

- Ты здорово выделяешься среди других, Калинка, - тихо сказал он. - Вроде бы и не против побыть рядом с молодцем. Но в то же время постоянно об этом не думаешь. Живешь сама по себе, мало чего боишься, но и на рожон не лезешь. А еще не проявляешь ко мне особого интереса, что озадачивает и раздражает.

- Это чем же? - уточнила я.

По идее, надо бы разозлиться: пришел же ко мне не потому, что увидел издали, влюбился и помчался добиваться, а из-за того, что какая-то Лишка предсказала судьбу. Но... никак. Внутри царил какое-то странное спокойствие. Негодование вроде бы и теплилось огоньком, но очень слабым и почти безнадежным. Может, все потому, что матушка учила супруга выбирать головой, а не сердцем? Хм, что-то я совсем запуталась.

- Недоступностью, - честно признался Дивислав. - А еще ты мне действительно нравишься. Я тебе не признаюсь в вечной любви, да еще и с первого взгляда, но я в такую и сам не верю. А еще из тебя выйдет прекрасная жена.

- Признание так себе, - отметила я, поглядывая на свои руки, унизанные подаренными перстнями.

Дивислав какое-то время молчал. Потом повернул меня к себе, вплеп пальцы в волосы и прижался к губам. В голове не осталось ни одной мысли, полынный запах окутал, пьяня, наполняя грудь какой-то странной легкостью и радостью.

А губы у него сладкие, и целует так, будто ни одну до этого так не целовал.

- Я не шучу, Калинка, - шепнул он в мои губы. - Мне нужна такая, как ты. Я не богатырь, не герой из дружины князя киевского. Но я своих в обиду не даю. И никогда не дам. А если еще хочешь отказаться, то самое время это сделать сейчас.

Голос будто пропал. Я смотрела в холодные светло-серые глаза и понимала, что первый раз в жизни чувствую себя маленькой девочкой, которая не знает, как поступить. А еще почему-то воля предательски тает, словно воск свечи, и...

- Соглашайся, дура, - просвистел рядом шепот, и раздался щелчок клювом.

Дивислав не изменился в лице, только раздался грохот. А потом донеслось дикое: «А-а-а-а, за что-о-о?» и такое увесистое «бух».

- Ты из какого гнезда взяла это недоразумение? - невозмутимо поинтересовался Дивислав. - Оно ж и в спальню к нам все время будет лезть.

- А ты уверен, что мы будем в спальне? - уточнила я, сбрасывая наваждение.

- А ты нет?

Я ничего не ответила. Надо подумать. Только вот времени как-то нет. Могу, конечно, вернуться домой. Снова жить с Тишкой и Мишкой, гонять Ваську и лечить полозовчан. Только поможет мне это спасти Леля? И с мостом ничего не выйдет, если я вдруг отдам богам душу, когда попытаюсь его восстановить.

- Ну... мне надо подумать.

- Много думать вредно! - отрезал Дивислав.

- Хорошо, я согласна.

Он озадаченно посмотрел на меня. Кажется, тоже не ожидал. Даже глубоко вздохнул и обеспокоенно заглянул в глаза.

- Это, конечно, неправильно, - заметила я, всем видом показывая, что не собираюсь больше обсуждать этот вопрос - все решено. - Обычно, ну... по канонам сказок, легенд и прочего сначала должна быть свадьба, я в тебя влюбляюсь, ты признаешься, открываешь правду. Я убегаю, ты за мной... Находишь аж в тридевятиом царстве, убеждаешь в собственной любви, садишь на коня и увозишь в закат.

- Большой? - вдруг уточнил Дивислав.

- Кто? - изумилась я.

- Закат, - любезно ответил он.

- Очень. Так вот, а потом уж жили они долго и счастливо. А тут все как-то неправильно.

- Зато без лишней беготни, - заметил он. - Но если тебе так хочется, то могу потом свозить в тридевятое, у меня там тоже родня живет.

- Э-э-э... хорошо.

Он поднялся с лавки, мягко потянул меня за собой.

- Пошли жениться.

И снова странная ситуация, когда я ничего и возразить-то не могу, потому что... говорить больше нечего. А Змеиный царь, наверное, и правда там уже уснул... или всех девиц перещупал, с него станется.

Мы покинули светлицу, держась за руки. Забава оказалась неподалеку - делала вид, что внимательно разглядывает портреты Кощеевой родни. Стоило нам поравняться, как аж подпрыгнула, словно не ожидала тут увидеть.

- Ой, простите, задумалась! - проворковала она и бросила на меня быстрый взгляд.

- Идем, - коротко сказал Дивислав.

Вопреки моим ожиданиям, в просторном зале было до неприличия мало народу. Самая значимая фигура - Змеиный царь, окутанный зеленым колдовским пламенем. Кощеевы родители, наконец-то сумела рассмотреть как следует отца Дивислава и Темнозара, - статный властный мужчина в темном одеянии. Ни седины в волосах, ни морщин на лице - только вот глаза смотрят так, что сразу понимаешь, что ему... много лет. И от одного только взгляда становится холоднее. Но смотрит спокойно, даже доброжелательно. Рука с длинными и костлявыми пальцами лежит на плече хрупкой Рады.

Возле них находился широкоплечий русоволосый молодец в простой одежде.

«Это ж Могута, - признала я, - тот самый волколак, который с Васькой в сад змеиный пришел».

Мы с Дивиславом, Забава, Темнозар, хм... Да и все, пожалуй. Странно. Может, у Кощеев не приняты многолюдные гулянья?

- Ты не смотри так, - шепнул Дивислав, словно прочитал мои мысли. - Это не совсем свадьба. Сейчас пройдет сам ритуал, нас свяжет воедино, и ты окажешься под покровительством и защитой нашей семьи. А сам праздник будет потом, как со всем разберемся...

Очень хорошо. Разумно, во всяком случае.

Мы остановились в нескольких шагах от Змеиного царя. Вспыхнуло зеленое пламя, окружило нас изумрудными языками, приласкало кожу нежным жаром.

- Что говорить слова пустые да неверные, - прошелестел его голос. Внутри все сжалось от неведомого доселе чувства. - Обряд нечеловеческий, а потому и правил нет. Есть только твое сердце, Калина, да решение разума твоего. И есть сила твоя, Дивислав, да желание быть защитой и опорой жене своей. А коль по доброй воле да по согласию хотите стать единым целым, то соедините

ваши руки. Почувствуйте...

А руки и так были соединены. Только вдруг кровь превратилась в огонь, пронеслась по венам. Дыхание перехватило, перед глазами словно засверкала целая стена из самоцветов. На какое-то мгновение показалось, что моего сердца касаются пальцы Дивислава, а мои – ощущают биение его.

– И перейдет сила твоя, Калина, напоит чары мужа твоего. А твоя, Дивислав, станет на страже души и тела жены твоей.

Дивислав вдруг оказался непозволительно близко. Его губы коснулись моих, сильные руки скользнули по спине, сжимая в крепких объятиях. Голова закружилась. Самоцветный водоворот подхватил нас и завертел в безумном танце. Стало жарко-жарко, словно меня обнимал и гладил не сын Кощея, а сотканный из пламени бог страсти.

Собственные мысли настолько удивили, что даже захотелось рассмеяться, но было совсем не до этого. Темный зал исчез, не стало рядом ни находившихся там, ни Змеиною царя, ни кого-то другого... существовало только счастливое сумасшествие, сладкие поцелуи и кружащие голову ласки.

– И больше не разлучат вас ни враги, ни друзья, – шипел голос, – и пойдете рука об руку по дороге жизни. Да будет с вами мое благословение... Навсегда. А кто посмеет вред вам причинить, так забудет, как его зовут, и больше никогда не отыщет дороги к вам. И детям вашим тоже передаю змеиную удачу, коль придет беда – приходят пусть ко мне. С этого дня мы друг другу не чужие.

Он, кажется, еще что-то говорил, но я уже не слышала – все звуки смешались в единый шелест-шепот.

Мы оказались на широком ложе. Со стуком разлетелись жемчужины с моего одеяния, не выдержавшие сильного рывка.

– Ты что творишь? – спросила я, только голос не поднялся выше шепота. Да и говорить не слишком хотелось.

Оказалось, что обнаженный Кощей... это... Зря я не смотрела на него раньше! Много потеряла.

– Продолжаю ритуал, – прошептал он мне на ухо, склоняясь ниже.

Черные волосы скользнули вниз, легонько защекотали щеку. Дурманный запах полыни заставил сжаться сердце.

– У вас это первая брачная ночь, – выдохнул Дивислав. – А у нас...

Его ладонь огладила мой бок, замерла на бедре.

– Будешь моей, Калина? – обжег его вопрос мои губы.

– Буду, – выдохнула я, обвивая его шею руками и прижимаясь к губам.

Глава 2. Кровь Калины

Утро выдалось чудесным. Дивислав еще спал. Я села на постели. Осмотрелась. Да уж, весьма уютная спальня. И кровать знатная, дубовая. И постельное белье мягкое, и одеяло славно греет. А супруг рядом спит так сладко, что впору склониться и расцеловать – до того хорош сейчас. До этого все он мне отчего-то старше казался. А сейчас...

Я невесомо провела по его щеке кончиками пальцев. Дивислав сделал глубокий вдох. На губах появилась еле заметная улыбка. Потянулась было к нему, но резко замерла.

Так, что за наваждение?

Вспомнилось, как вчера вела себя, и стало даже немного неловко. Что это на меня нашло? Не Калина-чудесница, а влюбленная девчонка. Ох, беда-беда. Щеки даже запылали, пришлось приложить к ним ладони.

Так, что-то вчера совсем растаяла. Кому рассказать – засмеют. Справедливости ради стоило сказать, что никому об этом докладывать я не собиралась.

Попыталась тихонько уползти с кровати, но меня поймали за руку.

– Куда собралась, жена моя? – спросил Дивислав, не открывая глаз.

Вот же ж чутье какое! И хватка дай боги, так просто и не вырвешься.

– Умываться и в путь собираться, – ответила я первое, что пришло в голову. Но тут же поняла, что это не так далеко от истины.

Вряд ли Змеиный царь будет ждать, пока мы выспимся. Поэтому слишком разлеживаться нельзя. Дело... оно все равно лучше, чем всякие душевные разговоры не пойми о чем. Но Дивислав явно так не считает.

Привстал на постели, серьезно посмотрел. Потом вздохнул и покачал головой.

– Неправильно ты, Калинка, «доброе утро» говоришь.

– А как правильно? – удивилась я.

– Вот так, – серьезно сказал он и, схватив меня в объятия, поцеловал.

Нужно сказать, вдумчиво так поцеловал. Со вкусом. Если это такое доброе утро, то какой же будет день? Ответственный парень Дивислав, ничего не скажешь. Впрочем, углубиться в процесс и дальше поразмышлять об этом нам не дали. В дверь настойчиво постучали.

– Я даже знаю, кому это нейдет, – проворчал Дивислав.

Однако выпускать из объятий меня не спешил.

– Да? – крикнул он.

– Матушка ваша и гость почтенный, Змеиный царь, приглашают вас откусать, – раздался грубый голос. При этом говорили весьма осторожно, будто опасались, что разгневанный сын Кощея проклянет. Или сделает еще какую очень нехорошую вещь.

– Понял, – буркнул Дивислав. – Передай, что придем.

За дверью раздался топот.

– Опять, негодники, подслушивали. Как ни отучивал, как ни насылал почесуху, все равно не могут отказать себе в удовольствии уши греть о чужие двери.

– А кто это? – осторожно спросила я.

– Ушаны, нечисть-прислужники, – вздохнул Дивислав и посмотрел на меня. Но потом нахмурился, видимо, заметив мою подозрительную бледность. – Эй, что не так?

– Эт-то они ночью подслушивали все?

– Не уверен, что это была ночь, – сказал Дивислав с таким выражением лица, что снова захотелось вlepить ему пощечину.

Впрочем, сделать это не удалось, потому что он вовремя перехватил мои руки и снова прижался к

губам.

В общем, к завтраку мы вышли в прекрасном расположении духа. Столовая у них что надо. Несмотря на вроде как мрачный род и все такое, Кощеев дом был на удивление светлым. У Рады везде царил порядок. А тут и за стол дубовый усадили, скатертью белой укрытый. Завтрак, кстати, вполне скромный. Молоко, каша, колбаса домашняя, лепешки, яйца, фрукты да овощи. Хотя вполне прилично, голодным из-за стола никто не уйдет. Да и Змеиный царь сегодня не такой пафосный. Вон, наворачивает деревянной ложкой кашу за обе щеки и выглядит вполне довольным жизнью.

Кошеева матушка сегодня в красном сарафане. Сама румяна, хороша – загляденье, а не женщина. Впрочем, оно и понятно. Все же материнская кровь видна и в Дивиславе, и в Темнозаре. Правда, в Дивиславе сильнее. Он куда краше своего старшего брата. Небось был любимцем и баловнем в семье.

– Милая, не спи, – ласково шепнул Дивислав и легонько локтем подтолкнул меня в бок. – Тебя спрашивают.

Я моргнула и перевела взор к Змеиному царю, который действительно что-то сказал. Рада только хихикнула в кулак. Я оторопела. Вот это да. Уж от кого от кого, а от нее не ожидала такой реакции.

– Да-да, – робко опустила я ресницы. – Вы что-то сказали? Простите, задумалась.

– Замечталась, – улыбнулся Змеиный царь. – Уж не про ночь ли вчерашнюю?

Мне, кажется, полагалось засмущаться. Или робко улыбнуться и спрятаться за спину мужа. Но пальцы рефлекторно сжали ложку. Нет, я не собиралась ей стукнуть Змеиного царя в лоб, но...

Дивислав мягко накрыл мою руку, тут же пресекая все попытки использовать столовый прибор не по назначению.

– А про что мечтает моя молодая супруга, позволь, о царь, знать только мне, – сказал он с ослепительной улыбкой. – Сам же благословил на жизнь долгую да славную. Вот и выполняем...

Я только величественно кивнула. Змеиный царь, если б мог, закатил бы глаза. Однако количество Кошеев за одним столом явно преобладало. Хм, что же это теперь получается? Я тоже из семьи Кошеев?

– Умыл, – наконец-то сказал он. – Ну да ладно, голубки. Свадьба – дело хорошее, брачная ночь – тоже. Но пора бы и к делу приступить. Калинов мост сам себя не восстановит.

– А Лель сам себя не найдет, – подсказала я.

– И Горыныч тоже, – кивнул Дивислав. – Что предложишь?

– После завтрака отправимся в одно из древних мест.

И, заметив, что Рада нехорошо сощурилась, Змеиный царь добавил:

– Не беспокойся, хозяйюшка, место в Межанске. Оттуда мне легче будет чарами дотянуться. Да и лучше его тут и перекинуть. Змеиные пределы будут далековато, а загонять в человеческие – глупо и неосмотрительно.

Я молча слушала. Змеиный царь хочет моей крови.

Вообще-то спасти мир в мои планы не входило. Но судьба-шалунья всегда вносит в нашу жизнь что-то новенькое. Змеиный царь явно был в прекрасном расположении духа. Шел, окаянный, рядом, с шипением насвистывал какой-то мотивчик. При этом весело, будто мы на полянке собрались праздновать наш брак с Дивиславом. Ну или какой местный праздник.

Под ногой хрустнула веточка, где-то над головой застрекотали птицы. Дятел усердно стучал по стволу, не обращая внимания на меня, царя и Дивислава. Свекровь хотела пойти с нами, однако ей запретило. Меня, конечно, удивляло, что Темнозар не увязался следом – ему-то должно быть интересно. И в то, что послушался Змеиного царя, тоже вовек не поверю. Кощей и послушание – вещи несовместимые.

Лес межанский, кстати, даже похож на наш. Только все же постарше будет. И деревья потемнее.

– Ну как? – вдруг спросил Змеиный царь. – Настроилась?

Я пожала плечами. Тут что настраиваться – делать надо.

Обманчиво прекрасный лес не давал полностью ощутить торжественность момента. Да и Змеиный

царь насвистывал незатейливый мотивчик, словно решил просто проводить меня по хорошей тропинке, чтобы там сарафан не примяла да косу не растрепала.

Дивислав шагал рядом. Молча слушал нас обоих и не перебивал. Судя по выражению лица, совершенно не одобрял происходящее, но не решался это озвучивать, так как понимал, что меня не переубедить.

Так, ну вот мы вышли к берегу реки. Очень хорошо. Почему-то она сильно напоминает ту самую, через которую мы прибыли в гости к Змеиному царю. Что-то мне это совсем не нравится.

- Не смотри так, Калина, - вдруг подал голос Дивислав. - Везде, где можно перейти из одного мира в другой, текут реки Межи. Выглядят словно близнецы.

- Мир людей и змей настолько разнится? - уточнила я, запоздало сообразив, что супруг словно ответил на мои мысли.

- Змеи ближе к мертвому, чем люди, - невозмутимо сказал Змеиный царь, поддев носком сапога мелкий камушек и отправив его в воду. - Поэтому, по сути, не относимся ни к тем, ни к другим. Межанск - это граница, но и мои земли тоже, можно сказать, находятся на границе. Поэтому и реки тут почти одинаковые. Или же... - Он повернул голову, в глазах вспыхнули изумрудные искры. - Тебе нужна именно та река?

- Не говорите глупости. Если пришли, то скажите, что делать...

- А то гора дел: друга спасти, Горыныча вызволять и муж еще некормленный? - поддел Змеиный царь.

- Совершенно верно, - непроницаемо ответила я, сжав запястье хотевшего было возмутиться Дивислава. - Я нынче женщина замужняя, потому все расписано.

Змеиный царь улыбнулся, тонко так, немного ехидно и в то же время с одобрением. перевел взгляд с меня на супруга.

- Это, конечно, не любовь, друг мой. Но жена - прекрасная. И вообще брак по расчету однозначно решает.

И, не дав нам взразить, он резко развернулся к реке и вскинул руки.

Земля под ногами задрожала, вода заволновалась и поднялась огромными волнами. Я невольно шагнула назад. И тут же перед глазами все вспыхнуло нереально яркими красками. Пронзительная зелень травы и листья, янтарная желтизна песка, синь воды. Дышать стало сложнее, воздух вдруг показался хмельным, вкусным... невозможно надыхаться.

Я пошатнулась; Дивислав подхватил меня, не давая упасть.

Со всех сторон лилось змеиное шипение. Тягучее, леденящее кровь, чуждое. Змеиный царь шептал заклятие на своем языке, тянулся сквозь века и чары к чему-то древнему и нечеловеческому.

Уши вдруг заложило, по глазам ударил ослепительный свет. Я хрипло выдохнула. Какое-то время казалось, что ничего не происходит; все ощущения вмиг куда-то пропали. Сердце бешено заколотилось, еще чуть-чуть - и разорвет грудную клетку.

Я начала задыхаться, перед глазами пошли темные круги.

- Успокойся, я рядом, - шепнул рядом Дивислав.

И тут же по венам будто потек жидкий огонь. Меня бросило в жар, на лбу выступила испарина. Но я смогла сделать вдох. Сердце все так же стучало, но теперь было легче.

Река вдруг в мгновение ока вышла из берегов, залила все до горизонта - лес исчез, будто никогда не было. Я смутно понимала, где мы стоим.

Змеиный царь все шептал заклинание. Солнце померкло, небо затянуло свинцовыми тучами. Раздался чудовищный грохот. А потом откуда-то налетел холодный ветер, пробирающий до костей. Я прикусила губу, чтобы не вскрикнуть. Только жар Кошечевой силы, текущий по венам, не давал превратиться в ледышку.

Сверху медленно и величественно начал опускаться громадный мост из каленого железа. Он был таким огромным, что мог запросто перекрыть реку. И широкий... боги, какой же широкий... Вот уж точно мост между мертвыми и живыми. Только на такой и становится страшно.

- Калина, дай мне руку, - прозвучал, разрезая возникшее напряжение, голос Змеиного царя.

Я подалась к нему, но Дивислав удержал. Миг – оба, Кощей и Змей, посмотрели друг на друга.

– Ты обещал.

Я не видела, чтобы дрогнули губы одного из них, но прекрасно поняла, что это слова царя.

Дивислав помедлил, но потом сделал шаг вслед за мной, при этом не думая выпускать запястье.

– Дай ему руку, любовь моя.

Хвост мой чешуйчатый, боги пресветлые и роскошное тело Доли! Вы тут еще поцелуйтесь! Честное слово, чтобы я еще раз позвал кого-то из молодоженов. А ведь до этого казались вполне приличными людьми. Калина вела себя примерно, Дивислав вроде бы тоже. Никаких жарких чувств я не наблюдал. И тут вам здрасте. Видимо, правду говорят, что Кощеев брачный ритуал до добра не доводит. И она уже на него чуть иначе смотрит, и он как-то не так.

Только сейчас было не до этого. Земля под ногами подрагивала, звала тысячей голосов. Калинов мост, пропитанный кровью девушек и парней, людей и змеелюдов... Каждый из них пытался вложить нечто свое, помочь хоть как-то сплести невидимое глазу простым смертных заклятие, которое сможет войти в мост и удержать его в Межанске. Я не сказал всей правды. Калина не была спасительницей мира. Единственной, неповторимой, всемогущей и так далее и тому подобное... Терпеть не могу этих глупостей. Тут даже богатыри и всякие гады ползучие – в смысле, мои бесценные подданные – по одному не ходят. Ибо как бы то ни было, а великие дела в одиночку не вершатся.

Калина вложила свою ладонь в мою. Холодная вся, взгляд немного испуганный, хоть и старается сохранять лицо. Не переживай, красна девица, не съем.

Несколько секунд ничего не происходило. Миг – я чиркнул по ее запястью удлинившимся когтем. Калина стиснула зубы, побледнела вся. Дивислав чуть нахмурился, приблизился к супруге, положил руку на ее плечо.

– Позже, – бросил я, потянул за собой Калину и шепнул ей: – На мост стань.

Все произошло настолько быстро, что сын Кощея не успел среагировать, а Калина подчинилась.

Ее ступня и капля крови с запястья коснулись моста одновременно. Металл тут же загудел, по его поверхности пополз багрово-огненный узор. Вспыхивала-оживала кровь тех, кто жертвовал частью себя для будущего.

Вокруг засверкал яркий свет. Еле слышно ругнулся сын Кощея. Безумный ветер рвал с нас одежду, трепал волосы, хотел сбить с ног. Я вцепился в запястье Калины, но она только судорожно выдохнула. А на ногах держалась крепко, не думая падать в обморок.

Кровь медленно стекала по ее запястью, а ветер не утихал. Откуда-то издали раздавался вой. Потом – топот копыт.

– Это что еще за... – донесся голос Дивислава.

Призраки прошлого, мой друг. Мало приятного, но ничего не поделать.

Словно подернутые кроваво-алой дымкой, по мосту понеслись призрачные всадники. Калина вскрикнула.

– Они не причинят вреда, – шепнул я. – Всего лишь прошлое, которое не обрело покоя.

Она все же зажмурилась. Оскаленные лица змеелюдов и полные мрачной решимости человеческие. Мечи в руках, развевающиеся на ветру знамена. Даже слышно заунывный и низкий клич боевого горна.

Дивислав внезапно ухватился за руку Калины. Я не сразу понял, что пошло не так. А когда сообразил, то на лбу выступил холодный пот.

– Дурак, – прошипел, соображая, как выкручиваться. – Не смей, тебе же нель...

– Хуже не будет, – хрипло шепнул Дивислав.

Удар невероятной силы сшиб меня с ног. Спинай я впечатался прямо в широкий ствол дерева. По телу прошла волна боли, на миг ослепив и оглушив.

А потом вдруг раздавался мерзкий незнакомый хохот.

- Нет! - слабый вскрик Калины подхватил ветер и унес далеко-далеко, смешав с собственным диким завыванием.

Магия не слушалась, не выходило даже шевельнуть пальцем. Сделал усилие, однако вместо этого к горлу подкатила тошнота, а разум ушел в небытие...

...каждый вдох давался с болью. Да, с болью. Но ударился я спиной, а тут беда с ребрами. Вывод: странно.

Прохладная ладонь легла на мой лоб, провела по волосам.

- Не верю, - прожурчал самый прекрасный на свете женский голос.

- Что бы ты понимала, - проворчал я, чувствуя, как в тело влилась сила. Боль исчезла.

Я открыл глаза, но принимать сидячее положение не спешил. Прислушался. Так, птицы поют, ветер... обычный вполне, не тот, что был совсем недавно. Даже речка миролюбиво журчит. Все вроде бы почти хорошо.

Возле меня сидела Доля. Красивая и немного строгая. На миг даже залюбовался, позабыв, что мне сейчас совсем не положено думать о красе Доли, а лучше бы задуматься над произошедшим.

- Понимаю, - не смутилась она. - Жалею, что вовремя не успела. Не думала, что может что-то пойти не так. Неужто ты не смог контролировать силу?

- Я контролировал, - буркнул, поднимаясь и садясь.

Так, магия снова на месте, поток силы восстановился - Матушка Земля и волшебство Долюшки творят чудеса.

- Я заметила, - сурово сказала она. Голубые глаза потемнели, стали словно июльское небо в безумно жаркий день, когда и тень облачка не смеет коснуться даже края горизонта. - Что произошло?

Я медленно поднялся и посмотрел на реку. Прелестно. Волны текут спокойно и размеренно, на берегах ни следа от произошедшего. Чудны леса межи, однако. Какой бы сильный выплеск чудеснических сил ни случился, все красиво спрятано. Я даже невольно позавидовал. Попытался прочувствовать хоть отголоски - ничего не вышло.

Доля подошла ко мне. Не глядя мне в глаза, снова задала вопрос:

- Что здесь произошло?

- Непредвиденная ситуация, - доверительно сообщил я. - А еще младший Кошей явно не страдает переизбытком разума.

Она нахмурилась.

Я понял, что стоит переходить к делу, как бы мне этого ни хотелось.

- Кое-кто решил погеройствовать и сбил все, что только можно было.

Чуть не вздрогнул, когда вспомнил, как тыльную сторону моей руки обожгла кровь Кошея. А потом и началась неразбериха.

- Дивислав решил помочь супруге и добавил своей кровушки на Калинов мост. Мало того что я не ожидал такого, так и... мост тоже не ожидал. Все снесло в один миг, а меня отшвырнуло боги знают куда.

Я потер поясницу, наглядно показывая, какое место при этом еще и пострадало. Доля почему-то не прониклась моими страданиями. Вот же жестокая женщина.

- Хуже всего то, что я теперь понятия не имею, куда делись Калина и Дивислав. И кто так мерзко хохотал, когда...

- Хохотал? - уточнила Доля и наконец-то посмотрела на меня.

- Да, - кивнул я. - И при этом я не смог разобраться, был это мужчина или женщина.

- Придумали уже, что скажете Кошеем-старшему и Раде? - раздался за спинами хриплый голос. Достаточно противный и скрипучий, словно разламывали старую сухую ветку.

Мы обернулись одновременно. У ствола дуба стояла женщина без возраста. Черные волосы

спускались до талии. Мешковатое льняное платье невзрачного серого цвета скрывало фигуру, оставляя обнаженными только щиколотки да босые ступни. Узкий обруч из почерневшего и поцарапанного серебра удерживал волосы, оттеняющие бледную кожу некрасивого лица. На узких губах была недобрая улыбка, ехидная такая. Черные глаза, словно ягоды терна. И когда смотрит, даже немного не по себе делается. Хоть со змеиным взором мало кто сравнится.

- Нет, - честно ответил я. - Вот по дороге и придумаем. А ты поможешь. Правда, Недолюшка?

Она сделала вид, что не услышала. Вот вечно так. Перевела взгляд на сестру, чуть прищурилась. Доля спокойно выдержала ее взгляд. Она, в отличие от меня, никогда не испытывала такого раздражения при виде своей темной половинки.

С давних пор повелось, что Доля и Недоля неразлучны. Ибо не может быть все время хорошо или все время плохо. Поэтому сестры следят за гармонией в мире. И периодически то одна сыплет щедроты и божественные дары, то другая - недуги и невзгоды.

В принципе, ничего страшного в делах Недоли не было. Не могут же все быть богами добра и радости. Но все же я ее недолюбиваю. Исключительно из благородных порывов и чувства прекрасного, которое вещало, что все люди братья и жить надо в мире... Ну хорошо-хорошо, просто она мне не нравится.

- И что ты в нем нашла? - поинтересовалась Недоля своим неприятным голосом. - Слов много, дел мало. Или тебе мало людской болтовни, что еще и на змеиную потянуло?

- Ну, уж все равно получше твоей будет, - оскорбился я.

- Перестаньте оба, - мрачно велела Доля. - И так уже неприятностей полное лукошко, еще тут надо думать, что сделать, чтобы вы не подрались.

- Ни за что! - ответили мы хором с Недолей и недовольно переглянулись.

Повисла тишина. Слышалось только, как пели птицы. Доля вздохнула и направилась к тропке, по которой мы шли сюда с Кошечевой четой.

- Идем, все равно нет смысла стоять, будто идола на капище.

- Значит, Дивислав устроил самодеятельность, - цокнула языком Недоля, следуя за сестрой.

- М-да, а новости распространяются быстро, - философски заметил я, шагая за богинями.

При этом не оставалось ничего другого, кроме как заложить руки за спину и идти с совершенно невозмутимым видом. И откуда только узнала? Про себя я, конечно, восхитился расторопностью слуг Недоли, но в то же время отметил, что надо бы тогда и со своими что-то делать. Ибо так дальше не пойдет. Может быть, Темнозару предложить вывести каких-нибудь существ, которые смогут мотаться со скоростью света и чуют всякие недобрые вести за множество верст? Он оценит, запретя в своих подземных покоях и будет днями и ночами напролет работать. А я уж помогу с материалом и...

- Хорошая весть под лавкой лежит, а плохая по дорожке бежит, - проворковала Недоля. - Поэтому пора бы уже давно перестать удивляться.

- Еще бы без тебя бежала, вообще б замечательно было, - заметил я.

Недоля улыбнулась, повела плечом. Правда, получилось не кокетливо, а... жутко.

Некоторое время мы шли молча. Мне не давало покоя место, куда могли исчезнуть Калина и Дивислав. Вот же ж... Нехорошо, конечно, будет, если с ними грохнулась и часть моста. Его потом вообще не собрать. Хотя такое вряд ли произойдет, но надо быть готовым ко всему. Будучи в Межанске, мы не сумеем выяснить ничего толкового. Значит, хочешь или нет, а надо обращаться к тому, кто все видит и все знает. За это по головке не поглядят, но дело и впрямь серьезное.

Не хотелось признавать, что у меня такого провала еще не было. Но факты говорили сами за себя.

- Что примолкли? - подала голос Доля, останавливаясь и глядя на виднеющийся невдалеке дом Кошечев.

- Думаем, - мрачно ответил я.

Недоля качнула головой; звякнули длинные серьги из почерневшего серебра.

- Если с таким лицом думают, то тогда я богиня любви.

- Сестра... - начала было Доля.

- Ну, готовьтесь. Сейчас Рада будет нас убивать, - осветил я ближайшие события.

А дальше... дальше можно и к Богатырю-Солнцу наведаться. Если, конечно, матушка Дивислава и Темнозара оставит на мне живые места.

Глава 3. Лель и Ткачиха

Сказать, что я не ожидала такого поворота событий, – ничего не сказать. Там, у моста, соображала весьма туго и не могла никак контролировать процесс. Чего только стоил огромный поток безумных чудеснических сил, прошедших через тело! Выглядевшие как призраки, древние воины – на самом деле вместилища огромной энергии, спокойно дремавшей, пока Змеиному царю не пришлось в голову ее разбудить.

И все вроде было даже не так плохо. Я понимала, что ритуал все же непростой и малой кровью не отделаться, но тут Дивиславу взбрело в голову проявить благородство. А может, что-то другое – не знаю.

Сейчас, глядя на его порезанную ладонь, обгавленную темной кровью, поняла, что произошло на самом деле. Поэтому молча перемотала руку супруга оторванным от нижней рубахи лоскутом ткани, затушила в зародыше устроить скандал на предмет: «Ну и какого лешего?» и стала думать думу.

Потому что со светлого, пусть и полного стихийных сил, берега реки мы переместились в мрачное, сырое и крайне неприятное помещение. Окон нет, дверь одна, и та почему-то – решетка. Свет доносится откуда-то из коридора. Звуков нет, запахи... пыль, мокрый камень, подгнившая солома. Хотя не разобрать же. Высохшая трава какая-то, даже я так сразу не пойму.

– Где мы?

– Видимо, в темнице, – озвучил очевидное супруг. – И довольно мерзкой. Но даже тут и с растрепанной косой ты выглядишь очень мило.

– Нашел время сладкие слова рассыпать, – фыркнула я, но все же неосознанно поправила волосы.

И только сейчас сообразила, что без проблем сделала Дивиславу повязку. Да и неплохо разглядела стены. А ведь света почти нет...

– Что-то не так? – мягко поинтересовался он, положив руку на мое плечо.

Я поколебалась, не зная, что сказать. Но потом решила, что таинственным молчанием только навлеку беду.

– Ты не поверишь, но я стала видеть в темноте, – пробормотала, еще раз покосившись на решетку.

– Почему не поверю? – В тоне Дивислава прозвучало такое неподдельное удивление, что я посмотрела ему в глаза.

Хм, и правда – удивлен. Не наигранно.

– Это же вполне нормально, – сказал он так, словно тьма – это то же самое, что и дневной свет. – Все Кощеи видят в темноте, это естественно. А еще у нас есть истинное зрение. Но тебе пока с ним не сладить, тут время нужно.

– Подожди, откуда у меня появились ваши способности?

Получалось что-то странное, честное слово. Обычно все чудеснические и прочие способности передаются от матери к ребенку. Ну или от отца, зависит от мощи и рода. А тут... Неужто от мужа перешло?

– Ритуал бракосочетания, – занудно проговорил Дивислав, словно решил уподобиться своему старшему брату. – Кощеи – завидные женихи вообще-то, душа моя. Часть наших сил переходит вторым половинкам. Просто выдержать могут не все. Но, как видишь, тьма тебе уже не страшна.

Задать следующий вопрос, с какого ему захотелось погеройствовать, я не успела. Как и обдумать сказанное. Потому что раздался странный звенящий звук из коридора, и вдруг повеяло холодом.

Напрягшись, я сделала шаг к супругу. Он тут же взял меня за руку и крепко сжал.

Так или иначе, к нам кто-то приближался. Шаги тяжелые, звон как эхом от каменных стен отлетает и... будто шепот какой-то. Кто и что говорит – не разобрать.

За решеткой появилась сотканная из серебра фигура. Стало еще холоднее. Я даже позавидовала Дивиславу, который стоял с таким видом, будто вообще ничего не чувствовал.

Сквозь туманную пелену сложно было что-то разобрать. Но мне почему-то показалось, что это женщина. Вот только старая или молодая – не понять. Лица совсем не разглядеть. На груди вот

будто множество жемчужных ожерелий, а запястья украшены широкими серебряными браслетами. И руки! Руки видно-то! Длинные пальцы, изящные ладони, кожа белая-белая, нереально гладкая. А потому и кажется неживой, нечеловеческой.

Закралось нехорошее подозрение, что эти руки ничего хорошего на своем веку не сделали.

- Так вот какие вы, нарушители покоя моего, - сказала она голосом, подобным звону хрустальных колокольчиков. Только вот колокольчиков, которые звенят в печальное время и никогда не знали веселых песен.

Удалось рассмотреть белоснежные косы, перевитые серебряными лентами, спускающиеся почти до пола. Даже платье сейчас можно разглядеть - ткани такой никогда видеть не приходилось. Тонкая, невесомая, будто созданная из горного тумана, по которой скользят перламутрово-белые ручейки. Усыпанный драгоценностями пояс, самоцветные ожерелья на груди. Высокая двурога кика, украшенная жемчугом.

- Звучит очень громко, только вот мы тут не по своей воле оказались, - спокойно ответил Дивислав. Он тоже рассматривал прибывшую с интересом, однако, кажется, совсем не с таким, как я. Ибо обычно так глядят на то, что когда-то мельком видели. Ну или хотя бы много раз слышали.

Порыв ледяного ветра заставил поежиться. При этом одежды и волосы незнакомки так и не шевельнулись. Стоит, как ледяная скала. И лица не разглядеть, туманом серебристым скрыто, будто вуалью.

- Лжешь. - Сквозь туман вдруг на миг показалась холодная и жестокая улыбка. - Ведь лжешь же, красный молодец.

- Но я... - нахмурился Дивислав.

Решетка задрожала, покрылась коркой льда. Незнакомка хищно прищурилась, кажется, туманная вуаль наполовину исчезла.

- Не важно. Здесь вы и останетесь. Навсегда. Ибо слишком много путаетесь под ногами.

С этими словами она вскинула руки. Блеснула ослепительно белая молния, кольцом взявшая ее запястья. Тут же мои ноги заledenели, стало невозможно сделать и шагу. Опустив взгляд, с ужасом обнаружила, что ступни в сапогах из резного льда. Увиденному верить не получалось, но скорость, с которой немели конечности, не давала возможности посчитать ледяные сапожки видением.

- А ей идет, - расхохоталась эта зараза. - Ну, я пошла, счастливо оставаться!

Как она ушла, я уже не смотрела. Куда больше занимали собственные ступни. И не только. И пусть Дивислав кинулся ко мне, Кошечевы силы сразу не помогут. Чутье подсказывало, что нужно что-то делать самой.

Делать неожиданно не хотелось. Зато куда больше тянуло хлопнуть носом и, наверное, рыдаться. Хм, что это со мной такое?

Разозлившись на собственное малодушие, мысленно собрала все чудеснические силы и направила их к ногам. Алые искры вспыхнули, рассыпались горящими шариками по полу темницы.

- Ай! - Дивислав отдернул руку и зашипел. - Обжигает же!

Хотелось сказать что-то едкое, но вдруг кольнула обида. То есть обо мне он не думает, а ему горячо! Да я его...

- Вы тут решили ночевать, что ли? - раздался до одури знакомый голос.

Резко повернув голову, я встретилась взглядом со светло-серыми глазами Темнозара. И даже на некоторое время позабыла о собственных горестях. Старший братец Дивислава стоял возле решетки, сложив руки на груди. Смотрел свысока и явно не собирался помогать. Из чего я сделала вывод, что Темнозар как-то не очень высокого мнения о женщинах.

Так, собратья. Надо собратья.

- А если вдвоем и одновременно, то у вас получится куда лучше, - занудно уточнил Темнозар. - Это же совсем не сложно, почти как делать детей.

Мы одновременно посмотрели на него.

- Ну... будете же, - хмыкнул он. - Когда-нибудь.

Внизу раздалось шипение, и я с удивлением поняла, что один сапожок потерял прежний вид и обзавелся дырками.

- Направь всю силу сюда, - спокойно велел Дивислав. - А я пушу свою. Эта вредина права.

Снова собрав всю волю, я направила силу в нужное русло. И тут же ступни обожгло, и с губ сорвался вскрик. Успела разглядеть, что кисти Дивислава окутало алым светом с прожилками черных искр.

Краем глаза удалось заметить, что Темнозар довольно ухмыльнулся. Правда, при этом не сдвинулся с места. Как он вообще тут оказался? Неужто мое подозрение, что за нами кто-то следует, было полностью верным?

Пока я размышляла над тем, как сюда попал новоявленный родственник, Дивислав подхватил меня на руки.

- Нечего стоять в луже. Еще неизвестно, каких чар туда намешали.

- У нас решетка, - напомнила я, обвив его шею руками.

Он только презрительно фыркнул, перехватывая меня удобнее.

- Неужто думаешь, что я не вижу?

Ответить не успела - решетку охватило ослепительное пламя, земля дрогнула, и спустя миг Дивислав вынес меня из камеры. За спинами тут же все закрылось, будто возникла ледяная стена.

- Совсем не изящно, - прокомментировал Темнозар. - Такие древние методы работы, что аж дурно делается.

- Как ты тут оказался? - пресекла я дальнейшие разглагольствования.

Коридор, кстати, выглядел куда приятнее камеры. Достаточно широкий, такой, что могут пройти рядом три, а то и четыре человека. Из светлого камня, с высоким потолком и странными веретенообразными символами на стенах. Я нахмурилась, пытаюсь понять, что тут раньше было. Камера вообще словно не отсюда. Может быть, такого уровня морок и чары? Но тогда это невероятная сила созидания, раз морок не только зрение обманул, но и осязание, и обоняние.

- Видишь ли, моя старая знакомая, именуемая Ткачихой, была столь любезна, что распахнула ход в свою мрачную обитель как раз в тот момент, когда твоя кровь и Дивислава соединились и оказались на Калиновом мосту. Но так как во мне и в твоём супруге кровь течет одна и та же, то и меня унесло сюда.

Деталей истории я не знала, но в общем картина ясна. Про Ткачиху Дивислав рассказывал еще во время нашего пути в Удавгород. Хозяйка того странного места, где пропадают мужчины.

Хороший вопрос: как мы тут оказались? И безумно важный.

- Вместо того чтобы говорить, смастерил бы обувь, - неожиданно подал голос Дивислав.

Темнозар перевел взгляд на него, потом на мои босые ноги. Явно хотел отпустить какой-то ядовитый комментарий, но неожиданно сдержался. Сделал шаг к нам, коснулся длинными сильными пальцами моих щиколоток. Ступни снова окутало янтарным смерчем. Кожу начало немножко покалывать. Я невольно охнула. Через миг на мне красовались мягкие кожаные сандалии. Непривычные для полозовчан, уж скорее удавгородского покроя.

- Годится? - спросил он брата, приподняв бровь.

- Да.

При этом моим мнением интересоваться не собирались. Но толком возмутиться не получилось, потому что дареному коню, то бишь обуви, на подошву не смотрят.

Супруг аккуратно поставил меня на ноги. Темнозар стоически вытерпел все и объявил:

- А теперь делаем ноги.

И пусть предложение было подано не слишком мягко, но тем не менее правильно.

- Ты знаешь, куда идти? - уточнила я, еще осваиваясь в наколдованной обуви. Кстати, ощущения весьма приятные. Хм, надо это учесть. Если вдруг нас выгонят из Кощеев, то пусть идет в сапожники. А я буду подмастерьем и приносить отвар, пирожки, табак. Ну а что? Надо же как-то

приспосабливаться!

За этими мыслями я упустила, как мы свернули направо и оказались перед весьма крутым спуском.

- Смотрим внимательно, сами видите, какие тут ступеньки.

Ступеньки узкие, изъеденные временем, частично вообще разрушенные.

- Здесь выход? - осторожно поинтересовался Дивислав, крепко сжимая мою руку.

- Здесь кое-что поинтереснее, - неожиданно улыбнулся Темнозар. - И, думаю, вы оба сейчас это оцените.

Спустились довольно быстро. Видела я и впрямь куда лучше, чем обычно. Так еще и Дивислав не дал соскользнуть, вовремя придерживая или подхватывая под локоть.

- Я очнулся раньше вас, - тем временем сказал Темнозар. - Да еще и в помещении, где однажды бывал. Ткачиха была столь любезна, что даже перекинулась со мной несколькими словечками. Малоприятными, нечто вроде: ой, я так рада тебя видеть, что прям не знаю - загрызть сейчас или попозже? Но... обошлось. Дождавшись, пока она уйдет, я выскользнул тем же способом, которым пользовался в прошлый раз. Только вот оказался не в лесу, а снова в горе. И кое-кого...

- Калинка! - вдруг раздался голос, от звука которого я замерла как вкопанная.

Нет, не может быть. Как он тут оказался?

Спустившись с последней ступеньки, мы оказались на небольшой круглой площадке. Здесь было несколько проходов, затянутых льдом. Так же, как закрылась наша камера, стоило только ее покинуть.

Но ко мне, прямо в середину площадки, ступил... Лель. Знатно заросший, обзаведшийся приличной бородой, в потрепанной одежде, но целый и невредимый. Вмиг сгреб меня в охапку, не дав даже пискнуть.

- Живая, здоровая! - радостно затараторил он, осматривая меня со всех сторон. - Боги одни знают, как я за тебя волновался, а сделать ничего не мог.

- Эй-эй, уважаемый, - нахмурился Дивислав и попытался вытянуть меня из крепких объятий друга. - Будьте аккуратнее, все же чужую жену тискаете - не свою.

От неожиданности Лель отпустил меня, а я закашлялась. Но стоило только посмотреть на недовольного Дивислава, то сразу стало понятно: еще чуть-чуть, - и Лелю несдобровать.

- Я ее с детства зна... - начал было тот, а потом посмотрел на меня: - Как - жену? Что тут происходит?

- Долго объяснять, - отмахнулась я. - Я замужем за Кощеем, Кощей вот один стоит перед тобой, второй - за тобой. Все вместе мы искали тебя, одну гадину и пытались помочь одной древней змее.

- Чую, речь идет о моем дальнем родственнике, Змеином царе, - произнес еще кто-то.

Появился рослый и широкоплечий мужчина. Вроде и человек, а глаза зеленые смотрят так, что кажется: слышится змеиное шипение. Скользит по руке чешуя, щекочет обнаженную кожу острый кончик хвоста. Кожа у него белая, волосы каштановые, одежда простенькая вроде, но видно, что материал отличный, возможно, даже заморский. И шито славно.

- Горыныч? - Дивислав подал голос, внезапно севший и охрипший. Даже шагнул вперед, словно не верил своим глазам. А потом приблизился к другу, хлопнул по плечу.

Тот недовольно зашипел.

- Он, - резюмировал Темнозар. - Я сразу тоже глазам своим не поверил, думал, что морок какой.

Пока они бурно обсуждали Горыныча, Лель склонился к моему уху и шепнул:

- Ты что, действительно замуж вышла за... этого?

- Действительно, - шепнула я, покосившись на Кощеев и Горыныча. Ну и компания! Кто бы мог подумать, что в такой окажусь! Но тут же спохватилась. - А тебя действительно украл Горыныч?

- Действительно, - шепнул Лель и неожиданно улыбнулся.

Я недоуменно уставилась на друга. Нет, судя по выражению лица, не шутит. Но...

- Как?!

- Елька постаралась, - мрачно ответил он. - Впрочем, кратко лучше пусть Любим объяснит. - Он мотнул головой в сторону Горыныча.

Тот оживленно что-то рассказывал Кощеям, указывая на ледяные ходы. Потом поймал мой взгляд и вдруг улыбнулся, по-доброму так.

- Что, Калина-чудесница, хочешь много спросить да не знаешь, с чего начать?

Темнозар и Дивислав обернулись. Ничего не поделаешь, пришлось подойти к ним. Все же выяснить, что и как, сумеем потом. Сейчас важно выбраться отсюда. И параллельно, если судьба улыбнется, обезвредить мерзкую туманную Ткачиху. Сомневаюсь, что она будет в восторге от нашего побега.

- Первый вопрос: как отсюда уйти? - спросила я, поняв, что план по уничтожению Ткачихи лучше прорабатывать в безопасности и покое, а не у нее в логове.

- Вы с ней мысли друг друга читаете, что ли? - покосился Горыныч на Дивислава.

Тот приобнял меня за плечи с очень далеким от раскаяния видом.

- Понятно, - вздохнул Горыныч. - Что ж, повторюсь: уйти отсюда нельзя. Ткачиха наложила мощное заклятие на Двурогую гору, в которой мы сейчас находимся. Поэтому иного выхода, как отыскать Хозяйку и донести, что плен нам не по душе, попросту нет.

Некоторое время я молчала, обдумывая услышанное. Ничего дельного в голову не приходило. Так, Калина, соберись. Ткачиха - создание, которое славно управляет туманом и льдом. Если ее, например, поджечь, то можно добиться удивительного эффекта.

- Чего она боится? - мрачно спросил Дивислав, обнимая меня.

После нашего бурного приветствия с Лелем он явно не в восторге. Хотя ничего такого и не произошло. Но я уже успела понять, что чувство прекрасного под названием «это МОЕ» у Дивислава развито очень хорошо. Поэтому спорить бесполезно.

Лель запустил пальцы в льняные волосы, взъерошил и без того львиную гриву.

- Все сложно, - изрек он. - Ткачиха знала, что вы придете. Поэтому подготовилась.

- Ну, не совсем так, - мягко поправил его Горыныч. - Попытаюсь кратко. И по возможности... - он вдруг поморщился и сделал глубокий вдох, - без лишних эмоций.

А потом направился к лестнице, оставляя нас в полном недоумении.

Не оборачиваясь, бросил:

- Следуйте за мной. Нечего терять время.

...Когда родились Любим и Счастлива, то в семье Горыныча-старшего все пошло не так. Сын совершенно не интересовался политикой и торговлей, зато увлекался счетными науками и все время тянулся к звездам, словно постоянное изучение обители богов могло привести к добру. Во всяком случае, так считал отец Любима. Счастлива же уродилась не в меру бойкой, хитрой и остроязыкой. И вроде бы правильная змеиная женщина, да только было в ней нечто темное, нехорошее. И поначалу этого разглядеть нельзя было, особенно отцу, воспитывавшему обоих детей без погибшей красавицы-жены. Счастлива не доставляла особых хлопот, вела себя смиренно, постигала науки и занималась хозяйством.

Только вот после смерти родителя разошлась полностью. Отыскала древние свитки с историей про Ткачиху - нехорошую суть Луны-серебряницы, которая появлялась во время затмения. В такое время Богатырь-Солнце не видел ничего, теряя часть сил, потому и ночь полностью вливалась в вены прекрасной Луны и перекрашивала в темную суть. Шло время, боги нашли способ спрятать Ткачиху в Двурогую гору, запечатали как могли. Привели хранителей из далеких земель, в чьих жилах текла золотая кровь и волосы были рыжими-рыжими. Такими же, как у их предка - Богатыря-Солнца. Поселились хранители в Ушбани, честно несли свою службу, оберегая мир от кровожадной Ткачихи.

Но потом... Счастлива нашла какой-то темный ритуал. Уговорила кого-то в Ушбани пойти вместе с ней к горе. Что там было - неизвестно. Только после этого Счастлива исчезла и больше не появлялась в Ушбани, а вот семья хранителей начала погибать. И вроде бы ничего странного... один заболел в осеннюю пору да слег, второй грибами отравился, третья под лед на реке провалилась. Осталась одна Зирьяна. Но после гибели своих родичей она потеряла большую часть сил и стала сама не своя. Защищать Ушбань пыталась, только мало что выходило.

А Ткачиха тем временем вошла в силушку, начала творить нехорошие дела.

Когда Горыныч сделал небольшую паузу, позволив обдумать услышанное, я заодно осмотрелась. Довольно скучный коридор уже закончился. Периодически встречались затянутые льдом ходы. Слишком уныло и пусто. Кажется, кроме самой зловредной Ткачихи, тут никого и нет.

- Здесь все так, - шепнул мне на ухо Лель, уже не обращая внимания на не слишком довольного Дивислава. - Ощущение, что гора - просто место для заключения. Сколько мы тут ни бродили - ничего не отыскали. Заклятие сильное очень. После бегства Темнозара Ткачиха отыскала слабое место и сделала так, что и не выбраться.

- А как вы столько времени протянули? - шепотом спросила я.

- Еду нам приносили ее слуги. Знаешь, такие огромные волки, которые... не совсем волки. В них она превращала души мужчин, погибших под серпами ее жнецов. И вообще...

- И вообще мужская сила мне нравится больше женской, - прошептал кто-то за спиной.

Я вздрогнула и резко обернулась. Совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, стояла Ткачиха. Довольно ухмылялась и смотрела ледяными прозрачно-голубыми глазами. Лицо... будто у древней старухи, губы узкие, нос крючком, прямо как у злой ворожки. Тело вот красивое, наряд богатый. Волосы как у молодой девицы. Живущей на краю леса. Только в этот раз головного убора нет. И косы немного растрепаны. Неужто торопилась куда?

Дивислав сильно сжал мое запястье, дернул за себя, становясь между мной и Ткачихой.

- Мило, - сказала она, осмотрев его с ног до головы. - Знаешь, ты не хуже своего старшего брата. А теперь у меня вас двое. Сколько же времени я ждала вас! Кощеева кровь наконец-то даст долгожданную мощь и отвяжет от этого проклятого места!

Какая-то плохая и неправильная сказка. И почему Темнозар так странно на нее смотрит? Впрочем, Дивислав тоже. Я медленно начала закипать, думая, куда культурно послать обнаглевшую Ткачиху.

И тут она посмотрела на Горыныча:

- Спасибо, брат мой, что привел их сюда.

Глава 4. Когда вмешиваются боги

Золото слепило глаза. Сияло ярко, не давало смотреть спокойно и прямо. Мне, привыкшему к полумраку змеиных покоев, это не слишком нравилось. Но Доля крепко держала меня за руку и вела за собой. Позади, весьма мерзко посмеиваясь, брела Недоля. Вот, честное слово, сколь хороша одна сестра, столь же печальна вторая!

- Он нас ждет, - бросила через плечо Доля, останавливаясь у дверей из золотистого дерева.

Коснулась длинными пальцами ручки в виде головы медведя, тут же раздался звериный рык, а потом - металлический звон.

- Свои-свои. - Недоля искривила в ухмылке тонкие губы. - Впускай уж.

Дверь бесшумно отворилась. Я только успел заметить, как полыхнули рубиновым светом медвежьи глаза.

Мы вошли. Э-хе-хе, а кузница Богатыря-Солнца - это вам не человеческая и не змеиная. В могучих руках огромный молот как игрушка детская, на ярмарке купленная. Пламя полыхает жарко, мигот пот начинает течь по лбу, а одежда липнет к телу. Искры вспыхивают такие, что миг превратишься в горстку пепла. И помощники у него под стать - озорные, неугомонные, из огня и горячего воздуха рожденные. На них только глянешь - тут же позабудешь про тьму и зиму.

- Ну-ну, проходите, коль явились, - раздался зычный голос Богатыря-Солнца. И тут же удар молота сотряс всю кузницу.

Я почтительно склонился:

- Здрав будь, Солнце ясное. Да не померкнут твои лучи, да не угаснет жар огня...

- Ну, полно, - добродушно расхохотался он. - Ты на то и Змеиный царь, чтобы словами сладкими да ядовитыми разум окутывать.

- Тут не было яда! - возмутился я.

Богатырь-Солнце появился прямо перед нами. Могуч, широкоплеч. С бронзовым торсом, в кожаном переднике. И вроде наряд под стать простому кузнецу, только пылают небесным огнем ясные очи, а улыбка ослепляет.

Про лучи я сказал не зря. В ночное время, когда на небо взбирается Луна-серебряница, Богатырь-Солнце уходит в небесную кузницу, чтобы сковать новые золотые лучи, что будут потом освещать землю целый день.

- Ладно, не сердчай, - отмахнулся Богатырь-Солнце, посмотрел сияющими глазами на Долю. - Рассказывай, светлая моя, что приключилось?

Разговор много времени не занял. Доля говорила быстро и складно. Сестра ее только стояла рядом, хмыкала, кривила губы и пожимала плечами.

Впрочем, к концу разговора Богатырь-Солнце тоже нахмурился. Опустился на роскошный кованный стул, задумчиво посмотрел на свой молот. Повисла тишина. Даже огненные помощники замерли, чуя, что не стоит нарушать тишину.

- М-да-а-а, - протянул он низким голосом. Ясный взор словно тучами заволокло, скрыв божественное сияние.

Я молчал. Родственные дела всегда такие... родственные. По дороге Доля рассказала, что Луна-серебряница не может быть как Солнце. Тот, даже если сердится, скрывается за тучами и не приносит вреда. А Луна все же дитя тьмы, да и покровительница тварей ночных. Вот Ткачиха - одна из ее подчиненных. А потому просто уничтожить ее не получится. Отношения у Богатыря-Солнца да Луны-серебряницы хорошие, только, судя по его задумчивости, с оговорками.

Разрядила обстановку внезапно та, от кого это совсем не ожидали. Недоля подошла к солнечному богу и положила ему руку на плечо:

- Не казись, - сказала ровно и сухо. - Спасти всех невозможно. А что сестра твоя заигралась, так за это на место поставить нужно.

Богатырь-Солнце посмотрел на нее. Вспыхнули ярким золотом глаза, на губах промелькнула скупая улыбка.

- Заигралась же, - с нажимом произнесла Недоля. - Одно дело забавляться у себя в Двурогой горе, другое - выходить в деревню. И не только в деревню, а тянуться к землям чужим.

- Поручила мне дело всей моей жизни, считай, - подал я голос, поняв, что самое время.

Богатырь-Солнце добродушно рассмеялся:

- Калинов мост ты и твои предки уж годами вызываете. Да только, думаете, я не вижу, что всегда специально до конца дело не доводите? Не так ли?

Доля укоризненно взглянул на него, я же сделал вид, что ужасно увлечен, разглядывая молот бога. Солидный. Интересно, кто его делал для самого Богатыря-Солнца?

Признаваться, что все и было так, как сказал собеседник, не хотелось. Но суть близка к истине. Пока нет серьезной угрозы, то и иметь под боком страшное оружие тоже не особо хочется. Сильных боятся. Но в то же время ненавидят и стараются собрать силы, чтобы напасть, сломать, уничтожить... А потому силу не всегда и не всем надо показывать. Но при этом далеко не прятать. Так, чтобы в любой момент можно было воспользоваться мостом. Восстановленный мост - лакомый кусочек. Потому я и не собирался полностью поить его кровью Калины. Еще бы чуть-чуть - и хватило бы. Но нет, помешали.

- Так-так, - хмыкнула Недоля, сложив руки на груди. - Ну да ладно. Сейчас Змеиный царь нам поможет исправить некие недочеты его дальней родни, так?

Я что-то проворчал про не в меру занудных богинь судьбы.

- Ладно, - произнес Богатырь-Солнце. - Ждите. Я скоро.

И растворился в солнечном свете.

Некоторое время мы молчали. Все же вот так видеть небесного кузнеца мне довелось в первый раз. И ни тебе пафоса, ни угроз, ни суровости. Хотя, конечно, уважать заставляет. Одним словом - дома. Дома даже боги вполне себе... люди.

- А что думаете, - вдруг подала голос Недоля, - успеем мы Счасту-змею опередить?

Мощная волна силы сбила нас с ног.

- Значит, брат? - крикнул Дивислав, вскакивая и делая рукой замысловатый пасс.

Стена темного пламени взвилась до потолка, дохнула жаром, затрещала недобро. В какой-то миг вроде бы дрогнула, но Темнозар тут же сложил ладони вместе и что-то прошептал. Темное пламя загудело, полыхнуло багрянцем, который будто пытался прорваться сквозь темноту и пляшущие языки.

Лель и Дивислав подхватили меня под руки одновременно и поставили на ноги. При этом обменялись не слишком приветливыми взглядами. Правда, если у Леля скорее были любопытство и непомерный интерес, то Дивислав даже не скрывал ревности. Мелочь, а приятно. В смысле...

Стало немного стыдно за подобные мысли. Потому проворчала:

- И сама могу, чай, не маленькая.

И внимательно посмотрела на огненную стену, чувствуя, что она может в любой момент сдаться.

- Брат, - глухо сказал подошедший к нам Горыныч. - Только тварь, с которой связалась моя сестра и первая же пала жертвой, ничего общего со Счастой не имеет.

Дивислав поперхнулся:

- Счастли погибла?

Лицо Горыныча словно окаменело:

- Да. В тот же день, когда Ткачиха, выпив ее силу, околдовала мой разум и отправила к Полозовичам забрать человека с волшебной кровью. Осторожнее!

Между нами пронеслась серебряная стрела, обдала холодом. Лель охнул, мы отпрыгнули в разные стороны. Меня не задело, но платье покрылось изморозью.

То, что прорвалось через кощеевскую стену огня, сейчас совсем не напоминало туманную красавицу. Чудище, выбравшееся из снегов, с бездонными провалами глаз, оскаленной пастью и

паклей вместо волос. Сгорбленная спина, скрюченные пальцы, согнутые ноги. Только на шее висят еще самоцветные ожерелья. Тварь обвела нас взором и завывала, жутко ослабилась.

- Что было в той стене? - спросила я, и с моих ладоней сорвались рубиновые пламенные шары.

- Чары против мо... - начал было Дивислав и вдогонку послал черный сверкающий смерч.

Тварь увернулась, но тут же взвыла от боли. И кинулась в сторону Горыныча и Темнозара.

Между ними сверкнула молния, ударила в пол, заставив зазмеяться по нему глубокие трещины. И... мамочки, широкие!

- ...рока, - закончил за брата Темнозар сквозь грохот и пыль.

А потом раздался визг, от которого пришлось зажать уши. Тварь не удержалась на краю и свалилась в одну из трещин. Хуже всего, что с каждым мигом они увеличивались.

- Не зевайте! - рявкнул Горыныч. - Тут проход есть.

Дивислав перекинул меня через плечо и быстро кинулся к стене. Я совсем не соответствующе возрасту и положению взвизгнула и вцепилась в спину супруга. Судя по короткому шипению, вцепилась ощутимо. И пока лицезрела крайне занимательный вид, упустила момент, когда мы оказались в темном узком проходе. Явно использовавшемся как тайный ход, весьма пыльном и низком. Позади снова загрохотало, камень под ногами дрогнул.

- Не радуйтесь лишней раз, - предупредил Горыныч, - Ткачиха очень живуча. И родная гора ей помогает. Не излечит, конечно, но и умереть не даст.

Оказавшись на ногах, я поправила платье и сообразила, что уж который раз Дивислав не дает ступить и шагу. Хотя реакция у него побыстрее моей. И не сказать, что я слишком против. Сначала спасаем голову, потом высказываем более сильному и ловкому напарнику, что «ой, да сама бы справилась!».

- Здесь узко, - вздохнул Лель. - Пробираться будет тяжело. Но есть надежда, что Ткачиха сюда просто не влезет - сколько с ней уж были, ни разу не видел, чтобы она входила хотя бы в наши камеры. Будто... боится замкнутых пространств.

- Это та, которая живет в горе? - скептически поинтересовался Темнозар.

- Она не всегда живет в горе, - мрачно подал голос Горыныч. - Бывало, что отлучалась куда-то.

- А почему вы в это время не пробовали сбежать? - спросила я.

- Потому что сложно бежать, когда на тебе тьма чародейских проклятий, удерживающих на месте и перенаправляющих всю силу твоему работодателю.

- Хватит стоять столбами! - распорядился Дивислав. - Надо идти.

Я с сомнением посмотрела на проход. А что, если там...

- Тупика нет? - с сомнением озвучил мои мысли Лель.

- Вот только не начинай, - отмахнулся Дивислав.

- Если припомнишь, то еще недавно и позади была приличная площадка, а не глубокая яма, - усмехнулся Темнозар.

Прозвучало здраво. К тому же по словам парней я сделала вывод, что Ткачиха может в любой момент появиться и помахать нам ручкой. С одной стороны, оказаться с ней лицом к лицу прямо среди скалы не хотелось, но с другой... особого выхода нет. Так можно было хоть отойти подальше от прежней тюрьмы и попробовать пробить заклятия Ткачихи из другого места. Да, у одного Горыныча ничего не вышло, но ведь нас теперь много. А значит, будем брать массой.

...Дорога и впрямь оказалась мерзкой до ужаса. Бывали участки, где приходилось буквально протискиваться между стенами. Хорошо хоть на голову ничего не падало, и никаких признаков погони и близко не было. Но все равно через некоторое время я была зла, изрядно ободрана и готова вывернуться на кого-то из ближних.

Ближние, надо отдать должное, вели себя очень спокойно и терпеливо, памятуя о том, что я совсем недавно вышла замуж (а это, между прочим, стресс для молодой девушки, которая туда совсем не собиралась).

По пути удалось немного детальнее узнать историю Горыныча. Оказалось, что его неразумная сестренка связалась с Ткачихой, поверила, что древняя тварь за помощь подарит ей часть своего могущества. Ткачиха уж не помнила, сколько ей лет, знала, что рождена была в одно из солнечных затмений, когда Богатырь-Солнце не присматривал за младшей серебряной сестренкой. И после заключения в горе долго не могла выбраться наружу – хранители хорошо делали свое дело и не пускали ее на волю.

Но Счастлива вычитала в древних свитках о Ткачихе и пошла ее искать. Извела проклятиями хранителей, одна Зирьяна осталась. А потом сумела разбудить Ткачиху.

Только вот сестрица Горынова и впрямь умом не блистала. Или же Ткачиха ее так здорово зачаровала, что та ни на миг не задумалась, что ни в какой расчет ее брать не будут.

А потому Счасту только использовали, чтобы задурить голову самому Горынычу и заклятиями-чарами заставить воровать людей из близлежащих земель. Горыныч сопротивлялся долго. И неизвестно, получилось бы что-то, если бы Счастлива не прикинулась ворожкой и не сумела убедить Ельку подсыпать Лелю не только приворотное зелье, но и зелье, на время отнимающее волю. Лель все же был лакомым кусочком – не простой человек, а потому и кровь его слаще пить да силу вычерпывать. Елька была и рада стараться. Скормила Лелю все так, что тот, бедняга, при виде Горыныча даже сопротивляться не мог, потому что и соображал с трудом.

В то время Ткачиха сделала рывок к Удавгороду. Да такой сильный вышел, что не рассчитала и быстро спряталась в гору. Начала делать вылазки в Ушбань, чтобы восстановиться, превращать заколдованных мужчин в жутких чудовищ, напоминающих волков, и рассылать их по округе, чтобы через них отбирать силу. На таких как раз и наткнулся Темнозар в умрунской деревне. Собственно, благодаря им Ткачиха учуяла вкусную силу Темнозара и утянула его к себе. Только удержать не смогла, не рассчитала, что такой орешек ей не по зубам. Потому и страшно опечалилась, когда Темнозар ушел живой и невредимый, при этом даже без особых потерь и мытарств по Двурогой горе.

Вот на этой волне негодования и страданий, так сказать, Ткачиха осерчала и выпила силы попавшейся под руку Счасты, которая, по словам Горыныча, вздумала напомнить о своих пожеланиях. Короче... не повезло Счасте. А учитывая то, что женской энергии Ткачихе для восполнения жизненных запасов надо куда больше, Горыновой сестре совсем не повезло. А потом еще и Ельке... тоже, глупой девчонке, влезшей в игру нелюдей, обладающих таким могуществом, что может только сниться. Правда, при этом нелюди сами полны недостатков и глупых стремлений, потому и оказались в далеко не хорошей ситуации.

– Аккуратнее тут, – подал голос Дивислав, – дорога отвратительная.

Мне ничего не оставалось, кроме как вцепиться в его руку и идти следом. В конце концов, он сильнее и шаг шире. Бежать впереди Кошца – плохая примета. Все равно догонит и на плечо закинёт. Это я уже успела испытать на себе за время нашего пути, поэтому не рвалась бежать первой.

Судя по ощущениям, мы уже спустились к подножию горы. Здесь было куда теплее, и даже доносились еле различимые звуки со стороны леса. Еще бы выход отыскать – и вообще чудесно было бы.

– Тихо, – вдруг шепнул Горыныч.

Мы все замерли, даже дыхание затаили. Позади слышалось какое-то цоканье. Потом – заунывный вой и тяжелое дыхание.

– Погоня, – изрек Темнозар с таким лицом, словно ему сообщили, что сегодня в харчевне пиво закончилось. – Предлагаю ускорить шаг.

Его руки обвили спирали темного пламени. У Дивислава через миг – тоже. Только в этот раз среди черных языков зазмеились ярко-алые капли.

Ничего себе! Так это же мои чудеснишки... Это у нас так взаимообмен пошел?

Из темного прохода, по которому шли, появились несколько туманно-серебристых волков. У меня внутри все сжалось. Такой волчок мне почти плеча достигает, кажется. Подойдет, клацнет зубами – мало не покажется.

– Старые знакомые, – пробормотал Темнозар. – Ну что ж... Приступим.

После этого мне показалось, что он пробормотал нечто похожее на «Жаль, так и не добрался до анализа плоти». Чьей именно, я так и не поняла, потому что в следующий миг волки кинулись на нас. Кинулись весьма изящно, отчего, взвизгнув, я шарахнулась в сторону Дивислава и охнула от

жара, прошедшего по ладоням.

Красно-черный огонь ослепил, полыхнул, наполняя весь проход. Волки яростно завывали и тут же превратились в пепел. Лель вскрикнул и рухнул на пол, Горыныч пошатнулся.

- Ослабь огонь! - заорал Темнозар. - Ты сейчас всех спалишь!

Черная стена окружила Горыныча и обоих Кощеев, скрывая от моего пламени. Дивислав рванулся ко мне, ухватил за запястье и тут же выпустил. Послышался запах горелой плоти...

Я резко опустила руки, к горлу подступила дурнота. Огонь безумной волной понесся по проделанному нами пути, сжигая все, что встречалось. Снова раздался дикий вой, перелившийся в чудовищное многоголосье.

Меня потряхивало, ноги еле держали. Я бросила взгляд на Дивислава. Он был на ногах, только чудовищно побледнел. И рука...

Я шагнула к нему, лихорадочно соображая, как быстро излечить, но запнулась о камень и едва не упала. А в следующий момент Двурогая гора задрожала, от грохота заложило уши. Неведомая сила подхватила нас золотым кольцом и вышвырнула вверх.

Я лишь краем глаза успела заметить, что гора раскололась на две части, обнажая нутро, полное туманно-серебряных чудовищ и еще одного - страшного, почерневшего, потерявшего человеческий облик. Смутно можно было разглядеть обрывки ожерелий на груди да остаток кики на голове.

- Ну-ну, милая, - громогласно раскатилось по небу, - побаловалась - и ладно. Что же ты так себя ведешь?

А потом появился он... На золотой колеснице, запряженной двумя конями, Рассветом и Закатом, в полном доспехе, сияющем так, что смотреть нельзя. Грозный, спокойный, могучий. Лук в сильных руках натянул, золотую стрелу, увенчанную оперением из дневного жара и ветра, приложил. Прицелился прямо в Ткачиху.

- Я что тебе говорил, забыла? - прогрохотал он.

Та нечленораздельно зашипела, рухнула на колени, протянула обожженные руки, больше похожие на лапы дикого зверя.

- И слышать не хочу! - отрубил Богатырь-Солнце. - Деревню извела, род мой уничтожила! А теперь о пощаде молишь?! Не бывать тому!

Солнечное пламя рухнуло прямо на Двурогую гору, закрывая огненной завесой.

Сознание вдруг начало ускользать. Откуда-то появилась гигантская тень, расчертила золотое пламя широкой полосой.

- Калинов мост... - донесся шепот Дивислава.

Но я больше ничего не видела, погрузившись во тьму.

- А я говорю, - никак не успокаивался Лель, - он к тебе теперь привязан!

В доме Кощеев мы уже который день пытались оклематься от произошедшего. Рада оказалась прекрасной заботливой свекровью: кормила, поила и ждала, пока мы все восстановимся. Не спрашивала, на кой нас понесло помогать Змеиному царю и зачем мы притащили с собой Леля и Горыныча. Впрочем, последнего она прекрасно знала - друг же Дивислава.

Богатырь-Солнце прислал весточку, что беспокоиться не о чем - Ткачиха больше Ушбань не потревожит. Зирьяна, как выяснилось, была украдена Ткачихой и погружена в состояние вечного сна. Богатырь-Солнце забрал бедную девушку, сообщил потерявшему надежду Могуте, что будет искать способ ее пробудить. На что волколак твердо заявил, что тоже не намерен сидеть сложа руки, и упросил забрать его вместе с любимой. Проникшись такой верностью, тот согласился. Так что теперь они вместе там ищут способ вернуть к жизни Зирьяну.

Вместе с разрушением Двурогой горы неожиданно умер Несебр. Оказалось, что он помогал Ткачихе и давал возможность убивать собственный народ. Уж что она ему посулила - неведомо. Только теперь стало ясно, кого же мы с Дивиславом видели в тот момент, когда исчезла бедная Елька. Нарядившись в туманную личину, он проник в ее дом и забрал девочку с собой - на поживу Ткачихе. Оставляя Ельку в Полозовичах было слишком опасно.

- Я очень рада, - пробормотала я, посмотрев в окно. Там Забава и Костяш деловито собирали ягоды с кустов. Точнее, собирала Забава, а Костяш всячески скакал возле нее и мешал всеми лапами.

Подруга наотрез отказалась уезжать из дома Кощеев, пока я не встану на ноги. Хотя... как по мне, у нее была еще одна причина, куда более весомая. Но... об этом пока говорить не буду.

- Ну а что не так-то?

Лель устроился на кровати и подвинул к себе поднос с едой. Все же из всех нас он пострадал больше всего - Кощей и Горыныч сумели щиты поставить, а меня мой огонь не тронул. Следовательно, заботились о нем куда сильнее. И кормили соответственно. Стряпает Рада изумительно, да еще и помощницам своим спуску не дает, поэтому яства - пальчики оближешь.

- Говорят же, что всякая чудесническая вещь чудесническую кровь ищет, - сообщил он, наворачивая из горшочка гречневую кашу с мясом. - Вот он к тебе и потянулся.

- Мост ко мне потянулся? - оторопела я.

- Но явился же на защиту, когда ты была в опасности? И силой поделился, - здраво возразил Лель.

Я задумалась, уставившись на вышитый узор на белой ткани - Дивиславу рубаху принялась делать, красным и синим. А то негоже ходить только в расшитых черным вещах. К тому же, кроме рукоделия, я сейчас мало на что способна.

Калинов мост мне показывался еще раз: когда оказалась дома. Словно проверял, все ли в порядке. И при этом я снова почувствовала прилив сил. Ощущение было, что на самом деле он живой. И просто наблюдает. То ли кровь ему моя понравилась, то ли одичал совсем, в небытии-то сидеть.

Змеиный царь коварно улизнул ото всех расспросов, но он все равно от меня никуда не денется. Ибо есть у Кощеев такая традиция - по рождению первого ребенка праздник большой справлять и всех, кого молодые пожелают, приглашать на него. А Змеиный царь от меня никуда-а-а не уйдет. Уж постараюсь.

- А по-моему, здорово, - поделился размышлениями Лель, разламывая краюху хлеба. - Моста еще ни у кого в защитниках не было.

Я фыркнула, выражая свое отношение к сказанному.

- Ну, смотри, - продолжал он как ни в чем не бывало. - Захочешь ты погулять ночью со своим желанным. Под луной да у реченьки на мостике постоять, за ручки подержаться. А тут - раз! - и мост свой.

Я медленно подняла взгляд на Леля. Повисла тишина. Друг насторожился, чуть нахмурился:

- Что?

- А ты замечал, - медленно произнесла я, - что луна на небе не появляется с тех пор, как мы здесь оказались?

Глава 5. Любовь Кощея

Спустя девять месяцев

- Не в восторге, вот честно, - искренне сказала я, удерживая любопытную Деяну на руках. Вот ребенку всего ничего, а все уже надо! Чую, едва она станет на ножки - бедный Кощеев терем.

Ручонки еще к интересующим предметам не тянет, но взгляд весьма осознанный. А глаза - серые-серые, все в папочку, прохвоста окаянного.

- Что? Все плохо, да? - занервничала Забава, ухватила шкатулку с драгоценностями и затрясла над кроватью. Броши, ожерелья, кольца и серьги разноцветьем рассыпались по покрывалу.

- У-а-у! - радостно сообщила Деяна, всем видом намекая, что увиденное ей очень нравится.

- Это только для взрослых, - сурово сказала я.

Дочь тяжело вздохнула. Нет, точно мне скоро несдобровать. Дитяtko с кощеевской кровью соображает куда лучше просто людских. Растет не по дням, а по часам - не выдумка. Теперь я знаю это точно. Раньше все не верила, думала, что сказки сказывают непоседливые мамыши, которые ждут не дождутся, когда детки подрастут. А тут - чистая правда.

- Ну, так как?

Забава крутилась возле зеркала, прикладывала то одно, то другое украшение, нервничала еще больше и все никак не могла выбрать нужное.

Я закатила глаза и сделала глубокий вдох. Боги пресветлые, дайте сил и терпения. Всего одно свидание, а ведет себя так, словно собралась на прием к Змеинному царю. Впрочем, если припомнить его, то там как раз не было никаких особых требований к внешности.

- Что ты молчишь?! - вспыхнула подруга, ожерелья со звоном упали на кровать, на грудь своих братьев.

- Я наблюдаю. И еще пытаюсь понять: ты сегодня собралась охмурять Горыныча или Леля?

Забава посмотрела на меня так, словно я спросила несусветную глупость.

- Скажешь тоже! И вообще, отсталая ты, Калинка! Нынче не только с одним супругом жить можно! Вон, слыхала, что наши северные соседи придумали?

- Что?

- Темнота, - фыркнула Забава. - Когда любовь столь сильна, что невоготу расстаться, то живут не двое, а трое. И называется это «варяжская семья», вот!

- То есть какой-то недогарем выходит? - уточнила я.

Забава снова повернулась к зеркалу, осмотрела себя со всех сторон. Деяна притихла, явно прислушивалась к разговору.

- Ну... можно и так сказать.

Честно говоря, я слабо представляла, как она такое объявит обоим молодцам. Что-то подсказывало, что оба будут не в восторге и новаторских идей соседей-варягов не примут. Хотя... Горыныч вообще парень необычный, ему ближе звезды на небе, чем земные девицы. Одним только богам ведомо, чем его Забава привлекла. Как и Леля, кстати. Ведь они друг друга знают давно. Но друг после Ельки и правда решил остепениться, а потому посмотрел на девицу проверенную, так сказать. Мол, семья пора заводить, подальше от богов, поближе к кухне...

В общем, чисто разумение Василя о семейных ценностях.

- Ка-а-алинка-мали-и-и-инка, мали-и-и-инка моя! В саду яго-о-ода калинка-малинка моя! - послышалось со двора, и в окно отвратительно неловко бухнулась тушка Васьки.

- Легок на помине, - пробормотала я.

- Уася! - радостно сообщила Деяна и замахала ручонками.

Филин гордо выпятил грудь, влез на подоконник и расселся с таким видом, словно узнал нечто невероятное.

- Твой явился, - мрачно заметила Забава. При этом имея в виду только филина. К Дивиславу она относилась очень хорошо.

- Об... - начал Вася. - Объявляю, короче.

По комнате почему-то разошелся винный аромат. Я, прищурившись, посмотрела на филина. Тот невинно хлопнул желтыми глазками, по-своему, по-птичьи. Взмахнул крыльями, пошатнулся и впечатался в ставню.

- Поди... виноградом забродившим баловаться изволил? - ласково уточнила я, покачивая Деянку на руках. Та явно куда больше хотела взобраться на окно и поковырять из птички перышки. К наследнице рода Кошеева Васька относился прекрасно, но в отличие от Костяша, которому младенческие ручки ничего не могли сделать, предпочитал сильно не приближаться. Ощипанный хвост тому причиной.

- Ничего не знаю, - невозмутимо сообщил он. - Никакого винограда и рядом не было! А вот сейчас рядом будет кое-кто другой!

- Здрав будь, хозяйка! - громогласно рявкнули до ужаса знакомые голоса, и в окне показались довольные физиономии Мишки и Тишки.

- Мать моя родная, - выдохнула Забава. - Это...

- Уи-и-и! - провозгласила Деяна и протянула руки к близнецам-домовым.

- Опаньки, - умилился Тишка. - Смотри-ка, а хозяйка тут уж не одна!

- Очень даже не одна, - подтвердил Мишка, с интересом разглядывая Деяну.

- Вы как тут оказались? - поинтересовалась я, покосившись на Забаву. Она-то их так близко никогда не видела. Это ж Межанск, тут все нелюди расхаживают в собственном облике и ни капли этого не смущаются.

- Так Кощей вызвал! - хором ответили они.

Ночь стояла просто сказочная. Яркие искорки звезд устлали черно-синий бархат неба. Мягкое серебристое сияние лилось прямо на землю, отражалось в воде. Стрекотали сверчки, шелестели листья на ветру. Где-то вдалеке пели ночные птицы. Ну как пели... Переговаривались себе стрекотом да щелчками.

В воздухе стоял дурманный аромат скошенной травы.

Но самое невиданное - впервые за много месяцев показалась на небе Луна-серебряница. Выскользнула из хоровода звезд, разлила сияние, напитывая им ночной воздух. Казалось, небесная красавица соскучилась по земле и ее обитателям. Оттого светит так ярко, что кажется, будто и не ночь вовсе.

Мы стояли на берегу, взявшись за руки, и смотрели на луну.

- Не стал Богатырь-Солнце долго томить сестру в заточении, - спокойно сказал Дивислав. - Выпустил все же красавицу.

- Ну так, - хмыкнула я. - Наверное, несладко ему пришлось. Хотя... сначала, конечно, ей.

Предположения подтвердить нечем. Но то, что Луна не просто так очень долгое время не появлялась на небе, заметили все. И таких ясных и дурманных ночей, как эта, очень давно не было.

Мою руку сжали крепче.

Я сделала вид, что ничего не заметила. Ну, разве что рыбок, которые нахально подплывают прямо к поверхности воды, а потом исчезают, оставляя расходящиеся круги.

- Ты зачем домовых привел, обормот? - поинтересовалась я, словно мы сидели на кухне и собирались кормить Деяну.

Все же, что ни говори, а даже такой маленький срок в семейных хлопотах и среди Кошеевых родственников отбил всякое желание мечтать о добрых молодцах и медовых поцелуях. Деянка растет не в меру активной и любопытной, чую, вся будет в мою драгоценную свекровь. А потому к ночи я падала с ног. И засыпала как убитая. Правда, надо отдать должное Дивиславу - нянчиться с дитячком помогал как мог. А когда уж было совсем печально, привлекал к этому делу Темнозара. Тот, конечно, закатывал глаза, говорил что-то вроде: «Зачем завели, если не справляетесь?» - но с Деяной сидел, читал какие-то свитки, и... как ни странно, она слушала. Не понимала, но слушала.

- Страдайте, как мы с вашей матерью страдали, - обнадеживал дорогой свекр, обращаясь, правда, к сыновьям. - Доля не упустила возможности восстановить равновесие.

Порой хотелось сказать, что Доля та еще штучка и уж скорее тут дело рук ее сестрицы Недоли, однако... что за разговоры о богах? Все равно ж не получится ничего хорошего, а небожители еще подслушают и зло затаят.

- Пусть помогают, - ни капли не смутился Дивислав. - А то с тобой скоро будет нечто страшное. Впрочем... со мной тоже.

- А представь, у нас родились бы близнецы? - невинно поинтересовалась я.

- Не приведи вся умрунская деревня, - пробормотал он, сотворив нечто похожее на осторожный жест.

В этот момент я поняла, что и сама-то пошутила не очень остроумно. Двух Деян представить не получается. Точнее, получается, но вот последствия... Я сглотнула.

- Раздавишь мне руку.

- Ой, извини, - очнулась я.

- Ну уж нет! - притворно возмутился супруг.

И прежде чем я смогла возразить, стиснул меня в объятиях и прижался к губам. Голова пошла кругом, вмиг стало не до луны, реки и проказ дочери. Поцелуй обжигал, заставлял кровь быстрее бежать по венам, не давал спокойно вдохнуть. И пусть мы жили вместе, теперь уже разделяя хлопоты и быт, все равно от поцелуев мужа в груди делалось горячо и сладко.

- Так ты меня за этим сюда привел? - шепнула я в его губы, когда наконец-то поцелуй прекратился.

- Ну... - Дивислав сделал вид, что раздумывает. - А есть варианты?

- Ну не прямо же здесь! - возмутилась я.

Что за новости! Даже будучи девицей никогда на сеновалы не ходила! Хотя зовущих было предостаточно, но... многие соображали сразу, а кто проявлял чудеса непонимания, очень близко знакомился с моим ухватом. Многие потом обходили дом чудесницы десятой дорогой. И правильно делали. Тут разве что Дивислав оказался совсем не обидчивым и упорно преследовал цель. Цель, в смысле я, некоторое время посопротивлялась, но потом перестала. А толку?

- У меня, кажется, есть годное предложение, - сказал Дивислав с самым серьезным видом, обвивая двумя руками мою талию.

- И какое же? - поинтересовалась, стараясь не думать о том, что последнее время Дивислав строил мне в подарок отдельный домик, ибо по законам Кошечевым жене любимой положен отдельный терем.

- А вот и увидишь, - довольно заявил он и подхватил меня на руки.

И в этот миг стало как-то совсем не до плеснувшей за спиной воды и странных скрипов. Если бы хоть на какое-то время оторвалась от сладких губ Дивислава и посмотрела на место, где мы стояли, то увидела бы, что через реку перекинут переливающийся алым огнем мост, царственный, огромный...

А рядом сидит большущий филин и деловито уплетает перезревшие виноградины. Со вкусом уплетает. И смотрит вслед Кошечевой чете. А еще тихонько переговаривается с мостом:

- Что вздыхаешь? Ну, что ты вздыхаешь? Смотри, какая пара красивая! И дочка у них хорошая, и будет все хорошо!

А мост тихонько поскрипывает, то ли соглашаясь, то ли умиляясь.

Филин рассматривает последнюю горсть виноградин, потом с размаху плюхается на траву, прямо на ошипанный детской ручонкой хвост.

- Пусть пока побудут счастливые. Они ж пока не знают, что завтра весь дом Кошечев на крышу встанет.

Я всегда знал, что добром это не кончится. И даже тихая ночь не смогла обвести вокруг пальца. Прибывшие домовые Калинки вели себя шустро и деловито, на удивление быстро подружились с нашими и не стали заводить свои порядки, а приняли существующие. Чем вызвали уважение всех

сразу, мое в том числе.

Деяна сладко посапывала на моей кровати. Истории о приключениях темного ведуна и его возлюбленной, прекрасной валькирии, в чудесном городе Ильграде ей явно пришлось по вкусу. Во всяком случае, засыпала она под них просто чудесно.

Перед тем как лечь самому, я еще успел перебраться парой слов с Василием. Удивительнейший экземпляр, кстати. Жаль, не узнать, как такое сокровище оказалось у родителей Калины. Обратники-помощники обычно не любят сидеть возле людей. А этот Калину одну не оставит. Любит ее, помогает во всем. Делает, конечно, все не сразу и не всегда вовремя, но делает же!

С этими мыслями я и заснул. А утро началось с того, что племяшка активно требовала маму и завтрак. Благо Калинка вернулась как раз вовремя, взяла чадо на руки и унесла в свою светлицу.

Я уже было выдохнул спокойно, но...

В дверь постучали. А потом, не церемонясь, распахнули. Узрев на пороге матушку, понял, что про спокойный день и исследование присланных Могутой солнечных трав для лечения Зирияны можно забыть.

- Так, хватит валяться! - скомандовала она. - Приводи себя в порядок и спускайся к нам.

- Это зачем? - подозрительно поинтересовался я, серьезно раздумывая над тем, чтобы резко прикинуться убогим и хворым.

- Пророчествовать будут, всем присутствовать обязательно. Тебя это тоже касается.

Я только тяжело вздохнул. Вот так и знал! Не ходит беда одна! И Лишка всегда приходит в самый неподходящий момент! (А если учитывать мою особую любовь к ней, то этот момент для нее - всегда!)

В этот раз Лишка превзошла сама себя. Вырядилась так, словно на праздник к самому князю киевскому собралась. Столько побрякушек на одной женщине я еще никогда не видел!

Правда, тут же закралась мысль, что все же она отыскала тайный ход к нашим сокровищам и попросту высыпала весь сундук на себя. А сундуки у нас в человеческий рост. Вот и представляйте размер бедствия.

В этот раз все собрались прямо в комнате для гостей. Лишка неожиданно вместо привычной циновки и своих штучек для пророчеств притащила огромный шар. С человеческий локоть в диаметре. Хрустальный, изумительно отшлифованный - ощущение, что не из камня сделан, а застывшая вода. Но живая вода, волшебная, а не лед с реки.

Калинка в первый раз лицезрела «кощеевскую пророчицу». Выражение лица моей невестки было прекрасно. Одновременно показать «Боги, что это?», «А, это к нам?» и «Уважаемая Рада, кажется, к нам пришли скоморохи» - талант. Потом Калинка медленно перевела взгляд на меня и молча приподняла бровь. Я только развел руками. Она покачала головой и крепче прижала к себе Деянку. Та, кстати, Лишки совершенно не испугалась и осматривала с живым интересом. Приблизительно такого толка: «Какая восхитительная погремушка! Я бы ее потрясла!»

Кстати, склонность к разрушению у чада налицо. Поэтому чудесницкие способности Калинки явно тут не на первом месте. Еще посмотрим, какого жару задаст нам дитяtko, когда подрастет.

- Просим простить за задержку, - раздался голос отца.

Он с Дивиславом осматривал укрепления у реки. Водяной попросил прийти пораньше, но, видимо, разговор затянулся. В итоге собралась вся наша семья. Да еще и гостившая Забава. С ней, кстати, я пока вообще не мог понять, что происходит. Девушку явно пытались охмурить в две дудки Лель и Горыныч. От последнего я вообще не ожидал, честно говоря, но это такое дело. Все мы в чем-то люди, даже Кощеи и Горынычи. Забава, нужно отдать ей должное, совершенно не смущалась и живо бегала на свидания к обоим. Любопытно, чем все это закончится. Но пока что никаких прогнозов делать не рискну.

Дивислав сел рядом с Калинкой. Деяна тут же зашевелилась и попыталась потянуться к любимому папочке, издавая умиленное агуканье. Вот честно, насколько я не чадолюбив, но на племяшку явно реагирую не так, как на других.

Калинка что-то шепнула дочери. Та сразу переключилась с отца на хрустальный шар, который Лишка деловито установила посреди комнаты.

- Это новый способ предвидения, - важно заявила она. - Подарок самого Змеиногo царя! Он даровал

такие своему народу и мне из-за особого расположения.

- Это какому народу? - любопытствовала Забава.

Лишка загадочно на нее посмотрела единственным глазом. Я же решил, что потом расскажу побольше о ловком и смуглом народе, женщины которого ходят в длинных широких юбках и цветастых платках, а мужчины - в жилетах и высоких сапогах. Живут в шатрах, жгут костры и поют песни. А еще растят юрких детишек, которые весьма славно воруют кошельки у честных селян.

Лишка приняла важный вид:

- Всю правду расскажу, - объявила она.

Ну точно! Даже манеру речи у них скопировала. Вот же страшная женщина!

Остальные, правда, не совсем осознали глубину ее падения. Все напряженно смотрели в шар. Лишка вроде как хотела опустить на него руки, но ладони замерли, так и не коснувшись хрустальной поверхности.

Откуда-то донесся шум воды, потом - пение птиц и чей-то смех. Голова закружилась, в воздухе появились запахи свежей выпечки, леса и пыльных свитков. Множество голосов зашумели разом. Кто-то смеялся, кто-то шушукался, кто-то покрикивал.

Но все голоса были юные.

Неожиданно перед глазами появилась стройная молоденькая девушка, лет четырнадцати-пятнадцати на вид. Коса ниже пояса, черная-черная, с едва уловимым синеватым отливом. Белая кожа, огромные серые глаза. В руках держит плюшку, обсыпанную сахаром. Хм, такие наша матушка делает. Добротная одежда, только вот больше пойдет охотнице, а не красной девице. За спиной - лук и колчан со стрелами. А сама сидит верхом на вороном жеребце. И смотрит куда-то вдаль. Хм, погодите... Да это же стольный Къев! Сам не раз смотрел на него с Межанского склона.

К девушке на плечо, усердно махая крылышками, сел серый соенок. Посмотрел внимательно, а потом что-то заговорил на ухо. Девушка улыбнулась, погладила его по перышкам. Тонкие девичьи пальцы обвили алые искры.

- Ну, полно тебе, - сказала она мягким приятным голосом. - И ничего мама с папой не узнают. А дядя Темнозар такой глупостью себе голову забивать не станет, вот увидишь.

Соенок насупился, махнул крылом, задевая затылок девушки, словно хотел дать подзатыльник.

Собственное имя заставило прищуриться и прислушаться внимательнее. Благо Лишка сейчас словно растаяла среди исходившего от хрустального шара света-тумана, скрывающего весь мир, оставляя только грядущее.

- Ай! - возмутилась девушка. - Перестань буяннить! В конце концов, все рано или поздно делают это!

Дивислав закашлялся.

- А поступить мне все равно надо. А куда, как не в столицу? - растолковывала она насупленному соенку. - Тишка с Мишкой вещи переправят. А когда уж примут в Древнекъевскую Академию Волшбы, то пошлю им весточку с тобой. Ну хорошо, с голубем. Чего ты так сразу? А-а-а, дядя Вася заклюет? Да-а-а, это плохо. Ничего, не бойся, я тебя в обиду не дам.

Некоторое время они молча смотрели с холма вниз. Вскоре соенок вытянулся и принялся уплетать плюшку. И если до этого у меня еще были сомнения, то теперь даже они исчезли. За всю свою жизнь я видел только одного филина, способного есть все подряд в невероятных количествах.

- Деяна! Деяна! - донесся звонкий девичий голос, и на холм на белой кобылке вылетела еще одна девица.

Раскрасневшаяся, запыхавшаяся, с растрепавшейся льняной косой. Пухленькая, улыбчивая, ясноглазая. Только вот на бедре меч вовсе не девичий. Да и в седле держится так, словно все время в нем проводит.

- Ну, ты и поскакала! Я еле успела!

- Остромысла, нечего было стоять возле оружейной лавки, - буркнула Деяна. - Я звала-звала, но ты...

- Это не я, это все царевич! - весело отозвалась ее подруга. - Да и там, наверно, он не оди...

В поле зрения появилось еще два юноши, тоже на конях. Волосы одного полыхали как пламя, зеленые глаза с черным вертикальным зрачком внимательно смотрели на Киев внизу.

- Догнали, - хрипло сказал он.

Второй тихо засмеялся. Худой, гибкий, словно змея, черноволосый и черноглазый.

- Отец сразу сказал, что так и будет.

Деяна хмуро посмотрела на него:

- Змееслав, ты совсем разум потерял - отцу все рассказывать?

Тот снова засмеялся:

- А мне и рассказывать не надо, у меня не забыла, кто мать? Она ему и поведала, что жить мне с Кощеевой дочерью, богатырской внучкой и сыном Горыныча. Да, Ждан?

Тот не ответил и сделал вид, что ничего интереснее совенка на плече Деяны никогда не видел. Совенок, учуяв такое внимание, быстро перелетел к нему и преданно посмотрел в глаза. Ничего не сказав, Ждан полез в свою котомку и достал еще одну румяную плюшку.

- Ладно, едем! - звонко объявила Деяна. - А там...

Изображение вдруг померкло, по хрусталу пошла трещина. Лишка громко чихнула. Шар вдруг задрожал и рассыпался на мелкие осколки.

- Боги! - застонала горе-пророчица. - Всего одно предсказание, и конец инвентарю, а-а-а-а!

- Не голоси, - осадил ее отец. - Подделку, значит, тебе подарили.

- Но сам Змеиный царь...

- Прохвост еще тот, - закончила матушка.

Лишка в панике бегала вокруг осколков предсказательского шара. Я скептически наблюдал за происходящим. Забава углубилась в собственные мысли.

- А что... - пробормотала она под нос. - Остромысла еще хорошее имя в честь папы опять же. Да и Ждан...

Калину и Дивислава же, кажется, вообще не волновало ничего вокруг. И даже показанное Лишкой будущее. Оба склонились над Деяной, которая явно показывала, что настоящее куда важнее.

И то правда. Жить надо сейчас. Воспитывать ребенка, даже если он потом будет хулиганить. Договариваться с соседом, даже если он водяной. Кормить помощника-защитника, даже если он Вася. Любить супруга, даже если он Кощей. И...

И все. А остальное само сложится. Сложится хорошо.

Сами увидите.